

Александр Грин

Джесси и Моргиана

Александр Степанович Грин

Джесси и Моргиана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270302

Аннотация

Роман о любви, коварстве, ненависти и смерти. На что способна некрасивая женщина, которая смертельно завидует молодости, красоте и обаянию своей единственной младшей сестры?

Содержание

Глава I	5
Глава II	13
Глава III	19
Глава IV	26
Глава V	32
Глава VI	39
Глава VII	45
Глава VIII	52
Глава IX	57
Глава X	65
Глава XI	79
Глава XII	93
Глава XIII	105
Глава XIV	117
Глава XV	126
Глава XVI	142
Глава XVII	154
Глава XVIII	169
Глава XIX	175
Глава XX	187
Глава XXI	209
Глава XXII	224
Глава XXIII	237

Александр Степанович Грин Джесси и Моргиана

*Автор посвящает эту книгу Нине Николаевне
Грин*

*Рассудок тут бессилён, а потому не тратьте
ваших доводов. Довольно будет сказать вам, что
вопрос касается сердечных дел.*

Р. Стивенсон. Сент-Ив

Глава I

Существует старинное гаданье на зеркалах: смотреть через зеркало в другое зеркало, поставленное напротив первого так, что они дают взаимное отражение – сияющий бесконечный коридор, уставленный параллельными рядами свечей. Гадающая девушка (так гадают только одни девушки) смотрит в тот коридор; что она там увидит – то, значит, с ней и случится.

Однажды, – было это весной, в половине двенадцатого часа вечера, – девушка Джесси Тренган забавлялась вышеописанным способом, сидя одна у себя в спальне. Она поставила

против туалетного зеркала второе, зажгла две свечи и воззрилась в сверкающий туннель отражения.

Джесси Тренган через месяц должен был исполниться двадцать один год. Это была своенравная, веселая и добрая девушка. Описать ее наружность – дело нелегкое. Бесчисленные литературные попытки такого рода – лучшее тому доказательство. Еще никто не дал увидеть женщину с помощью чернил или типографской краски. Случается изредка различить явственно лоб, губы, глаза или догадаться, как выглядят за ухом волосы, но более того – никогда. Самые удачные иллюстрации только смущают; говоришь: «Да, она могла быть и такой», – но ваше скрученное или разбросанное впечатление всегда иное, хотя бы оно было бессильно дать точный образ. Переход к дальнейшему непоследователен, но необходим: у Джесси были темные волосы, красивое и открытое лицо, стройное и привлекательное телосложение. Ее профиль вызывал в душе образ втянутого дыханием к нижней губке лепестка, а фас был подобен звонкому и веселому «здравствуйте». В понятие красоты, по отношению к Джесси, природа вложила свет и тепло, давая простор лучшим чувствам всякого смотрящего на нее человека, за исключением одного: это была ее родная сестра, Моргiana Тренган, опекунша Джесси.

Сидя перед зеркалом с насмешливой, но довольной улыбкой, Джесси вдруг почувствовала стеснение; затем – раздражение и досаду. Так всегда действовала на нее всякая нежиз-

данная помеха со стороны Моргианы.

Появись в комнате, Моргиана сказала:

– О, Джесси! Как тебе не стыдно? Разве ты не изучила еще свое лицо?!

Джесси оторвалась от забавы, но не ответила по причине, которую мы тотчас поймем. Насколько хороша была младшая сестра, настолько же безобразна и неприятна была старшая. Но ее безобразие не возбуждало сострадания, так как холодная, терпкая острота светилась в ее узких, темно высматривающих глазах.

Среди некрасивых женских лиц огромное большинство их смягчено – подчас даже трогает – достоинством, покорностью, благородством или весельем. Ничего такого нельзя было сказать о Моргиане Тренган, с ее лицом врага; то было безобразие воинственное, знающее, изучившее себя так же тщательно, как изучает свои черты знаменитая актриса или кокотка. Моргиана была коротко острижена, ее большая голова казалась покрытой темной шерстью. Лишь среди преступников встречаются лица, подобные ее плоскому, скуластому лицу с тонкими губами и большим выражением рта; ее жалкие брови придавали тяжелому взгляду оттенок злого и беспомощного усилия. С тоской ожидал зритель улыбки на этом неприятном лице, и точно, – улыбка изменяла его: оно делалось ленивым и хитрым. Моргиана была угловата, широкоплеча, высока; все остальное – крупный шаг, большие, усеянные веснушками руки и торчащие уши – дела-

ло рассматривание этой фигуры занятием неловким и терпким. Она носила платья особо придуманного покроя: глухие и черствые, темного цвета, окончательно зачеркивающие ее пол и, в общем, напоминающие дурной сон.

Отец сестер умер четыре года тому назад; за год раньше умерла мать.

Джон Тренган был адвокатом, жил широко и не оставил наследства; Джесси получила большое наследство от дяди, брата отца, а Моргиана, – назначенная опекуной сестры до ее совершеннолетия, – имела, по завещанию этому, небольшое поместье с каменным домом, названное «Зеленой флейтой»; весь остальной капитал – сорок пять тысяч фунтов и большой городской дом – принадлежал Джесси.

Против мрачной фигуры сестры шелковый японский халат Джесси был нестерпимым напоминанием о разнице между ними, а также – об их возрастах: тридцати пяти – Моргианы и двадцати – Джесси.

– Тебе нет нужды гадать о женихах, – продолжала Моргиана, наслаждаясь мрачностью девушки, – больше, чем надо, будет их у тебя. Джесси вспыхнула и резко толкнула зеркало, которое чуть не упало.

– Зачем ты издеваешься надо мной, Мори? Мне рассказала горничная, что есть такое гаданье. Я забавляюсь. Почему это тебя так злит?

– Да, злит, и будет всегда злить, – ответила Моргиана с откровенностью постороннего человека в отношении себя са-

мой. – Посмотри на меня, а затем обратись к своему любимому зеркалу. Такой урод, как я, обязан раздражаться, видя твое лицо.

– Разве я виновата, Мори? – с упреком произнесла девушка, и ей стало жалко сестру. – Представь, я так привыкла к тебе, что не знаю даже, хороша ты или дурна!

– Я дурна. Безжалостно, безобразно дурна.

– Зачем ты меня так ненавидишь? – вскричала Джесси, с отчаянием всматриваясь в пристальные глаза Моргианы. – Уже давно мучаешь ты меня такими сценами. Я не знаю, не знаю, почему мы с тобой родились такими разными! Поверь, я часто плачу, когда вспоминаю о тебе и твоих страданиях!

– Я ненавижу тебя, – тихо ответила Моргиана, с ревностью изучая взволнованное лицо сестры, которому игра чувств придавала еще большую прелесть. – Я тебя очень люблю, Джесси. Люблю тебя внутреннюю. Но наряд твой, праздник твоего лица и красивого, стройного тела, – мне более чем ненавистен. Я хотела бы, чтобы от тебя остался один голос; тогда и мои слова были бы так же нежны, так же искренни и натуральны, как твоя детская речь.

– Я не виновата, – растерянно повторила Джесси. Бесстыдные душевные содрогания Моргианы внушали ей страх; хотя часто она наблюдала их, но жестокая откровенность сестры всегда угнетала ее.

– Все, что ты говоришь, понятно, – продолжала Джесси. – Я все понимаю. О, если бы ты смягчилась! Будь доброй, Мо-

ри! Стань выше себя; сделайся мужественной! Тогда изменится твое лицо. Ты будешь ясной, и лицо твое станет ясным... Пусть оно некрасиво, но оно будет милым. Знай, что изменится лицо твое! – повторила Джесси так горячо, что прослезилась и засмеялась.

– Девочка, что ты знаешь об этом? – пробормотала Моргана. – Ты не знала никогда моих мук и никогда не узнаешь их. Они безобразны, как я.

– Я часто думала, – сказала Джесси, – о загадке рождения. Мы родились от одних и тех же людей: матери и отца наших, но почему ты вынуждена терзаться, а я – нет?

– Я тоже думала об этом, – ответила, помолчав, Моргана, – и мне одно объяснение кажется правильным, как оно ни чудовищно по своему существу. Ты не ребенок, и тебе следует знать о рисунке, который висел в спальне нашей матери, когда она была беременна мной. Это был этюд Гарлиана к его картине «Пленники Карфагена», изображающей скованных гребцов галеры. Этюд представлял набросок мужской головы, – головы каторжника – испитого, порочного, со всеми мерзкими страстями его отвратительного существования: смесь шимпанзе с идиотом. У беременных женщин бывают необъяснимые прихоти. Наша мать приказала повесить этюд напротив изголовья своей кровати и подолгу смотрела на него, привлекаемая тайным чувством, какое вызывала в ее состоянии эта повесть ужаса и греха. Впоследствии она сама смеялась над своей причудой и ничем не могла ее объ-

яснить. Мне было восемнадцать лет, когда мама рассказала мне об этом случае; при этом ее глаза наполнились слезами, и она гладила меня по щеке, склоняясь надо мной с тревогой и утешением. Впоследствии я нашла в сочинениях по патологии указания на восприимчивость беременных женщин к зрительным впечатлениям. Не ясно ли тебе, что мать нарисовала меня сама?

Стараясь не понимать, о чем говорит Моргиана, Джесси, беспомощно напряженная и порозовевшая, сидела, широко раскрыв глаза.

– Этого не могло быть, Мори; это лишь мнительность, – утешала она сестру.

– Что-нибудь другое, чего мы не знаем. Будь добра, прекратим такой разговор, он очень тяжел.

– Ты права, – сказала Моргиана, – существо, подобное тебе, имеет право возмущаться страданиями и не подпускать их к своей особе. Я не могу вызывать любовь, и потому я не скоро еще научусь делать приятное.

Эти слова, сказанные равнодушно, без горечи и надежды, сильно потрясли Джесси.

– О, Мори! – воскликнула она, стараясь притянуть к себе каменную руку сестры. – Ты нуждаешься в любви? Люби меня, но просто, и я буду тебя любить всем сердцем. Ведь ты – сестра моя!

– Довольно, – сказала Моргиана, освобождая руку и хмурясь. – Сейчас я очень далека от тебя и не слышу твоих слов.

Я пришла не для упражнений в чувствах. Не согласишься ли ты переехать в «Зеленую флейту» на то время, пока здесь будет происходить ремонт?

Джесси молчала, всматриваясь в сестру. Хотя была она взволнована и расстроена, нечто, подобное едва слышным шагам подкрадывающегося человека, внушило ей прямой и твердый ответ.

– Нет, – сказала она, и ее правдивое лицо повторило эти слова.

– Нет?

– Нет, Мори, нет, – повторила Джесси, стараясь быть шутиливой. – «Зеленая флейта» действует мне на нервы. Там очень глухо. Мне жаль, конечно, но я предпочитаю остаться здесь.

– Ты не намерена, однако, просидеть в Лиссе все лето?

– Отнюдь. Я, может быть, поеду к Еве Страттон, в ее виллу «Цветущий горошек».

– Как хочешь, – проговорила Моргиана, не считая уместным настаивать и обдумывая свое. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Мори, – зевнула Джесси, потягиваясь. Она встала. Моргиана напутственно улыбнулась ей и ушла.

Глава II

Джесси, или Джермена Тренган, была девушкой, не представляющей ничего особенного на требовательный взгляд искателя даровитой оригинальности или грациозного тщеславия. Она была большей частью погружена в свои мысли, а впечатлению отдавалась полностью, если оно захватывало ее. Все мысли имели для нее интерес новизны, – безразлично, думал ли кто-нибудь одинаково с ней или нет о каком-либо обстоятельстве. Она не заботилась о впечатлении, какое производила на окружающих, и не подозревала, что ее естественность в речах и поступках заставляет ум работать сильнее, чем очарование девушки-вундеркинда, преследующей модные цели, предписанные последней книгой шестимесячного пророка. Иногда она подозревала, что ею любят, – по поводу, неясному для нее, – и, оставляя причину на совести заподозренного, улыбалась с совершенно сознательным кокетством. Она любила музыку, сама же играла плохо, но ничуть не терзалась этим. Ни попыток рисовать, ни тщеты настрочить стихи и никакого подобного тому любительского зуда не было у нее, как будто природа, утомясь творить сложные существа, не знающие, что делать с собой, захотела отдохнуть, сказав: «Пусть она будет просто девушка». Со всем тем была она далеко не глупа, и ее сердце так же возмущалось и страдало, если сталкивалось со злом, как сердце

всякой представительницы женского пола, обратившей добрые чувства в свою монополию и употребляющей их согласно параграфам. Она была проста, но такой простотой, к которой других приводит лишь трудный и болезненный опыт. Для сравнения, раз дело идет о женщине, мы приведем избытый пример: драгоценное платье, выглядевшее так, как будто за него заплачено по всем доступной цене.

Следующим утром Джесси встала не в духе, но, бросив взгляд на туалетное зеркало, не смогла удержаться от улыбки. Всегда ее удивляло разноречие отражения и внутренних ощущений при дурной минуте: молодая девушка в зеркале, с ее гладкими плечами и ясным взглядом, казалось, никогда не знает скверного настроения. В такие моменты Джесси чувствовала себя чуждой своему образу и сомневалась в его правдивости.

Взгляд на зеркало снял все же паутину с ее лица. Вчерашние мысли, возникшие после сцены с сестрой, досаждали ей, пока она причесывалась, но властвовать над ней не могли. По достижении совершеннолетия Джесси намеревалась отправиться в далекое путешествие с подругой своей, Евой Страттон, а по возвращении поселиться в Унгане, чтобы не встречаться с сестрой. Пока она ничего не говорила ей об этом, но не могла, в глубине души, простить ей то страшное оружие, которым пользовалась Моргана во время припадков душевного обнажения. Как ни жалела Джесси сестру, – разум ее отказывался исходить мукой по причинам непопра-

вимым, как не могло бы зеленое дерево признать праведным гнет упавшего на него сухого ствола. Иное дело, если бы от нее зависело помочь Моргиане, – и она не однократно размышляла об этом, – Джесси не задумалась бы отдать богатство и красоту.

Ненависть есть высшая степень бесчеловечности, превращенная в страсть; тот счастлив, кто не испытал ее внимательного соседства. Джесси рассмеялась бы, если бы ей сказали, что Моргиана действительно ее ненавидит, и в ненависти своей близка к тому, чтобы рыдать у ее ног, вымаливая прощение, как отдых от непосильной работы. Все другие женщины, красивые или хорошенькие, вызывали у Моргианы лишь горькое и злое волнение, готовое перейти в критику. Но Джесси стояла особо, как главное слово молодости и нежности. Для Моргианы была она – весь тот мир в едином лице, выросший рядом с ней.

Что касается Джесси, ею овладевала иногда легкая грусть, когда, под влиянием болезненного разговора с сестрой, она, проходя или проезжая улицей, отыскивала в толпе лица, беспощадно отмеченные природой, с тем, чтобы в чем-то оправдать их своим ясным и точным зрением. Но очень редко Джесси размышляла об этих трудных, больных вещах с бесстрашием рыцаря, пускающего в страну чудовищ. Ее мысли, само собой, поворачивались к иным предметам мышления. Неестественное усилие рассеивалось, беспомощная философия рушилась, и Джесси возвращалась в свой мир, ра-

дуясь, что живет.

К завтраку Моргиана появилась степенной, со снисходительно насмешливым видом, как будто не она, а Джесси делала вчера вечером удушливые признания. Молчаливое, вопросительное настроение сестер от коротких замечаний перешло к разговору. Так как предстоял ремонт, Моргиана заявила, что на днях переедет в «Зеленую флейту», а Джесси сообщила, что временно переберется в библиотеку. Из библиотеки был отдельный выход; та часть дома, где помещалась Джесси, не требовала ремонта; почти во всех остальных помещениях оказались изъяны. После землетрясения минувшей зимы осыпались лепные карнизы, расстроилась пригонка дверей; во многих местах отстала штукатурка, порвав обои.

– Я буду просыпаться, – сказала Джесси, придя в хорошее настроение, – в библиотеке, бросая невежественные взгляды на ученые заглавия. Однако вся научная эманация заберется в меня. Я уверена, что к осени, когда ты вернешься, – но ты будешь ведь приезжать? – я стану, без причины, профессором. Великое дело – латынь!

Говоря так, она разбила яйцо и погрузила в рот полную ложечку его содержимого. Она медленно вынимала ложечку на сомкнутых губ, как внезапная мысль – «цыпленок не осуществился, погиб...» – некстати рассмешила ее. В скаречно-жалостной мысли этой – выскажи ее кто-нибудь серьезно – клокотала пышная глупость. По таинству ассоциации,

Джесси мгновенно представила чопорного человека, явившегося в общество при всем параде, но забыв надеть штаны. «Цыпленок есть принцип», – сказал он, достойно подрагивая волосатым коленом... Пицца, залегшая среди белых зубов Джесси, остановилась, от ног до головы ее потряс смех, ни проглотить, ни выплюнуть набранное в рот она не имела силы и, не совладав, вся красная от страха закашляться, Джесси прыснула смехом и яйцом прямо на стол.

– О, мне что-то весело! – через силу произнесла она, когда отдышалась и вытерла смешливые слезы. Взгляд Моргианы остановился на ней с замкнутым выражением. – Моргиана! Медведик ты плюшевый!

– Чем вызван твой припадок? – спросила ее сестра.

– Когда смешно, то все равно от чего смешно, – оправдывалась Джесси. – Теперь уже не смешно. А из яйца... – она одолела приступ веселья, иначе опять залилась бы хохотом, – мог выйти цыпленок. Это верно. Мори. Вот мне и стало смешно.

Если бы Моргиана не чувствовала так остро всю правду и невинную прелесть этой пустяшной выходки, ей было бы легче. Робко взглянув на сестру, Джесси выпрямилась, повела бровью и стала смотреть в тарелку. Тогда, из внезапной, фальшивой прихоти, которой устыдилась сама, Моргиана громко захохотала, и этот запоздалый смех по приказу сделал ее отвратительной.

После завтрака Моргиана поднялась первой, чтобы ехать

– как она сказала Джесси – к нотариусу. Джесси не интересовалась деньгами; роль сестры в финансовых и нотариальных делах рассматривала она как подвиг. Они расстались мирно-любовно. Затем Джесси вспомнила о билетах; она сказала: – «Ах, ах», – и попеняла себе.

Глава III

Вчера Джесси твердо решила развезти утром своим знакомым порученные ей десять билетов на спектакль в пользу престарелых музыкантов оперы. Она откладывала это три дня. Вчера стояла пасмурная погода; рассчитывая, что сегодня польет дождь, Джесси охотно постановила употребить дурной день для посещения семейств Ватсонов, Апербаумов, Гардингов и других неприступных крепостей, где только она, с ее небрежной и беззаботной манерой, могла пограбить, не вызывая особого раздражения, свойственного самолюбию, отлитому из золота. Как раз теперь дурная погода кончилась; небо и земля сияли, кричали. Уже с утра Джесси коснулась стрела движения, звукнув над ее ухом, как брошенное на бегу слово. Но по городу ей не хотелось ехать. «Завтра, завтра, не сегодня, – так ленивцы говорят», – рассеянно твердила девушка, начиная расхаживать по дому без цели, но с удовольствием, переходя из помещения в помещение. «А сегодня отдохну, завтра свой урок начну!» Мебель имела выпавшийся, оживленный вид: на лаке блестело солнце; высокие окна соединяли голубизну неба с раздольем паркета или ковром – матовыми лучами, переходящими на полу в золотой блеск. Джесси обошла все нижние комнаты; зашла даже в кабинет Тренгана, стоявший после его смерти нетронутым, и обратила внимание на картину «Леди Годи-

ва».

По безлюдной улице ехала на коне, шагом, измученная, нагая женщина, – прекрасная, со слезами в глазах, стараясь скрыть наготу плащом длинных волос. Слуга, который вел ее коня за узду, шел, опустив голову. Хотя наглухо были закрыты ставни окон, существовал один человек, видевший леди Годиву, – сам зритель картины; и это показалось Джесси обманом. «Как же так, – сказала она, – из сострадания и деликатности жители того города заперли ставни и не выходили на улицу, пока несчастная наказанная леди мучилась от холода и стыда; и жителей тех, верно, было не более двух или трех тысяч, – а сколько теперь зрителей видело Годиву на полотне?! И я в том числе. О, те жители были деликатнее нас! Если уж изображать случай с Годивой, то надо быть верным его духу: нарисуй внутренность дома с закрытыми ставнями, где в трепете и негодовании – потому что слышат медленный стук копыт – столпились жильцы; они молчат, насупясь; один из них говорит рукой: „Ни слова об этом. Тс-с!“ Но в щель ставни проник бледный луч света. Это и есть Годива».

Так рассуждая, Джесси вышла из кабинета и увидела служанок, которые скатывали ковер. «Уже выколачивали третьего дня, – сказала Джесси, – зачем теперь выносить?»

Джесси не вмешивалась в хозяйство, но если на что-нибудь случайно обращала внимание, ей повиновались беспрекословно, – вздумай она даже отменить приказание Моргианы. Для этого Джесси не делала никаких усилий. Служан-

ки, две молодые женщины, поспешно объяснили, что ковры выносятся ввиду наступающего ремонта. При этом одна из служанок, Герда, машинально взглянула на трещину потолка. Джесси вспомнила землетрясение.

– Вы у нас уже служили тогда?

– Я служила, – ответила краснощекая, тугого сложения, Эрмина. – Герда поступила через неделю после того.

– Ну да, я припоминаю теперь, – сказала Джесси, рассматривая беловолосую Герду и улыбаясь. – Вы обе с севера? Не так ли? А что, у вас бывает землетрясение?

Служанки переглянулись и рассмеялись.

– Никогда, – сказала Эрмина. – У нас нет ничего такого: ни моря, ни гор. Зато у нас зима: семь месяцев, мороз здоровый, а снег выше головы – чистое серебро!

– Какая гадость! – возмутилась Джесси.

– О, нет, не говорите так, барышня, – сказала Герда, – зимой очень весело.

– Я никогда не видела снега, – объяснила Джесси, – но я читала о нем, и мне кажется, что семь месяцев ходить по колено в замерзшей воде – удовольствие сомнительное!

Перебивая одна другую, служанки, как умели, рассказали зимнюю жизнь: натопленный дом, езда в санях, мороз, скрипучий снег, коньки, лыжи и то, что называется: «щеки горят».

– Но ведь это только привычка, – возразила Джесси, немного сердясь, – поставим вопрос прямо: хочется вам, сию

минуту, отправиться на свою родину? Как раз там теперь... что у нас? Апрель; там теперь сани, очаг и лыжи. Отбросьте патриотизм и взгляните на сад, – она кивнула в сторону окна, – тогда, если хватит духа солгать, – пожалуйста!

– Конечно, здесь о-очень красиво... – протянула Эрмина.

– Цветов такая масса! – сказала с жадностью Герда. Джесси сдвинула брови.

– Да или нет? Под знамя юга или в замерзшие болота севера?

– Что ж, – просто сказала Герда, – мы еще молоды, проживем здесь.

– Ну, что вы за лукавое существо! – воскликнула Джесси. – Как можете вы, в таком случае, желать, чтобы ваше цветущее лицо было семь месяцев в году обращено к ледяным кучам? Что это? Что это за звуки?!

Женщины умолкли, прислушиваясь. Через раскрытые окна слышались гневные восклицания и тяжкие, глухие шлепки.

– Опять! – вырвалось у Эрмины. Джесси внимательно всмотрелась в нее.

– Это еще что?! – спросила она.

– Садовник и конюх! – воскликнула Герда, порываясь бежать к окну. – Уж я унимала их вчера! Это из-за Мальвины. Или не знаю почему. Совершенное безобразие!

– Что? Драка? – немилостиво осведомилась Джесси.

– О, барышня, не говорите на нас! Джесси успокоила их

жестом и быстро направилась к выходу, представляя эффектный гром своего появления.

Когда, заложив руки за спину, она остановилась на границе закоулка, отделяющего сарай от конюшни, картина представилась ей такая: конюх Билль, без пиджака, засучив рукава рубашки, одолевал отступающего, но все еще стойкого Саватье. Садовник, бледный и окровавленный, смотрел на врага в упор, ловя момент ударить правой рукой, а левой защищаясь от ударов, падавших быстро и тяжело. Что касается Билля, то его здоровенное лицо только покраснелось, если не считать ссадин на скуле. Оба напоминали собаку и кошку. Саватье, изнемогая, вкладывал в бой все опасные чувства разъяренного мужчины, в то время как Билль, развлекаясь, метко поражал врага. Под их ногами валялись их растоптанные шляпы. Однако Саватье ожидало крупное торжество: Билль открыл голову, и увесистая пощечина садовника смазала его по зазвеневшему уху. Удивленный Билль подступил ближе.

– Довольно, – сказала Джесси, входя между ними. – Как смеете вы безобразничать в моем доме?

Бойцы остолбенели и потупились. На них было жалко смотреть. Билль поднял шляпу и стоял, опустив голову. Испуганный Саватье пытался застегнуть ворот рубашки дрожащей рукой; их хриплое, неистовое дыхание звучало гневом и стыдом.

– Мы... – сказал Билль, – я... он... Извините меня.

– Из-за чего произошла потасовка? – продолжала Джесси ледяным тоном, рассматривая багровые рубцы под глазами Саватье с гримасой отвращения, как если бы перед ней ели лимон. – Объясните причины. Ревность? Оскорбление? Карты? Стойте, – приказала она, видя, что противники, приложив кулаки к груди, намерены изойти объяснениями и клятвами, – мне, пожалуй, нет дела до этого. Пусть ваша совесть говорит с вами. Нехорошо, Билль! Скверно, Саватье! Кстати, вы, кажется, пострадали более, чем Билль. Не оттого ли, что Билль защищал правое дело? А? Ну, если языки целы, скажите теперь что-нибудь, только не горячитесь.

– Клянусь Бельгией! – сказал Саватье, сплевывая волос из своего уса, – это был чистый бокс, спорт. Но я, оказывается, не знал, с кем связался. Билль пользуется недозволенным приемом. Он...

Билль живо вытер руки о штаны и заслонил Саватье, ступив вперед.

– Достаточно, что Саватье ложно поклялся вам, – заговорил он с откровенностью, имеющей расчетом внушить, что искренность и нечестность – несовместимы. – Конечно, это ссора, и я снова прошу прощения. Ссор без причины не бывает... Но приемы были честные, в этом я могу поклясться Ирландией и Бельгией вместе. Разве только ему показалось, что у меня четыре руки.

– Хорошо, – сказала Джесси Саватье, – в чем можете вы упрекнуть Билля? Покажите.

Не осмеливаясь послушаться, Саватье подошел к Биллю и приставил ему под подбородок ребро ладони.

– Вот в этом я упрекаю тебя: свинство ударять по горлу. Джесси немедленно раскаялась в своем любопытстве. В жесте, который сделал Саватье, мелькнула расчетливая бесчеловечность, и лицо девушки стало печальным.

– Все, я поняла, – сказала она тихо, но повелительно, – теперь помиритесь. Подайте друг другу руки.

Казалось, дыханье остановилось у Билля и Саватье, когда, изумись и озлясь, по лицу Джесси увидели они, что примирение неизбежно. Билль с презрением протянул руку садовнику, но тот, чтобы не видеть осквернения собственной ладони, отвернул голову и, не глядя, ответил на рукопожатие; две руки злобно трянули одна другую и поспешно расстались.

Джесси смотрела, сдвинув брови и тревожно полураскрыв рот, но, увидев, как большой палец садовника ткнулся в ладонь конюха, расхохоталась и ушла. В то же время решение задачи с билетами осенило ее: она пришла к себе, сама себе заплатила за десять билетов тройную их стоимость и облегченно вздохнула.

Глава IV

Моргиана выехала на одном из двух автомобилей Джесси, которыми пользовалась почти безраздельно, так как ее сестра предпочитала лошадей. Взяв от нотариуса чек на три тысячи, Моргиана получила по нему деньги в банке и направилась в «Зеленую флейту».

«Зеленая флейта» – место, о котором еще будет время сказать подробнее, – был двухэтажный каменный дом с садом, купленный покойным Тренганом для романтической цели. Менее всего Тренган хотел обидеть Моргиану, завещая ей это владение, но она твердо помнила, что здесь пять лет назад жила белокурая танцовщица, нервная и капризная, с прихотями которой считались – до смехотворного почтительно. О ней иногда рассказывал своим приятелям Гобсон, – человек, бывший при доме сторожем, управляющим и посыльным. «Существует мнение, – говорил он, – что Тренган боялся ее любви к танцам, а потому, желая удержать ее при себе, подкупил врачей, и они уверили Хариту Мальком в опасной болезни, которая изуродует ее ноги, если она вернется на сцену. Она поверила и затосковала так, что осунулась. Целый месяц не выходила она из комнат и ела так мало, что на кушаньях оставались лишь царапины вилкой. Так вот, я однажды проходил мимо окна поздно ночью: окно светилось, я заглянул и увидел Хариту Мальком в платье, за

которое высек бы свою дочь. Все на ней блестело и разлеталось, – она танцевала сама с собой, и лицо у нее было такое счастливое, что я смотреть больше не стал, и мне сделалось что-то нехорошо».

Кроме Гобсона с семьей, садовника и рабочих, здесь жила женщина Нетти, на которой лежала обязанность заботиться о порядке и чистоте в доме. Как только Моргиана приехала и вошла в комнаты, Нетти сказал ей: «Вот посылка, получена на ваше имя вчера». Она подала небольшой пакет, зашитый в желтую кожу.

Без особого волнения взяла Моргиана этот пакет; лишь было у нее странное ощущение, что она держит холодеющую руку сестры.

Отослав Нетти, припомнила она развитие своего замысла и ничего похожего не нашла в себе по сравнению с чувствами, вызванными впервые ее мрачным решением. Первые эти чувства были – сомнение, отчаяние и страстное, тяжелое наслаждение; лишь постепенно перерабатывались они в привычку, ставшую законом и надеждой помраченной души. Это была давнишняя ненависть, обсуждаемая до мельчайших подробностей; такая отчетливая, что напоминала тщательно уложенные в чемодан – для дальней и трудной дороги – необходимые вещи. Лишь изредка обострялась она. Ни ужаснуться, ни отказаться Моргиана теперь уже не могла, потому что преступная мысль стала частью ее самой. Нет такой мысли, с какой рано или поздно не освоится человек,

если она отвечает его природе.

«Вот и исполнение», – сказала Моргiana, задумчиво рассматривая пакет. Взяв ножницы, она разрезала кожу; под ней оказался ящичек из тонкого дерева, сколоченного гвоздями. Введя ножницы в щель, Моргiana нажала ими дощечку, которая легко отошла, и достала завернутую в вату коричневую коробку. Там был флакон из толстого стекла, какие употребляются для духов, с плотно пригнанной пробкой. На дне флакона было немного бесцветной жидкости, ничем не отличающейся по виду от обыкновенной воды и, несмотря на то, опасной, как гремучая змея, даже более, потому что этот яд, открытый еще лет двести назад, не убивал сразу; но тому, кто выпил его, оставалось жить не дольше месяца и умереть, не зная, от чего умирает. Лишенная вкуса и запаха, жидкость не оставляла пятен, от времени не теряла силы; верная себе, от начала до конца она оставалась бесцветной. Тщетно стали бы искать врачи причин заболевания у человека, не подозревающего, что он отравлен. Отравленный угасал; вялость и апатия сменялись изнуряющим оживлением; он ел все меньше, без всякой охоты, переставал нуждаться в движении; терял интерес ко всяким занятиям; тяжелый сон первых недель сменялся бессонницей, иногда – бредом или потерей рассудка. У действия этого яда не было цвета – только раз он появлялся на сцене, напоминая собой скорее внушение, чем отраву, – и исчезал. Более никто никогда не мог разыскать его, – даже при вскрытии и лабораторном анализе.

Таково было содержание флакона, который Моргиана держала перед собой в вытянутой руке. Ее дыхание было стеснено характером представлений, бродивших в ней, подобно едкому дыму, наполнившему комнату фантастическими линиями и удушьем. Большой простоты – при подавляющем ум сознании ее страшных качеств – никто еще не держал в руках. Моргиана чувствовала стекло флакона так остро, как если бы с ее пальцев была содрана кожа; само прикосновение к флакону казалось опасным, непостижимо действующим на сердце и мозг. Ее мысли текли с быстротой самостоятельно звучащего, чужого голоса, движимого возбуждением, и она только следила за ними. Моргиана подумала, что этот флакон, быть может, еще не так давно был полон духов. Его открывала, скрипя хрустальной затычкой, эластическая рука женщины, и из граненого плена с золотым ярлыком вылетал заманчивый аромат, внушающий нежность и удовольствие. Руки пахли духами. Теперь там была бесцветная смерть, готовая служить последнюю службу тому очарованию, какое ранее, зажмуриваясь, прибегало к флакону, повинувшись истине, общей для цветов и сердец.

– Ей все! Мне – ничего, – сказала Моргиана, наклоня флакон так, что яд перелился к пробке. – Для нее даже смерть явится в изысканно-тайном виде; такую смерть, по тем же причинам, какие есть у меня, не назначит мне никогда, никто, – даже в мыслях. Умирая, Джесси все еще будет красива, может быть, даже красивее, чем сейчас: сильнее

пахнут срезанные цветы. Возможно, что в последние минуты ее сознание станет ясным; признав конец, она испытает чувства такие прелестные и тонкие, каких никогда не узнать мне, ее тайному палачу. Но ее смерть будет смертью и моей ненависти. Я хочу тебя любить, Джесси. Когда ты исчезнешь, я буду тебя любить сильно и горячо; я буду благодарна тебе. Я отдохну. Быть может, я больна? Нет. Но я много думала – и привыкла; теперь, Джесси, я подкрадываюсь сзади к тебе. Лишь так могу я выразить мою – будущую – к тебе любовь.

Ее рука задрожала: флакон стукнул о стол и остался стоять, – безмолвный свидетель чувств, достойных милосердного эшафота. Моргиана продолжала говорить, отдаваясь неодолимой потребности в сообщнике, которого не было и не могло быть. Но лишь неясные шепчущие звуки выходили из ее губ, хотя ей казалось, что она говорит явственно. Подняв голову, она увидела в стенном зеркале женщину чужую и бледную. «Там я, – сказала Моргиана, – я вижу себя. Харита Мальком, этот дом – твой опустевший флакон; на месте благоухания твоей жизни – я поселилась здесь, бесцветная и угрюмая, как яд; такая же сильная, как он, потому что живу одной мыслью».

Она собрала вату, кожу, коробку, сожгла все в камине и начала успокаиваться. Это было дурное, болезненное спокойствие. Тесня ее дыхание, стоял перед ней образ Джесси. «Действительно ли красива она? – размышляла Моргиана, – ее тип довольно распространен. Его можно встретить

даже на страницах модных журналов. Подобные лица быва-
ют также у приказчиц и билетерш. Почти каждая девушка
двигает плечами, как Джесси».

Встрепенувшись, со смутной и едкой надеждой, вызвала
она образ сестры и принялась изучать его, отводя каждой
черте высокомерное, банальное определение, – с тупым удо-
вольствием слепца, который водит концами пальцев по лицу
незнакомого человека, создавая линии осязания. Перед ней
было как бы многозначное число, цифры которого называя
вразброд, она никак не могла получить сумму, большую де-
вяти. Джесси, раздетая и обезличенная, составила собрание
отдельных частей, ничем особо не поразительных для Мор-
гианы; но так продолжалось лишь пока не был исчерпан ма-
териал критики; едва увидела она опять ее всю, как из неж-
ных ресниц Джесси блеснул стремительный, улыбающийся
взгляд; зазвучал ее, полный удовольствия жить голос; при-
помнились все ее, ей лишь свойственные особенности дви-
жений, и Моргiana увидела, что ее сестра хороша, как весна.

Спрятав флакон в сумку, Моргiana вызвала Гобсона, при-
казала привести дом в порядок и сообщила, что приедет сю-
да жить до осени – не позже как через три дня. Она верну-
лась в город к шести часам, но обедать не вышла, сославшись
на головную боль.

Глава V

Скучая обедать одна, Джесси вызвала по телефону свою близкую приятельницу, Еву Страттон, и стала ее просить приехать. «Тем более, – прибавила Джесси, – что сегодня среда; ты знаешь, что у нас по средам гости. Наконец, ты мне просто необходима, так как я хочу говорить. О чем? О жизни и вообще. Моргана лечит большую голову, сидит у себя. Да, слушаю... нехорошо так говорить, Ева, с... Ну, и так далее, и я тебя жду».

Ева Страттон была второй дочерью Вальтера Готорна, владельца двух типографий. Старше Джесси лишь двумя годами, Ева уже была замужем. Ее муж занимал должность военного агента в Корее. Они разъехались по молчаливому, безгорестному согласию людей, открывших, что не нуждаются ни друг в друге, ни в брачной жизни. Поэтому их приятельское соломенное вдовство было легким.

Когда приехала нарядная Ева, не менее нарядная Джесси встретила ее дружеским поцелуем, и они сели за стол в буфетной.

Ева была высокая, тонкая фигурой, молодая женщина греческого типа, с пронизательным выражением рта и глаз. Ее жизненный опыт немногим превышал опыт Джесси, но она умела скрывать это, оставляя впечатление наблюдательности и ранней мудрости. Заметив третий прибор, Ева спро-

сила, кого ждет Джесси.

– Никого, то есть, вероятно, никого. Это ее прибор, но Моргиана, должно быть, уже пообедала у себя.

– Надеюсь, – сказала Ева. Джесси обиделась, но сдержалась.

– Ты постоянно забываешь, Ева, – заметила она спокойно и искренно, – что Мори – моя сестра и что мне могут быть неприятны такие твои слова.

– Она неприкосновенна?

– В том смысле – да, какой разумеешь ты. Да! К тому же, – прибавила Джесси, взглядывая на слуг у дверей, – мы не одни. Я знаю, ты ее не любишь, – что делать!

– Я прямолинейна, – возразила Ева, пробуя суп и нимало не тронутая выговором Джесси, – но когда я ехала к тебе, я решила быть прямолинейной до наглости. Твоя жизнь...

– Тогда поедим сначала, – сказала Джесси, – мне тоже хочется говорить, но я хочу также есть. А ты?

– Я ем. У тебя всегда очень вкусно. Выпей вина, Джесси. Это хорошее вино; я его знаю, потому что его подают у нас, и год тот же самый; будем, по вину, однолетки.

– И налижемся, как красноносые старушечки, – добавила Джесси, нюхая свой бокал.

Она выпила и стала слушать Еву, которая рассказывала городские новости тоном приятного осуждения. Уже коснулись нескольких чужих флиртов с точки зрения: «все это не то», а также расследовали, кто и что думает о себе; уже раз-

молвка Левастора с Бастером попала в пронзительный свет предположений об их прошлогодних встречах «с теми и теми», – как обед незаметно подошел к концу. Слуги принесли кофе, и, стремясь соединить приятное с полезным, потому что любила Джесси, Ева сказала: «Останемся одни, так как нам более ничего не нужно».

– Мы сами позаботимся о себе, – сказала Джесси прислуге, – Ева, я тебя слушаю.

– Ты все еще не куришь? – спросила Ева, извлекая длинную папиросу из платинового портсигара.

– Нет. Не это же ты готовила мне по секрету от слуг?

– Но у меня, право, нет ничего особенного для тебя. Я, как хочешь, не выношу посторонних, хотя бы и слуг. Ты много теряешь, отказываясь курить.

– Я люблю смотреть, как курят, – сказала Джесси, принимая щекой к сложенным, локтями на стол, рукам. – Я заметила, что ты куришь с отчаянием, – расширив глаза и грудью вперед!

– Благодарю, я согнусь.

– Нет, не надо. Вильсон курит осторожно, кряхтя, почти потеет, и весь вид его такой, что это – тяжелая работа. Интересно курит Фицрой. Он положительно играет ртом: и так, и этак скривит его, а один глаз прищурит. По-моему, лучше всех других курит Гленар: у него очень мягкие манеры, они согласуются с его маленькими сигарами. Ему это идет.

– Тебе нравится Гленар?

– Он мне нравился. Теперь я нахожу, что он на вкус будет вроде лакрицы. Дай мне папиросу, я попробую.

Она крепко сжала мундштук губами и серьезно поднесла спичку, причем ее лицо выражало сомнение. Закурив, Джесси случайно выпустила дым через нос, закрыла глаза, чихнула и поспешно положила папиросу на пепельницу.

– Что-то не так, – сказала она. – Должно быть, это требует мужества.

Ева рассмеялась.

– Тебе надо выйти замуж, – вот что я хотела сказать. Нормально ли твое положение? Моргана значительно старше тебя; кроме того, она ис...

– ... терична, – мрачно закончила Джесси. – Дальше!

– Выходит, что нравственно и физически ты одинока, хотя обеспечена и живешь в своем доме.

– Я размышляла об этом, – сказала Джесси, – но как быть? Я никого не люблю. Любит ли кто меня?..

– Человек пять.

– Положим, всего четыре. Говорят – брак вещь суровая. Ты, например, замужем. Расскажи мне о браке.

– Но... я думаю, ты сама знаешь, – ответила Ева, понимавшая, что в таких вопросах слова обладают свойствами искажать существо явлений, будь то слова самые осторожные и искренние.

– Знаю и не знаю, – продолжала Джесси, задумчиво смотря на Еву, – но, слушай, я не боюсь слов. Например, – что

такое «идеальный брак»?

– Идеальный брак, – сказала Ева, начиная внутренне ныть, – такой брак требует очень многого...

– Давай говорить подробно, – предложила Джесси.

Личный опыт Евы напоминал полудремоту. Слегка краснея, в то время как Джесси оставалась спокойной, Ева продолжала:

– Очень многого... Хотя мой собственный брак подлежит размышлению, и я, конечно, не могу ставить в пример... Очень, очень большая близость во всем, одинаковость вкусов и так далее.

– Но ведь должна быть также любовь?

– Любовь? Конечно.

– Так расскажи о любви, – о замужней любви.

– Едва ли это возможно рассказать, – объявила Ева, которой становилось все труднее идти в тон. – Ты... да... или нет... Например: знание географии и подлинное путешествие. Конечно, есть разница.

– Послушай, – сказала Джесси, – быть любовницей и быть женой – это ведь строго разделено? Или, например: «наложница» и «любовница». Есть ли здесь сходство? Как ты думаешь?

– Мы лучше это оставим, – осторожно предложила Ева, – так как я положительно не в ударе. Должно быть, обильный обед. Просто я не нахожу выражений.

Джесси умолкла только потому, что уважила подчеркну-

тую последнюю фразу и поняла замешательство Евы. Оно ей слегка передалось, в противном случае Джесси охотно продолжала бы рассуждать о таких звучных, красивых словах, как «наложница» или «страсть». Продолжая думать о связи со словом «наложница», она спросила:

– Не переменишь ли ты свою ложу на ту, что рядом с моей? Она освободилась теперь.

– Непременно переменю. Но все-таки, Джесси, мое искреннее желание – видеть тебя хорошо устроенной, замужем.

– Не с кем попало, надеюсь? – заметила Джесси. – Ты дай мне какого-нибудь погибшего человека. Я буду его восстанавливать в его собственных глазах. Вот о чем я мечтаю иногда. Но это глупо. Или хорошо? Отвести от края пропасти и – постепенно, неуклонно...

– Дурочка, где ты это читала? – рассмеялась Ева.

– А не помню где, – откровенно призналась, тоже смеясь, Джесси.

Вдруг она перестала смеяться, крикнув:

– Мори, ты опоздала. Обед мы уже скушали. Иди пить с нами кофе!

Моргиана стояла в дверях, весело рассматривая подруг. Снисходительно-добродушно взглянув на Джесси, она спокойно поздоровалась с Евой, села за стол, взяла салфетку, бесцельно посмотрела на нее и положила на место.

– Стало легче?

– Да, Джесси. Старая мигрень, Ева. От кофе пройдет. У меня масса хлопот по ремонту и моему переезду. Кроме того, в этом году рано наступил зной. Я спасаюсь в «Зеленую флейту», наверное – до осени.

– Джесси, – и ты?

– Я не поеду, Ева. Я остаюсь здесь.

– Вы знаете, как она упряма, – сказала Моргiana Еве после небольшого молчания.

Допив свой кофе, Моргiana возобновила примолкший разговор. Теперь она была спокойна. Притворство ее было легким, как нетрудное дело в руках опытного мастера. Она смеялась, шутила и рассказывала с нотой сочувствия о прекрасной танцовщице Мальком, которая плакала и танцевала одна.

Глава VI

К девяти часам вечера гостей собралось пять человек. Это были: Гленар, тот самый, манера курить которого обсуждалась Евой и Джесси, – медлительный человек двадцати девяти лет, дилетант и блондин; Джиолати, итальянский изгнанник, замешанный в романтическую историю при дворе; сын судовладельца Регард и его жена, смуглая маленькая женщина с большими глазами, уроженка Антильских островов. Пятая была Ева Страттон.

По малочисленности общества, а также из-за духоты, центром служила квадратная угловая терраса. В этот вечер Джиолати, вспоминая родину, пел трогательные романсы, и детская обида светилась в его черных глазах. Джесси, внимая певцу, разгорелась, и от того с еще большей тоской Гленар прислушивался к ее словам, не в силах отвести взгляд от ее фигуры, – стряхнуть очарование, делавшее его смешным, что он знал и от чего сам же приходил в раздражение. Но Джесси уже привыкла к его отчаянно-напряженному виду и, внутренне хмурясь, старалась внешне быть с ним как бы рассеянной. Она тихо беседовала с Аронтой, женой Регарда, а Регард рассказывал Еве о скачках. Моргиана, задумавшись, расположилась в качалке, садистически наблюдая Гленара, который или некстати вмешивался в разговор, продолжая неизменно смотреть на Джесси, или тоскливо курил, расха-

живая по террасе; садился, вставал, снова садился, причем вид у него был такой, что он тут же опять встанет. Он был поглощен решением: томился, терзался и пребывал в страхе, что неудача вынудит его никогда больше не посещать Джесси.

– Не выйти ли походить по саду? – предложил Регард, и Джесси немедленно согласилась, потому что у нее стало ныть в спине от разлитой над террасой любви Гленара. За ней согласились все.

Так как вечер был совершенно черный, Моргиана распорядилась включить свет в электрические фонари, стоявшие на скрещениях аллей. Над деревьями возник полусвет; лучи озарили спящую, смешанную с черным и золотым, зелень. Тотчас, спасаясь от Гленара, Джесси захватила Регарда и Моргиану; Ева пошла с Джиолати, Гленар подошел к Аронте; все разошлись, условившись сойтись у пруда.

Пока гуляющие были еще неподалеку друг от друга, Гленар слышал голос Регарда, а Регард – откровенную зевоту Аронты и скучные слова подавленного Гленара. Но разошлись дальше, и голоса смолкли. Случилось так, что благодаря ускоренным шагам Моргианы, шедшей немного впереди и решительно молчавшей все время, хотя Регард не раз обращался к ней с той мягкой любезностью, какая бессознательно подчеркивает несчастье, – случилось, что они трое оказались у пруда ранее других. Тогда, завидев спящих лебедей, Джесси захотела разбудить черного австралийского ле-

беда. Он, рядом со своей белоснежной подругой, мирно отражался в озаренной воде, спрятав голову под крыло.

Джесси ступила на покатый газон и, подобрав платье, протянула руку; стоя у самой воды, она стала звать лебедя: «Ноэль! Куси-муси, Ноэль, соня!» Но лебедь спал, и, подступив еще ближе, Джесси соскользнула ногой в воду. Ее туфля и чулок сразу промокли; Регард подхватил ее, вывел наверх, а лебеди проснулись и, вытянув шеи, сонно повели крыльями, приподняв их, как бы разминаясь от сна.

Уныло поджав мокрую ногу, Джесси стояла на сухой ноге, держась за плечо Регарда и выслушивая соответствующее замечание Моргианы; затем решительно направилась в дом, чтобы переменить обувь. Она шла быстро, прихрамывая, потому что было ей противно твердо ступать мокрой ногой. При повороте около темной, стоявшей в тени листвы тутовницы она вздрогнула и остановилась: из листвы прозвучал странный, мрачный голос, и, взглядевшись, Джесси различила человека, который ее смешил и раздражал. Гленар стоял за деревом, делая какие-то знаки. Он вздохнул и произнес ее имя.

– Это вы? – сказала Джесси с неудовольствием. – Зачем вы прячетесь? Что там такое?

– Подойдите ко мне, – умолял Гленар. – Прошу вас, подойдите и выслушайте. Я должен сказать вам одну очень важную вещь. Заинтересованная, Джесси пожалала плечами.

– Ничего не понимаю, – ответила она, – но я к вам в кусты

не пойду, потому что промочила ногу и тороплюсь. Вы что-нибудь поймали? Тогда несите сюда.

Место, где стояла она, было слегка освещено, между тем Гленар притаился в тени и не выходил. Такое непонятное упрямство вызвало у нее жуткую мысль, что Гленар покушался на самоубийство. Сердце ее сжалось.

– Вы не ранены? – сурово спросила Джесси.

– Ранен? Да, в смысле особом, да, – ответил Гленар. – Я могу и хочу сказать все. Но я боюсь света. Простите мою внезапную ненормальность. Это так важно, что, лишь смутно различая ваше лицо, я решусь... О, лучше бы я написал вам! Я... Нет, я не могу.

Начиная сердиться, Джесси все же не могла не улыбнуться при догадке, вызывающей чувства виноватости и симпатии, но всегда лестной, – а именно, что Гленар спрятался в листу с целью сделать ей предложение. Пока она размышляла, морщась от сырости чулка, Гленар заявил:

– Я видел, как вы пошли от пруда назад. Первой мыслью моей было – встретить вас, но это не так легко. Я знал, что вы будете проходить здесь.

– А где Аронта?

– Должно быть, я помешался: я ушел от нее.

– Однако же вы чудак, – серьезно сказала Джесси, краснея и сердясь на саму себя. Внезапная мысль, что, может быть, этот самый Гленар знает слова, равные великой музыке, поманила ее узнать все. – Идите сюда, – сказала Джесси, стес-

ненно вздыхая, – выложите ваши секреты. Бояться меня не надо. Я не кусаюсь. Вылезайте, Гленар; вот уж не думала, что вы такой трус.

Едва ли еще какое другое обращение могло бы так обескуражить, как эти естественные слова девушки, торопящейся обсушить ногу. Гленар стиснул зубы и вышел на свет. Он был расстроен и бледен. Пытаясь выразить улыбкой, что улыбается по своему адресу, Гленар увидел темные, блестящие глаза, взглянувшие на него с сочувствием и досадой. Это был заслуженный, безмолвный упрек. Гленар так страдал, что в этот момент чувствовал не любовь, а желание покончить с объяснением, отступить от которого уже не мог.

– Я вас люблю, – сказал он таким тоном, как если бы прислушивался к своим словам, проверяя, то ли сказано, что надо сказать.

Наступило молчание. В переменившемся выражении лица Гленара Джесси уловила черту мести за перенесенную боль, и она снова почувствовала сырость чулка.

– Ну, вот, – сказала она, глядя Гленара по неопределенно протянутой руке, – вы высказались, и вам станет легче теперь. Ничего подобного быть не может. Но, если вы меня действительно любите, будьте добры сходить в дом к горничной и сказать, чтобы она мгновенно представила мне сюда зеленые чулки и серые туфли. А затем вернитесь к Аронте и придумайте благовидный предлог своему отсутствию.

Хотя Гленар попрощался с Джесси трагически, но, как это

ни странно, он отправился исполнить ее просьбу с облегчением и благодарностью. К Аронте он не пошел, а поехал в клуб и пил до утра. Еще страннее, что Джесси верно определила его: с этого вечера его любовь, пережив самый страдательный момент, сникла и, понемногу, исчезла.

Глава VII

К двенадцати часам гости разъехались, и сестры разошлись спать. Гленар не вывел Джесси из равновесия, она даже была рада, что больше не увидит его. Ей очень хотелось рассказать Моргиане о «предложении из кустов», но, представив, как рассказывает, представила и отношение Моргианы: «Ты была рада, надеюсь». Поэтому она ничего не сказала сестре. Хотя та подозревала, что между Джесси и Гленаром что-то произошло, однако не пыталась ни намекнуть, ни узнать.

Наутро Джесси проснулась, как всегда, в восемь часов и позвонила Герде, чтобы та несла воду и шоколад. Каждое утро ей подавались в постель чашечка шоколада и бокал холодной воды; если шоколад, случалось, оставался не тронутым, – воду Джесси выпивала охотно и с удовольствием. Вода Лисса, добываемая из подземных ключей, пенилась при сильной струе, до белизны молока; на ее поверхности, уже после того как она отстоялась в бокале, став прозрачной, долгое время скакали мельчайшие брызги, а у края стекла шипели и лопались пузырьки. Джесси проснулась с веселой душой. Как вошла Герда, девушка начала болтать с ней о том, какие видела сны. Говоря, она смотрела на дверь и увидела, что блеск дверной ручки померк; ручка слегка повернулась.

– Я слышала голос и поняла, что ты не спишь, – сказала Моргиана, останавливаясь в дверях. Она взглянула на поднос, затем подошла к изголовью сестры и села против нее, а горничная ушла.

– Кого я вижу!?! Сто лет не видались! – воскликнула Джесси. Моргиана никогда не приходила утром в ее спальню, поэтому Джесси добродушно выразила свое удивление и прибавила:

– Мори, выпей воды. Не бойся, нам дадут еще, если я хорошенько попрошу Герду. В ее подвалах лучшие марки этого божественного напитка. Моргиана, не всматривайся в меня так, черт ума нет в моем бесстыдном лице... впрочем, что с тобой?

– Вялость... Джесси, позвони Флетчеру, чтобы нам прислали образцы обойных материй.

– Сделай милость, обойди кровать твоей сестры и поговори сама.

– Да? Но у меня немного болит горло.

– Встало ли солнце для Флетчера? – неохотно потянулась Джесси, берясь за телефонную трубку.

Она повернулась спиной к сестре, так как телефон был у другой стороны изголовья, на особой подставке. Моргиана смотрела на сбившиеся тяжелые волосы Джесси, на ее статные плечи и чистоту тени под кружевным вырезом. Почти с сожалением рассматривала она сестру. Джесси отвела волосы с уха и приложила к щеке слуховую трубку. В бокале иг-

рала вода, едва приметными брызгами дымясь над стеклянным краем.

Момент возник; действительность стала точной, как путь на высоте по канату. Книжки, ваза с цветами мешали Моргиане отравить воду, не вставая с низкого кресла; и она поднялась, держа руку в кармане вязаной кофты. Там был крошечный пузырек с заранее отмеренной дозой. В это время Джесси назвала номер и, слегка повернув голову к сестре, не видя ее, сказала: «Не позвонить ли мне немного попозже?»

У Моргианы не было сил ответить. Она уже хотела сесть, как Джесси наклонила голову и поправила трубку, чтобы лучше слышать. По-видимому, с ней начали говорить: «Поступай, как будто никого нет, но скоро войдут», – мелькнуло у Моргианы. Она взяла пузырек, вывернула пробку без скрипа и плавно повела руку с ядом к веселящейся пузырьками воде. Из склянки выпали капли, образовав в воде струи цвета стекла; затем все получило обычный вид, лишь над бокалом исчез влажный дымок.

– Обойная контора Флетчера? – сказала Джесси. – Какая досада!

– Мори, – сказала она, внезапно оборачиваясь и, видя, что Моргиана, не успев сесть, стоит со слабой улыбкой, умолкла. – Ты что-то хотела сказать? – снова заговорила Джесси. – Ты уходишь?

Правая рука Моргианы, только что обессиленная злодейством, опустилась в карман. Моргиана села.

– Что сказал Флетчер?

– А видишь ли, станция перепутала, – объяснила Джесси, придвигая воду к себе и держа ладонью над бокалом, чтобы ощутить холодок брызг. – Теперь попьем. Сестрица, отчего ты такая красная? Не досадуй, я позвоню, только попью. Но что с моей водицей?.. Смотри-ка!.. Она умерла!.. Была как шампанское, и вот – грустно молчит.

– Перестояла, Джесси. Хорошо ли пить газистую воду!

– Еще как. Ну, хлопнем. Нет, сперва шоколад. Нет, лучше вода. Джесси подскочила в кровати и, взяв бокал, выпила почти все. Тогда Моргиану охватило резкое оживление; встав, она прошла несколько раз по спальне, рассуждая о рисунке обоев, исследуя, нет ли трещин на потолке, а затем, остановясь вдали, возле окна, начала говорить о том, как будет хорош дом после ремонта, как будет Джесси весело осенью, когда начнутся танцы и вечера. Возбуждение заставляло ее говорить, слушая саму себя.

– Мы получим образцы, Джесси, и тщательно, любовно, вместе с тобой обдумаем цвет и рисунок для каждого помещения. Все они должны быть различны и выдержаны каждое в своем духе. Покойный дядя часто жалел, что ему некогда заняться домом; он, как ты знаешь, увлекался делами и женщинами. Весь прошлый год мы собирались с тобой и ничего не сделали. Теперь только благодаря землетрясению... Я живо помню это утро, а ты? Как ты вскочила на подоконник и закричала! Все долго смеялись потом. «В самом деле, – по-

думала я тогда, – природа так равнодушна; немного сильнее, и город потерпел бы большое бедствие». Но природе прощай. Ты видела Хариту Мальком?

– Видела, – ответила Джесси полным печенья ртом и допила шоколад. – В фойе «Калипсо». Мне показали. Прошла спесивая, жуя славу. Сакраменто! В котором ухе звенит!

– В правом. Ее история с Тренганом наделала шума. А между тем «Зеленая флейта» – прелестное убежище, не для тех, конечно, кто ищет бесчестья и мишуры.

Джесси уже несколько минут слушала ее нервную речь с серьезным лицом, начиная тревожиться, – не означает ли многословие сестры приступа к желчной выходке или – еще хуже – к истерической сцене.

– Так я позвоню опять, – сказала она, подтягивая одеяло и берясь за телефон. – Контора, контора Флетчера. По поручению Моргианы Тренган. Очень рада. Ей требуются образцы новых рисунков. Неужели только вчера получены? Какая трагедия. Сейчас... Моргиана, они предлагают своего мастера!

– Откажи.

– Образцы пришлите, – продолжала Джесси, – но мастер уже нанят. Да, вы угадали. А где вы меня видели? Хорошо, – со смехом прибавила она, отставляя трубку; с ней говорил Флетчер, рискнувший отпустить комплимент. – Следовательно, пришлют. Мори, я тебя прогоню, так как хочу одеться!

– Джесси, еще одно, – сказала Моргиана, подходя к ней, – наши отношения были тяжелы, я знаю. Виновата, конечно, я, мои нервы. Теперь будем с тобой жить легко. Я говорю искренно.

Стыд свел ее губы в подобие фальшивой улыбки, но, стыдясь и презирая себя за подлость в эту минуту, она повторила:

– Совершенно искренно; и хотя мне нелегко в этом признаться, – я изуродована, Джесси. Так на меня и смотри, так объясняй все.

– Ну, отлично. Какая ты смешная, Моргуся! – поспешно сказала Джесси, утомясь словами сестры. Ее лицо выразило потерянность и просьбу не тревожить больше признаниями. – Я вижу, как изнурено твое лицо. Довольно об этом.

Моргиана стояла, опустив голову.

– Теперь все. Я уйду, – сказала она. – Я, может быть, сегодня уеду. Ты будешь рада, надеюсь?

– Мори! – вскричала Джесси, вспыхнув, с внезапными слезами на глазах, полных упрека.

– Это я так... сорвалось. Прости! Следовательно, образцы мы получим.

Моргиана кивнула и вышла; закрыв дверь, она остановилась, прислушиваясь с большим наслаждением, как скрежещет в ней стыд бесцельной, истерической лжи; подло почувствовала она себя. «Вот, я сделала, я отравила ее. Этого не забыть, и я как будто оглушена. Джесси напилась навсегда.

Яд выглянул, и вода умерла».

Глава VIII

Выйдя от Джесси, Моргiana закрыла дверь и отошла, крадучись, шага на три, чтобы прислушаться, не раздадутся ли крики или падение тела, в том случае, если яд подействует быстро. По отношению к яду у нее не было никаких гарантий, кроме слепого доверия и бешеной цены, заплаченной за него. Могли ее обмануть в ту и другую сторону: прислать строфант или чистую воду. От таких мыслей сильнейшие сомнения поразили ее; но мысль о воде перенести ей было труднее, чем немедленную смерть сестры. Сильно волнуясь, она поднялась в спальню и бросилась к окну – рассматривать флакон на свет солнца, как будто зрением могла узнать истину. «Нет, это не вода, – сказала Моргiana, догадываясь о существовании жидкости не по ее виду, а тем чувством, какое подчас толкает разрезать свежее с виду яблоко, чтобы затем бросить его. – Не вода, но то самое».

Спрятав флакон в баул, чтобы впоследствии уничтожить его, Моргiana припомнила сцену в спальне. Улики исчезли, но если бы возникло подозрение, что Джесси отравлена, этот визит, в связи с тем, что она же омрачила его, мог быть поставлен в улику. В ее пользу были – ее истерия и тяжелый характер, о чем она размышляла с облегчением, как о надежной защите.

Прошло так мало времени с момента, как она вышла от

ничего не подозревавшей сестры, что Джесси – в рубашке, заспанная и теплая – назойливо представлялась ей. «Ты никогда не выйдешь замуж», – сказала Моргиана. Более на эту тему она рассуждать не смогла: беспокойство, что Джесси уже мертва, такое сильное, что равнялось отчаянию, заставило ее метнуться к звонку. Горничная явилась и ответила на ее вопрос о Джесси, что та отправилась принимать ванну. Тогда, сказав, чтобы ей принесли кофе наверх, Моргиана несколько успокоилась. Выпив три чашки кофе, она, по своему расшатанному состоянию, по внезапно набегавшим злым слезам, увидела, что должна уехать сегодня – быть вдаль, как бы умыв руки значительным расстоянием. Немедленно принялась она собираться, вызвала прислугу, распорядилась готовить автомобиль и передать Джесси, что через час уезжает в «Зеленую флейту». «Постепенно первое, самое сильное впечатление отойдет, – рассуждала Моргиана. – Я – больная после кризиса, о котором знаю одна я».

Между тем, узнав, что сестра собралась ехать, Джесси захотела было пойти к ней, но раздумала; лишь велела сообщить себе, когда Моргиана выйдет садиться в автомобиль. «Бог с ней, – размышляла Джесси, – она правда несчастна до содрогания, потому что с такой страстью погрузилась в свое уродство, хотя я к ней привыкла и ничего особенного не нахожу. Особенное лишь то, что мы ни в чем не похожи. Пусть едет, так будет лучше для нее и меня».

Обычно автомобиль подавался к внутреннему подъезду,

на аллею круглого цветника; так подан был и теперь. В это время Джесси получила от Моргианы записку с сообщением об отъезде и с приглашениями. «Она не хочет видеть меня», – сказала Джесси и, рассердясь, решила не провожать Моргиану, но, как всегда, смилостивилась и пошла на подъезд. Стараясь быть веселой и приветливой, Джесси встретила выходящую, в сопровождении слуг с чемоданами, сестру, сказав: «Бежишь? В „Зеленую свою флейту“? Живи там спокойно и к нам заглядывай. Я приеду к тебе».

Она взяла Моргиану под руку и шла так, стараясь шагать нога в ногу.

Пристально взглянув на нее, Моргиана, удивясь сама себе, не смогла удержать улыбку. Хорошенькая, как цветок, девушка сияла ей глазами в глаза, надувая пузырем щеки и подмигивая. Улыбка утоленного зла сощурила глаза Моргианы, как нож, пробивший протянутую шалить детскую руку; по всему ее телу прошла мутная дрожь, и она стала далекой, бесчувственной; даже смогла сказать снисходительным тоном старшей: «Сообщай о себе; не забудь предупредить, если вздумаешь приехать. Будь здорова; прощай!»

Джесси заметила ее усилие говорить естественно и отпустила руку сестры. Чтобы отвлечься, она затеяла постоянную свою игру с шофером Слэкером, предварительно поцеловав Моргиану, которая уже усаживалась:

– Слэкер!

– Есть!

– Мотор?

– Есть!

– Бензин?

– Есть! – отвечал, уже помедлив, Слэкер; он был не совсем в духе, так как проигрался вчера.

– Контакт?

– Есть!

– Контракт?

– Есть!

– Задок?

– Есть и задок, есть и передок, – ответил сумрачно, всех рассмешив, Слэкер; однако на Джесси он сердиться не мог, почему прибавил:

– О карбюраторе забыли спросить.

– Верно, – сказала Джесси, – есть карбюратор?

– Есть!

– Ну вот, Мори, – объявила Джесси, смотря на сестру против солнца из-под руки, – у него все есть! Так что ты ни в чем не будешь нуждаться. Отправляйтесь!

Автомобиль обогнул цветник и выехал за ворота. Сквозь решетку сада Джесси увидела, как Моргиана взглянула на нее из-под шляпы, и взгляд этот не понравился ей. «Ну, как хочет, – подумала Джесси, побледнев от внезапного гнева. – Она знает, что я могла бы сильно любить ее. Я вообще любить могу и хочу. Боже, неужели я рада, что она уехала?»

Став пасмурной, Джесси с достоинством выпрямилась,

повернулась и вошла в дом.

Глава IX

Проводив сестру, Джесси не могла уже выйти из дурного настроения. «Нормальна ли Моргiana? Не следует ли им разъехаться навсегда?» С этой мыслью, никак не решая ее, она стала ходить по дому; хотя приготовления к ремонту ограничили ее прогулку, она вознаградила себя тем, что посмотрела, как ставят леса и примеривают деревянные шаблоны для лепки карнизов. Наконец, усевшись в библиотеке, Джесси утвердила локти между романом и коробкой шоколада, изучая душевные движения по начертаниям автора, тронутого плесенью демонизма. Половину перелистав, половину прочтя, сказала она, зевая: «Чепуха. Вот чепуха!» – и уселась в кресло, охватив колени руками.

«Так я устала от нее», – сказала Джесси, подразумевая сестру. Скучно и тускло было у нее на сердце, и ничего не хотелось. Между тем прекрасный день звал из всех окон к движению. В ответ его шумному блеску Джесси сидела и молчала, как упавший смычок.

Не желая распускаться, она взглянула на часы и ушла завтракать, но ела мало, причем пища казалась ей не такой вкусной, как всегда.

Думая разогнать душевную оскомину ездой, она приказала заложить экипаж и выехала купить кружев. В экипаже Джесси сидела нахохлясь, прикусив губу. Мрачно рассмат-

ривала она толпу, не находя в ней ни забавных, ни живописных черт, ни материала для размышления. Подъезжая к магазину, она нашла покупки ненужными; рассердилась и приказала кучеру повернуть назад, что тот и сделал, выразив спиной изумление. Вскоре она увидела Еву Страттон, вышедшую из книжной лавки, окликнула ее и позвала ехать, причем та вначале отказывалась с шутливым возмущением, но, внимательно посмотрев на девушку и став серьезной, взобралась на сиденье.

– Я должна быть на одном частном докладе, – сказала Ева, – но вид твой мне не нравится. Ты, Джесси, бледна.

– Я чувствую, что мне нехорошо, – отозвалась, жалуясь, Джесси, – но не пойму. Не простужена, выпалась, а, между тем, хочется раздражаться.

Ева взяла ее руку, прохладную и вялую.

– Может быть, болит голова?

– Голова не болит, но ее давит. Слабость... Какая? Ничто не трясет, ни руки, ни ноги. Это даже не слабость, а гадость. Ты поймешь, если вспомнишь чувство от фальшивой ноты. Катценяммер.

– Я провожу тебя, – сказала Ева, подумав, – и если опоздаю на доклад, то буду в глубине души рада, так как обещала быть без особого желания. Я посижу у тебя дома. Бывают эти шутки и со мной от неизвестной причины. Если твои нервы устоятся, поедем к Жемчужному водопаду? Вельгофт устраивает пикник.

Кивнув глазами в знак, что подумает, Джесси сказала:

– Хочу пить. Пить очень хочу. Вот и киоск. Остановитесь против этих бутылок! Мальчик, принеси мне апельсиновой воды! Она с наслаждением осушила стакан и дала знак ехать.

– Когда уезжает твоя сестра?

– Сегодня уехала. Ева, я как-нибудь все расскажу тебе, но не сегодня. Так хорошо поплескивает внутри эта вода. Вот уж и лучше. Ясней видят глаза и спине легче. Ну-с, так что же у водопада?

Несколько оживясь, вступила она в обсуждение развлечений пикника, и, когда подъехали к дому, лицо ее стало опять полно света и свежести. Оставаясь задумчивой, она прилегла на диван, а Ева, наблюдая за ней, просматривала купленные сегодня книги и говорила о них.

– Намочи виски уксусом, – предложила она, заметив, что Джесси тычет пальцем в висок.

Девушка отрицательно качнула головой.

– Дай мне, пожалуйста, зеркало, – сказала она и, взяв от Евы ручное зеркало, внимательно рассмотрела себя. Бледность прошла, но зрачки расширились и запеклись губы.

С досадой отложив зеркало, Джесси стала думать о пикнике. Хотя уже шатнуло ее ветром отравы, живость ее воображения не померкла. Возможно ли не танцевать при свете факелов, на фоне брызг звезд и теней? Все это поманило Джесси; стараясь победить недомогание, она позвонила, скомандовав Эрмине принести вина и лимон. Услышав ее

окрепший голос, Ева спросила:

– Тебе лучше?

– Если я не дам себе распуститься, – ответила Джесси, – к вечеру ничего не останется.

Опустив в вино ломтик лимона, она потолкла его ложечкой и, с вожделением посмотрев на стакан, стала пить маленькими глотками, приговаривая:

– Если хочешь быть счастливым, то питайся черносливом, и тогда в твоём желудке заведутся незабудки.

– Как? Как? – вскричала Ева, хохоча над рассудительным речитативом девушки.

– Заведутся незабудки, – повторила Джесси, утирая покрасневшие губы.

Самовнушение и вино поддержали ее. Через несколько времени Ева уехала, успокоенная относительно Джесси, так как та оживилась и выглядела теперь хорошо; а Джесси отправилась в туалетную комнату придумывать платье для пикника. Выбросив из шкафов их содержимое, она стала примерять платья и, в разгаре своих занятий, вдруг устала так, что у нее пропало желание бегать по траве. Вялость и печаль охватила ее. Не стерпев обиды, Джесси уронила голову на руки, расплакалась и, топая ногой, старалась усмирить негодование на несчастный день. Успокоясь, она сделалась опять тихой и безразличной ко всему, так же, как было утром.

За час до обеда к ней приехала Елизавета Вессон в со-

провождении двух офицеров – Эльванса и Фергюсона. Елизавета Вессон, девушка двадцати шести лет, была неприятна Джесси за ее спокойное лицемерие и скучающий вид. Мало развеселили Джесси и спутники Вессон: самовлюбленный Эльванс и бессодержательный Фергюсон – словоохотливый человек, не владеющий искусством беседы. Елизавету подослала Ева, чтобы соблазнить Джесси ехать к Жемчужному водопаду.

Сославшись на нездоровье, Джесси решительно отказалась. Радуюсь отказу, Елизавета выразила глубокое сожаление; искренне пожалели о неудаче своего визита Фергюсон и Эльванс, но в присутствии богатой Вессон, поклонниками которой состояли ради ее богатства, высказали свое сожаление сдержанно. Произошел обмен фразами, которыми, как гвоздями, сколачивают искусственное оживление. Оно стало более естественным, когда начались колкости. Очень довольная, что Джесси не будет на пикнике, Елизавета ласково заметила:

– Я страшно жалею, дорогая; вы, правда, бледны, но среди трав и цветов выглядели бы гораздо лучше.

– Почему? – серьезно спросила Джесси. Не отвечая, Елизавета стала кротко смеяться, взглядывая на мужчин, затем вздохнула и сказала, обращаясь к Эльвансу:

– Не правда ли, Джесси с ее милой безыскусственностью напоминает лесную фею?!

– Вот именно, – мрачно кивнула Джесси.

– Царицу лесных фен, – любезно согласился Эльванс, с намерением задеть Елизавету, выходка которой была ему неприятна.

– Мы в царстве фей, – заметил Фергюсон, не догадываясь, что этими словами, после сказанного Эльвансом, отводит Елизавете второстепенное место.

– Кажется, мы кончим экскурсией в мифологию, – вздохнула Елизавета, – для Джесси прямой выигрыш: там все дриады и нимфы.

«О, ты хитрый, белообрый зигзаг!» – подумала Джесси, а вслух сказала:

– Жаль, Эльзи, что не могу сегодня составить вам выгодный контраст с моей «безыскусственностью».

Враг зашатался, но снова открыл огонь.

– О, Джесси, милая, я вам завидую! Вам посчастливилось найти какой-то средний путь между обществом и само... хотением. Будь у меня меньше знакомых, я тоже предпочла бы сидеть дома и читать что-нибудь... Например, «Одинокую красавицу» Аскорта или... Вообще, читать, мечтать...

Джесси подумала и небрежно сказала:

– Читать хорошо. Я купила интересную книгу «Роковой возраст». Не помню, кто автор.

Удар был нанесен крепко. Двадцатишестилетняя Елизавета Вессон умолкла и, нервно перебрав веер, предложила идти. Тут некстати Фергюсон начал запутанно описывать место, выбранное для пикника, всех утомил и был перебит Эль-

вансом, пожелавшим Джесси скорее поправиться. Прощаясь, девушки поцеловались и обменялись крепким рукопожатием. Наконец все ушли.

«Правда ли, что я бледна? – подумала Джесси, подходя к зеркалу. – Да, бледна; странно. Вероятно, *теперь* бледна, после Елизаветы. Этакая змея! Поехать с ней – несчастье; она под видом излияний начнет говорить гадости обо всех».

Тут позвонил телефон. Ева вызвала Джесси.

– Ну, ты уговоришься с Эльзи? – спросила Ева.

– Елизавета была, – сказала Джесси, – стала меня дразнить, а я ее отчитала. Хитрая, дрянная зацепка. Я им всем сказала, что не поеду. Здоровье? Я здорова; я только расстроена. Да, хотела ехать, а теперь не хочу. Но ты поедешь?

– Я собиралась ради тебя, – ответила, помолчав, Ева. – Я откажусь.

– Что так?

– Должно быть, я домосед. Другое дело, если бы поехала ты.

– Сложно, но непонятно. Ты добряша. Прощай пока; завтра поговорим!

Аппетит Джесси стал капризен, – за обедом она выпила стакан молока и съела пять апельсинов. Весь день в доме звучало эхо ремонта: стучали молотки, падали доски, хлопали двери. Она должна была терпеть этот шум, так как еще не решила, куда ехать летом. Скучный выбор ее упирался в «Зеленую флейту», но там жить она не хотела; поселить-

ся же у знакомых, хотя бы самых интересных и милых, было не в ее характере. Ее звали к себе Регарды; кроме того, звал Тордул, отставной адмирал, имевший пять дочерей, которые все нравились Джесси, но не настолько, чтобы жить с ними под одной крышей. Еще Джесси ожидала письма из Гель-Гью, от школьной приятельницы. Если к той не явятся ее родственники, ожидаемые с покорностью существа, обреченного уступать, Джесси могла поехать в Гель-Гью.

Глава X

Когда жара спала, дышать стало легче. Почувствовав себя сносно, Джесси выехала за гавань, на морской берег, где лесная дорога, поднимаясь по скату, приводила к отвесной стене обрыва. Здесь, над развернувшимся морем, было ветрено и высоко; но еще выше шумели деревья; внизу шарил прибой; его белая полоса восходила и медленно соскальзывала с песка; там, под обрывом, пролегла нижняя дорога. Экипаж остановился у ручья, где кучер стал поить лошадей.

Отойдя к обрыву, Джесси ступила на заросший травой край скалистой стены. Присев, она взяла камень и кинула его. Камень понесся вниз и исчез; вдруг обнаружил себя, стукнув по кучам гальки; можно было различить сверху, как запрыгала галька. Джесси захотелось еще бросать камни. Она оглянулась на кучера, который смотрел в ее сторону, ей стало неловко забавляться при нем, и она ушла за деревья. Здесь ей никто не мешал. Собрав много камней, Джесси стала брать по одному и, замахиваясь по-женски, прямой рукой, кидала через голову в море. Камень шел вниз дугой, исчезал; видны были затем только его скачки по стучающим, как горох, кучам. Джесси кинула изо всей силы камней десять, от чего зануло ее плечо. Вспомнив, как бросают мужчины, она стала подражать их манере, – зацепляя камень меж указательным и большим пальцами, а руку при броске сгибая в

локте; но, при ее неумении, локоть ударял в бок, а камень вылетал с меньшей силой. Тогда стала она бросать по-прежнему, вертя руку в плече. Ей нравилось, что камни делаются как бы частью ее самой, живой частью, достигающей головокружительного низа. Вдруг порыв ветра, поддав сзади в затылок, сбил ее белую шляпу с атласной лентой, полетевшую прямо перед глазами прочь, за обрыв. Инстинктивно хватив рукой воздух, Джесси одно мгновение была вне равновесия, так как потянулась вперед. Она откинулась всем телом назад и свалилась в траву, закрыв от страха глаза. Бездна заглянула в нее. Так она лежала, стиснув руки и зубы, пока не улеглось сердцебиение. Смерть пошутила.

Отдышавшись, Джесси сначала подобрала ноги, чтобы чувствовать их дальше от обрыва, отползла и лишь после того встала. Ветер растрепал волосы; они щекотали ее лицо. Укрепив прическу, Джесси явилась к экипажу без шляпы.

– Какой произошел случай, – сказала она кучеру, – большая птица, должно быть хищная, приняла ленту за чайку, стащила с меня шляпу и была такова!

Она знала, что тот немедленно вызвался бы искать пропажу, если бы узнал истину, но не хотела ни возни, ни препирательств. Кучер быстро осмотрел небо и рассказал случай с ребенком, которого потащил орел и бросил в квашню с тестом.

Джесси вернулась в город; она устала и ослабела. Мрачная, настроенная скептически, Джесси захотела увидеть Еву,

дом которой был ей почти по пути. Джесси вошла в гостиную, где ее встретила Ева, сообщившая, что собралось несколько человек. Вечер вышел удачен; все оживлены, и, вообще, весело.

– Ты еще бледна, – сказала Ева.

– Опять я бледна?! – встревожилась Джесси. – Мне это уже сказали сегодня. Очень бледна?

– Не... очень. Что же с тобой? Покажи язык.

– Вот язык. – Джесси высунула чистый язык и увела его назад. – Прежде чем я войду, я сяду. Дай мне пить, пожалуйста.

– Сейчас. Но чего? Воды с лимоном? Есть лимонад.

– Дай много воды, немного с вином. Ева вышла и принесла напиток сама. Утолив жажду, Джесси сказала:

– У меня ничего не болит, но я чувствую себя странно, – как будто подменили мое тело: оно не смеется. А внутри – преграда, доска.

– Теперь, когда Моргана уехала, ты отдохнешь, – прямо сказала Ева. – Она зла и хитра.

Джесси выслушала это молча, понурясь; затем подняла расстроенное лицо, по которому к слабо улыбающемуся рту скользнула слеза.

– Ева, я отдохнула.

– Ты отойдешь, ты снова станешь сама собой, – говорила Ева, идя с ней и глядя ее по спине. – Мне хочется, чтобы ты вошла в наш кружок. Надеюсь, это будет кружок.

– Я потеряла шляпу, – сообщила, оживляясь, Джесси, – разве я не сказала? Ветром – с обрыва в океан, и она плавает там.

– Ужасно!

– Да, вот уж так.

Они вошли в небольшой зал, где было пять человек: только что взглянувший на часы Регард, Фаринг, знакомый Евы по ботаническому музею, и Гаренн, автор философских этюдов. Кроме мужчин, Джесси увидела Мери Браун, служащую канцелярии музея, и Тизбу Кольбер, девушку с тяжелым лицом, полную и сосредоточенную; она была секретарем профессора Миллера.

Джесси вошла прищурясь, как это понравилось ей у одной дамы.

Ева познакомила ее со всеми, кроме Регарда, который сказал: «Очень жалею, что скоро должен уехать».

Как только Джесси вошла, она немедленно стала центром, что происходило всегда и к чему она не прилагала никаких усилий. Она сама чувствовала это по оттенку в улыбке мужчин, по тону краткого молчания, наступившего как бы случайно. Джесси немного смешалась, затем ей стало весело. Она встретила взгляды женщин и поняла, что на нее приятно смотреть. Затем общее равновесие, нарушенное свежим впечатлением, незаметно восстановилось, но уже «под знаком Джесси». Ева, слегка ревнуя, что еще не раскрывшая рта девушка оказалась главным лицом, сочла нужным начать

разговор шуткой:

– Бедная девочка приехала без шляпы. Как это произошло, Джесси?

– О, так, – ответила Джесси не без кокетства, – ветер дунул, и шляпа полетела в море! – Вспомнив испуг, она серьезно прибавила: – Был момент очень неприятный. Я захотела ее схватить и чуть не полетела сама с обрыва. Стала падать, но все-таки упала назад.

– Вы очень испугались? – спросила Мери Браун.

– Да, очень. Кровь ударила в голову.

– Интересно, – произнесла Тизба Кольбер безразличным тоном взрослой, рассеянно наблюдающей ребячьей глупости.

– Да ты, оказывается, спаслась от смерти! – воскликнула, взволновавшись, Ева и, пересев к Джесси, взяла ее руку. – А ты говоришь об этом так просто. Я сама однажды чуть не попала под паровоз. Как он проскочил мимо меня – не могу даже представить; может быть, я проскочила сквозь паровоз. Спас, конечно, инстинкт, но решительного движения, каким спасаешься, никогда не припомнишь впоследствии.

Разговор об инстинкте постепенно перешел на животных. Джесси понравилось полное юмора лицо Фаринга, который начал смешить собеседников рассказом о проделках своей собаки. Но она с нетерпением ждала, когда он кончит, так как ее опять стала мучить жажда. Наконец, Ева заметила, что Джесси водит языком по губам и, кивнув ей, увела в буфет, где присмотрела, чтобы Джесси напилась основательно.

Она подозревала не больше как малярию. Выпив ледяной содовой, девушка успокоилась. Возвращаясь к обществу, Ева рассказала, что ждет недавно приехавшего по делам службы артиллерийского лейтенанта Финеаса Детрея, своего дальнего родственника по матери. Она отозвалась о нем как о недалеком и неинтересном человеке, причем Джесси поняла, что Ева удержалась от некрасивого слова «глуп».

Вернувшись, они застали Регарда на выходе: он прощался. Одновременно уходила Тизба Кольбер, сразу невзлюбившая Джесси и потерявшая надежду на обращение разговора к опытам профессора Миллера, в которых принимала участие. Выходя, Регард встретился в дверях с неизвестным офицером; ограничась поклоном, он пошел к выходу, а офицер появился в кругу общего внимания.

Ева представила его, и он, медленно осматриваясь, сел. Джесси увидела человека лет двадцати восьми, среднего роста и правильного сложения. Темные волосы его были коротки и густы. Серые, свежие глаза вполне отвечали молчаливому выражению обыкновенного, здорового и простого лица, в котором не было, однако, ни самодовольства, ни грубости, – хорошее лицо честного человека. Кланяясь, он был несколько неуклюж, но улыбнулся, приподняв верхнюю губу, оттененную небольшими усами, так чисто и весело, как улыбается человек, совесть которого спокойна.

Сделав замечание о погоде, Детрей подумал, что перебил, может быть, интересный разговор, и приготовился слушать.

В его беспритязательной готовности немедленно сойти на второй план было что-то не освобождающее внимания, а, напротив, усиливающее внимание к нему, отчего некоторое время все ждали, что заговорит он, но он молчал.

Присутствие офицера, хотя бы и родственника, казалось Еве деликатным убожеством. Так как Фаринг начал сообщать Гаренну политическую сплетню, Ева, в качестве противоядия незатейливому присутствию Детрея, вернулась к вопросу, обсуждение которого полагала недоступным для артиллерийского лейтенанта.

– Сегодня вы начали, но не договорили о дружбе, – сказала она Гаренну. – Тебя это интересовало, Джесси, – помнишь наши беседы? Ну, Гаренн, конечно ваша циническая теория должна быть расщипана. Мы с Джесси пойдем на вас в штыки.

– Я думал, что высказался вполне, – ответил Гаренн. – В настоящее время моменты дружбы существуют за трапезой, в крупных банкротствах да еще между панегиристом и юбиляром.

– Женщины легко делаются приятельницами, – сказала Мери Браун, – а у мужчин это связано, очевидно, с хорошим обедом.

– Приятели – особое дело, – заметил Фаринг. – Приятельство – простой промысел, иногда очень выгодный.

– Женщина и мужчина делаются друзьями в браке, – сообщила Ева, – если же этого не происходит, вина не на на-

шей стороне. Джесси хочет что-то сказать.

– Что же сказать, – ответила девушка. – Чего хочется, то должно быть. Раз ее хочется – такой горячей дружбы, – значит, она где-то есть. А так хочется иногда!

– Вы правы! – неожиданно ответил Детрей.

Все взглянули на него, ожидая развития этих слов, но он, считая свою роль оконченной, снова приготовился слушать. Молчание тянулось, пока Ева не сказала Детрею:

– Детрей, жестоко отделяться парой слов; мы ждем. Он усмехнулся и слегка покраснел. Его мысль о любви-дружбе была совершенно ясна ему, но так сложна, что выразить ее он не мог.

– Я имею в виду женщину-подругу, – сказал он свою мысль словами, слабо напоминающими действительную его мысль о близости незаметной и неразрывной.

– Для мужчины это совершенно необходимо.

Джесси с удивлением посмотрела на него.

– Вы ошиблись, – мягко сказала она, – я не о том... не то хотела сказать.

– В таком случае прошу меня извинить, – быстро ответил Детрей. Он смутился.

– Я хотела сказать, – продолжала Джесси, – что где-нибудь настоящая дружба существует и интересно бы на нее посмотреть.

– Конечно, – сказал Детрей, снова становясь в тень. Джесси с досадой повернулась к Гаренну, который, помедлив, за-

говорил:

– Когда я думаю о женщине-друге, не о жене, не о возлюбленной, а о друге, в охлаждающем смысле этого слова, мне неизменно представляется лицо Джиоконды. Довольно трудно говорить о ней, не имея перед глазами. . .

– Но она есть, – сказала Ева. – Я принесу миниатюру, копию, купленную Страттоном в Генуе. По общему мнению, сходство с оригиналом велико.

Довольная, что разговор поднялся на прежнюю высоту, тем отстраняя участие в нем Детрея, которого следовало наказать за его грубую, архаическую профессию, Ева ушла, а Гаренн сделал еще несколько замечаний о дружбе, доказывающих его мнение о ней как о красивой ненормальности. Ева принесла картинку в бархатной рамке, величиной с книгу. Все осмотрели знаменитые поджатые губы Джиоконды. Когда пришла очередь Детрея, он взглянул на изображение и сказал, передавая миниатюру Джесси:

– Да, очень похожа. Я видел портрет этой женщины на папиросных коробках.

Ева вздрогнула, а Джесси притворилась, что не слышит. Между тем она была в восхищении.

Наступило сосредоточенное молчание.

– Портрет изумителен, – продолжал Гаренн. – Существует мнение, что художник имел в виду некий синтез. Но, тем не менее, перед нами лицо с тонкой и сильной, почти мускульно выраженной духовностью, которая не может удовлетво-

ряться дружбой женщины. В этих чертах я вижу знак равенства между нею и неизвестным, достойным. Совет, помощь, анализ и руководство, хладнокровие и мудрость – все дано в этом лице и позе, выражающих замкнутое совершенство.

Он продолжал в том же духе пристрастной импровизации, доказывая, что, желая женщину-друга, мужчина ищет качеств, мысль о которых возникает перед лицом Джиоконды.

Фаринг согласился с ним, так как не имел собственного суждения. Мери заметила, что Джиоконда не очень красива. Ева весело и возбужденно выжидала сказать, что «Джиоконда не портрет, а мировоззрение». Наконец, она сказала это.

– Вероятно, мы кажемся вам очень скучны, Детрей, – прибавила она, – со своим рассуждениями о давно умершей итальянке?

– Напротив, – Детрей взял снова картинку и внимательно ее рассмотрел. – Нет скуки в таком опасном лице. Женщина, изображенная здесь, опасна.

– Почему? – спросила Ева с удовольствием.

– Мне кажется, что она может предать и отравить.

1 Гаренн тревожно вздохнул; Ева досадовала; Мери посмотрела на Еву и Гаренна; Фаринг, хотя был равнодушен к искусству, нашел мнение Детрея неприличным, а Джесси рассмеялась. Ответом Детрею было молчание; он правильно понял его, выбрал себя и, положив картинку, снова приготовился слушать.

Джесси стало его жаль, поэтому она сочла нужным вступить.

– Вы правы, – громко сказала она, всех удивив своими словами, – точно такое же впечатление у меня. Эта женщина напоминает дурную мысль, преступную, может быть, спрятанную, как анонимное письмо, в букет из мака и белены. Посмотрите на ее сладкий, кошачий рот!

– Джесси! Джесси! – воззвала Ева.

– Вы шутите! – сказал Гаренн.

– Как же я могу шутить? Я всегда говорю, что думаю, если спор.

– Джесси не лукавит, – вздохнула Ева, любуясь ее порозовевшим лицом, – но как все мы различны!

– Я вам очень признателен, – сказал Детрей, отрывисто поклонившись девушке. – Теперь мой левый фланг имеет прикрытие.

– А правый? – возразил Гаренн, сидевший по правую сторону от Детрея. – Я выстрелю. Вы попросту клеветник, хотя, разумеется, честный, как и ваша пылкая соумышленница. Эпоха, когда жил да Винчи, – эпоха жестокости и интриг, – невольно соединяется вами с лицом портрета.

– Положим, – возразила Мери, – а «Беатриче» Гвидо Рени? Джесси сказала:

– Приятную женщину не мог нарисовать человек, смотревший на казни ради изучения судорог; он же позолотил мальчика, и был он вял, как вареная рыба. Я не люблю этого

хитрого умозрителя, вашего Винчи.

– Искусство выше личного поведения, – заметил Фаринг.

– Выше или ниже, – все равно, – объявила Джесси, успокаиваясь. – Мне нравится Венера. Та – женщина. Большая, отрадная, теплая. Если бы у нее были руки, она не была бы так интересна.

– Венера Милосская, – сказал Гаренн. – По преданию, царь Милоса велел отбить ей руки за то, что видел во сне, будто она душит его. Успокоительная женщина!

Джесси залилась смехом.

– Отбил, я думаю, сам скульптор, – сказала девушка сквозь кашель и смех.

– Он думал сделать лучше, но не успел. Ева, у меня разболелась голова, и я поеду домой. – Она коснулась волос. – Смотри, я забыла, что шляпу мою сдунуло в море!

– Вот странная вещь, – воскликнул Детрей, – вы потеряли шляпу, а я нашел шляпу. Я ехал от Ламмерика нижней дорогой и увидел на щебне шляпу с белой лентой.

Вскочив от изумления, Джесси уставилась на Детрея огромными глазами.

– Так неужто моя?! – сказала она со стоном и смехом. Не менее взволнованный, Детрей заявил:

– Сейчас вы ее увидите. Я хотел сказать, как пришел, но заговорился. Неужели я нашел вашу шляпу? Она в передней, завернута. Она цела.

Он быстро вышел.

– Если так, – сказала Ева, – то ты, Джесси, дочь Поликрата!

– Ах, я хочу, чтобы это была не моя! – сердито сказала Джесси, устав от неожиданности и, в то же время, нетерпеливо ожидая возвращения Детрея.

– Почему? – спросил Гаренн.

– Нипочему. Так.

В это время вошел Детрей; развернув газету, он показал, при общем веселом недоумении, подлинную шляпу Джесси. Она была цела, чуть лишь запылена.

Как ни усиливалась девушка быть иронически признательной, все же должна была рассказать Детрею историю со шляпой. Она сделала это, кусая губы, так как ей стало смешно. Найдя все происшедшее очень странным, Джесси под конец расхохоталась и, блестя глазами, надела неожиданную находку.

Торопливо простясь со всеми, Джесси вышла и приехала домой к одиннадцати часам. По приезде она немедленно потребовала воды; у нее была нехорошая, большая жажда. Немного отдохнув, но все еще слабая и беспокойная, девушка разделась и, накинув пеньюар, села к зеркалу расчесать волосы.

«Какая скверная бледность», – сказала Джесси, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть себя. До сих пор ее болезненные ощущения были смутны, но вид бледности заставил ее почувствовать их отчетливее. Тревога, подавленность,

тяжесть в висках, – чего никогда не было с ней, – испугали Джесси мыслью о серьезном заболевании. Одновременно и тоскливо думала она о Детрее, шляпе и Джиоконде. Эти мысли бродили без участия воли; она лениво отмечала их, допуская, что могут явиться еще разные другие мысли, прогнать которые она бессильна. Джесси не знала, что ее организм погружен в единственно важное теперь для него дело – борьбу с ядом. Бессознательно участвуя в этой борьбе, она отсутствовала в мыслях своих и не могла управлять ими. Хотя были они нормальны, но проходили со странной торжественностью.

Надеясь, что все кончится сном, Джесси улеглась в постель; беспокойно ворочаясь, заснула она с трудом. Несколько раз она просыпалась в состоянии дремучей сонливости, жадно пила воду и, ослабев, укладывалась опять, то сбрасывая одеяло, то плотно закутываясь. Сны ее были яркие и тяжелы.

Проснувшись окончательно в шесть, Джесси поняла, что заболела, и приказала горничной вызвать к телефону Еву Страттон; взяв поданную ей в постель трубку, Джесси попросила прислугу Евы передать той, что просит ее приехать, как только встанет.

Ева приехала в семь часов. Они посоветовались и решили вызвать доктора Сурдрега, одного из лучших врачей Лисса.

Глава XI

Происшествие со шляпой Джесси заняло гостей Евы, по крайней мере, на полчаса; всех удивляло редкое совпадение. Сам Детрей был приятно озадачен этим веселым случаем; затем ему показалось, что все подшучивают над ним. Его приподнятое настроение исчезло, тем более, что хозяйка улыбалась, но о находке не упоминала. Действительно, Ева Страттон, мечтающая о вечерах страстных, горячих споров, насыщенных сложной работой мысли, – после которых все кажется значительным, как в судебном процессе, – получила вместо того офицера и шляпу. Она строптиво решила приглашать отныне людей только «взыскующих града». При ее возрасте это был, конечно, особый вид ребячества, объясняемый неудачным браком, но Ева серьезно относилась к своим этим стремлениям и уважала себя за них, а Детрея не уважала, что он скоро если не почувствовал, то подумал.

Раздумывая над этим, Детрей приписал все шляпе Джесси, но не мог понять сложного хода женской мысли, а потому нашел, что, по-видимому, пора уходить. Он встал; желая смягчить самоё себя, так как была виновата, Ева прошла с ним к выходу. Оба думали об одном и том же, а потому, желая выцарапать романтический штрих, Ева сказала:

– Вам понравилась моя Джесси?

– Да, – не сразу ответил Детрей, прямо смотря на Еву и

неловко, но открыто смеясь, – да, очень понравилась. Удивительно милая и особенная.

– Вы красноречивы, – заметила Ева, качая головой. – Но не рассчитывайте, что я скажу ей об этом.

– Конечно! – воскликнул Детрей с испугом. – Я надеюсь. Тем более, что вы с ней очень подходите друг к другу.

– Тем более?..

– Право, Ева, я разучился за три года в Покете не только говорить, но и думать. Я могу спутать такие слова, как «бак, мак и табак».

– Да, – сказала Ева, серьезно, ничуть не упрекая себя за выдумку, – Джесси Тренган прекрасная девушка. Кое-кто медлит, но я уверена, что осенью она обвенчается.

Детрей со смехом поцеловал Еве руку.

– Всякая история имеет конец, – сказал он, – будем надеяться, что история Джесси окончится благополучно и скоро.

– Если захотите увидеть меня, пользуйтесь телефоном. Уговоримся. Вы не скучали?

– Нет. Я с большим интересом слушал. В Покете мы плохо себя ведем, – жизнь и служба однообразны.

– Но стройны, как ваш мундир? Мое представление о военной службе таково: прямая линия и «ура»!

– До известной степени, – ответил Детрей, морщась. – Прощайте!

Они расстались. Детрей жил в Ламмерике, в деревенской гостинице, заканчивая топографические поручения относи-

тельно окрестностей и реки. Солдаты, приехавшие с ним, квартировали в домиках местных жителей. Было поздно возвращаться домой, тем более, что поднялся ветер и звезды исчезли.

Выйдя на улицу, Детрей отвязал лошадь, привязанную возле подъезда, и, утвердись в седле, поехал шагом, размышляя о Джесси.

«Да, я не встречал таких девушек, – сказал Детрей сам себе. – А теперь я знаю, что они есть. Она может поманить – и пойдешь, пойдешь далеко, – за тысячи миль. Вот на редкость славная девушка!»

Он перебрал все женские знакомства, отпущенные ему судьбой, и только в трех случаях нашел отдаленные черты, чем-то напоминающие Джесси; причем один случай падал, странно сказать, на старушку, второй – на малолетнюю девочку и лишь третий соответствовал возрасту Джесси. Это была жена капитана Гойля, сердечная и нервная женщина, которая иногда бегала по столу. На вопрос, зачем ей это нужно, она отвечала: «Не знаю, но в домашней обстановке это действует освежительно. Вы попробуйте». Старушка, о которой мы упомянули, была некогда его квартирной хозяйкой; она сама приносила обед; ее когда-то красивая, а теперь сухая рука дрожала, ставя тарелку, и она произносила одни и те же неизменные, торжественные слова: «Кушай, голубчик». После такого обращения Детрей съедал все, как бы много она ни ставила. Что касается девочки, то ей едва ли было

три года, и он ее никогда ранее не видал. Девочка, опередив няньку, решительно пошла навстречу Детрею и, охватив его ноги, сказала тоненьким, убедительным голосом: «Дядя, пойдём к нам».

Все остальные его встречи были развлечением или обязанностью. Решив провести ночь в городе, Детрей, однако, спать еще не хотел. К его услугам всегда был диван одной из полковых канцелярий; он поехал туда, убедился, что его место не занято никаким странником, и, потолковав с дежурным о новостях завтрашнего приказа, отправился в дивизионный клуб. Недавно все получили жалованье, а потому народу было много в баре и в карточной. Детрею было приятно ходить среди охмелевших групп со своим особенным настроением, о котором никто не знает. Он встретил знакомых, между ними – бывшего сослуживца Тирнаура, и сел с ним за отдельный стол.

– Итак, вы еще не женились, – сказал Тирнаур, плотный человек с веселым, соглашающимися глазами, смотря на руки Детрея.

– Нет, как и вы...

– Я был близок, – ответил Тирнаур, – не знаю, жалею я или нет, что дело расстроилось.

– Самые эти слова ваши подозрительны, – сказал, подходя к нему, худой, белокурый офицер в пенсне. – Я вас встречал, – обратился он к Детрею, – в суде, вы были свидетелем.

– О, да, – сказал Детрей, вспомнив имя офицера. – Сиди-

теть за наш стол, Безант.

– Вчера я дал слово больше никогда не играть, – сообщил Безант, усаживаясь, – но сегодня я как-то забыл об этом. А мои партнеры не знали, и, черт меня побери, если я еще когда-нибудь буду прикупать к пиковому тузу!

– Я слышал, что Джонни Рокерт прикупал не с большим успехом, – сказал Тирнаур.

– Гораздо успешнее. Его выручила жена, сказав по телефону, что в доме пожар.

– Но в следующий раз она должна будет вызвать землетрясение?

– Она сделает больше, чего нельзя сказать об Анне Сульфид, которая проигрывает все жалованье своего мужа.

– Все в своем роде хороши. Но что же мы будем пить?

– Я приказал подать бутылку рома, – сообщил Детрей.

– Вы оптимист, – сказал Тирнаур, – я не так самонадеян и ограничусь шампанским.

– Дайте виски и соды, – обратился к слуге Безант, а затем окликнул молодого артиллериста, который, засунув руки в карманы, проходил мимо с сосредоточенным видом:

– Не хотите ли посидеть с нами, Леклей?

– Хочу, – сказал артиллерист и уселся.

Все эти люди были знакомы друг с другом; Леклей пожал руку Детрея и был отрекомендован ему Безантом как лучший стрелок по голубиным садкам. После того все принялись пить.

– Покончим с этим и составим партию в винт, – предложил Тирнаур.

– Я согласен, – сказал Детрей.

– Не лучше ли поставить в баккара? – спросил Безант. – Слышите, какой шум!

– Там мечет фон Вирт, – сообщил Леклей вскользь и со значением.

– А! – сказал Безант, и все умолкли.

– Детрей, расскажите о Медалуте, – обратился Тирнаур. – Ему предсказывали, по крайней мере, дивизию. О нем не слышно теперь.

– Медалут застрелился, – сказал Детрей.

– Не может быть! – вскричали слушатели. Детрей продолжал:

– Медалут был послан в Гель-Гью ревизовать оружейные мастерские и среди хлама нашел старинный пистолет. Он обратил внимание, что не может разглядеть травку фамилии мастера. Через месяц он был вынужден обратиться к врачам, и ему предсказали, что он может ослепнуть. Некоторое время он курил опиум; потом зарядил пистолет пулей и покончил с собой.

– Однако! – сказал Безант.

Дым четырех сигар застлал лица беседующих.

– Я знал его, – проговорил Тирнаур. – Ему всегда что-то мешало жить, хотя он участвовал в шести экспедициях и не был ни разу ранен. Как твои малютки, Леклей?

– Как всегда; и, как всегда, ждут.

– Вот мысль, – сказал Безант, – дело идет, я вижу, о Розите и Мерседес. Я страшно давно не был в их доме.

– Что скажете вы, Детрей, так пронизательно улыбнувшийся? – спросил Тирнаур.

– Лучше я буду с вами, чем мне вступать в тщетную борьбу с пружинами клеенчатого дивана, – сказал Детрей. – Я живу в Ламмерике и пристроился на эту ночь в канцелярии.

– В таком случае устроим сбор, – предложил, воодушевляясь, Безант. – Хотя я и прикупал к пиковому тузу, однако начну первым.

Он положил на тарелку золотую монету; все остальные сделали то же самое. Слуге было наказано уложить в корзину сыр, фрукты, консервы, конфеты и двенадцать бутылок; затем все это слуга снес в автомобиль Безанта, и компания отправилась на шоссе, среди садов которого находился дом с обещанными Леклеем Розитой и Мерседес. Когда Детрей усаживался, ему что-то мешало отдаться беспечной болтовне, как если бы он ехал прямо от Евы Страттон. Но автомобиль выругался, и ощущение помехи исчезло.

Проехав мимо кавалерийских казарм, автомобиль кинулся влево, на глухие огни окраины, и, резко вертя руль на поворотах, Безант доставил компанию к началу шоссе, где стоял скрытый деревьями одноэтажный кирпичный дом, погруженный во тьму.

Машина остановилась, и, как только ее шум затих, путе-

шественники увидели, что по щелям веранды пересеклись линии света.

– Они еще не спят, – сказал Безант, входя на веранду. Окно открылось, и в нем показалась полуодетая женщина; прикрывшись веером, она крикнула:

– Уже неделя, как мы питаемся только одной яичницей!

– Неужели? – сказал Тирнаур.

– Ах, это вы, Тирнаур! Розита дома. Розита, неужели ты спишь?

– Пусть они подождут, пока я оденусь! – донесся из гостиной женский голос.

Леклей с Детреем внесли корзину и поставили посредине веранды.

– Корзина! – вскричала невидимая Розита, которая сама отлично видела все.

– Тут что-то есть!

– Да, это не яичница, – сказал Тирнаур.

– Тирнаур – хороший! Тирнаур – ангел! – закричали женщины, и окно опустело, а офицеры уселись на перилах и стульях, прислушиваясь к суете за окном, которая скоро кончилась; Розита открыла дверь и впустила гостей.

Розита и Мерседес были цирковые наездницы, которые отстали от труппы благодаря неверному покровительству одного местного богача, зажились и разленились. Мерседес, двадцати шести лет, выше среднего роста, была раздражительна, смугла и черноволоса; Розита, в противовес ей, смет-

ливая и покладистая, имела рыжие волосы и скромное лицо с толстыми губами, выдающими африканского предка. Они вышли к гостям в приличных муслиновых платьях; на Розите было розовое, на Мерседес – голубое.

– Что же, вы нас будете угощать яичницей? – спросил Леклей.

– Не хотите же вы, чтобы мы сами стряпали! – ответила Мерседес. – Наша прислуга Салли ушла на всю ночь, а другой прислуги мы не имеем. Съедем, что привезено.

Они расправили скатерть, на которой валялись карты, и погрузили руки в корзину, а Детрей сел в стороне, осматриваясь. Хотя его уже познакомили с хозяйками, они еще не признавали его заслуживающим внимания, так как не он был главным лицом. Тон давали Тирнаур и Леклей.

Поэтому Детрей сел, осматривая большое помещение, служившее одновременно гостиной и столовой; в углу шел проход ко второй комнате, где стояли кровати, а третья, справа от веранды, была пуста и лишена мебели. В углу помещалось пианино; два кресла у туалетного стола, заваленного банками и альбомами; по стенам были прибиты веера и куски тканей; несколько вееров валялись на ковровом диване. За спиной Детрея белый с розовым какаду перевернулся в кольцо и, проскрипев клювом, сказал с заученным выражением: «Алло, старый дурак!»

Стараясь не обращать на себя внимания, Детрей воспользовался тем, что Мерседес отправилась с Безантом ставить

автомобиль, для чего следовало открыть ворота, иначе мошенники могли увести машину, а Тирнаур и Леклей передавали Розите бутылки, и вышел через пустую комнату на двор к кухне. Она оказалась не запертой. Детрей усмехнулся, открыл дверь и разыскал свечу, которую тотчас зажег. В углу кухни стоял ящик, набитый соломой и яйцами, так что Мерседес была, безусловно, права. Кучи яичной скорлупы валялись вдоль стен, привлекая рои мух.

Индивидуальная вылазка Детрея объяснялась тем, что он страшно проголодался, кроме того, он хотел сделать сюрприз компании, подав пламенную яичницу, кроме сыра и ветчины, по существу скучных. Разыскав связку лука, Детрей очистил две луковицы, искрошил, перемешал на большой сковороде с солью, полил месиво оливковым маслом из плетеной бутылки, разбил десятка два яиц; после того он зажег патентованную спиртовку и поставил сковородку на венок синих огней. Вся процедура заняла не более десяти минут; уже яичница шипела и пузырилась, как за спиной Детрея раздались глубокомысленные слова: «Главное, чтобы не подгорела». Он обернулся, увидев Безанта, Тирнаура, Леклея, Розиту и Мерседес; все они почтительно выстроившись, наблюдали стряпню.

– Смотрите не передержите, – сказал Тирнаур. – По всем справочникам яичница не должна жариться долее четырех минут.

– Да, без лука, – возразил Детрей.

– Ах, она с луком! – сказал Безант, – в таком случае можете мне не ставить прибор.

– Боже мой! Опять нас на ту же диету! – вскричала Розита, – но вы, в наказание, съедите ее сами всю!

– Ну, я ему помогу, – сказала Мерседес.

– И я! – воскликнул Леклей. – Я тоже хочу яичницы!

– Пустите, теперь мы достряпаем, – заявила Розита и оттеснила Детрея.

Наконец, сковорода была перенесена в комнату, и кушанье разошлось по тарелкам, причем женщины ежеминутно вскакивали, спохватываясь о вещах, которые, по безалаберности их жизни, находились в разных углах; с трудом разыскали ложки и ножи. Однако механический штопор лежал на видном месте, и Леклей открыл все бутылки; вино ударило в головы, и попойка, а с ней разноголосая болтовня прочно утвердились в тихом доме на безлюдном шоссе. Но Детрей, хотя он и делал усилия попасть в тон, не был ни пьян, ни свой здесь; никто не знал этого; он это чувствовал сам.

Сыграв на мандолине две арии, Детрей встал с дивана и перешел в кресло; на столике перед ним лежал тяжелый альбом. Едва он раскрыл его, как Мерседес, внимание которой к этому человеку внезапно усилилось, подошла и, став у его плеча, сзади, добродушно сказала:

– Какой грустный! Устал от яичницы! Что же, вы не прочь поухаживать?

– Поухаживать... За кем? – рассеянно ответил Детрей.

Она стояла совсем близко, так что его плечу стало тепло. Однако ощущение таинственного подарка не покидало Детрея, и он был снова такой, каким вышел от Евы Страттон.

– Ну, разумеется, если я говорю с вами... Мерседес не договорила и отодвинулась.

– Тирнаур весь вечер вспоминал вас, – сказал Детрей и перевернул страницу альбома.

– Вот это я, с обручем, – сообщила Мерседес, раздраженно дыша, от чего ее слова стали отрывисты. – Это я же, с лошады. Там – Розита. Она же в пантомиме «Щуки и караси». Хотите вина? Нет?! Ну, вас не поймешь.

Мерседес ушла, размахивая веером, как мечом. Детрей оглянулся и увидел, что она, подбоченясь, наливает себе полный стакан; в это время Розита, сидя между Безантом и Леклеем, заставляла угадать, в какой руке у нее орех.

Детрей, несколько смущенный, присоединился к обществу. Взглянув на него пустыми глазами, Мерседес выпила еще один стакан и с силой выдернула бутылку из рук Тирнаура, который хотел помешать ей налить третий. Впрочем, бутылка была почти пуста, и она бросила ее через плечо. Попугай крикнул: «Выпьем, черт побери!» – и разразился хохотом.

– Теперь она будет скандалить, – шепнул Тирнаур Детрею, – увы, постоянная история.

Мерседес была бледна и молчала. Все посмотрели на нее. Вдруг она сорвала скатерть со стола так быстро и ловко, что

гости едва успели вскочить, – и все бутылки, стаканы, сковорода, – весь ералаш пьяного угощения с грохотом слетел на пол.

– Напилась-таки? – злобно сказала Розита, стирая с платья брызги вина. – У! Я тебя ненавижу!

– Пусть он уйдет! Пусть уйдет! – взвизгивала Мерседес, вырываясь из сдерживающих объятий Тирнаура. – Как он смел распорядиться на кухне?! Он подлец! Зачем его привели? Пусть убирается ко всем чертям или я сию минуту зарежусь!

– Да, надо уходить, – сказал Безанту Детрей. – Когда я уйду, она успокоится.

– Что-нибудь произошло между вами? – осведомился Леклей.

– Решительно ничего!

Между тем скандалистку уговорили выйти в соседнюю комнату. Уходя, Детрей, заглянул туда и увидел, что Мерседес, мрачно всхлипывая, курит, сидя на стуле рядом с Розитой, которая ее уговаривала и утешала. По-видимому, мир был уже недалек.

– Убрался этот? – сказала Мерседес подруге.

– Уже ушел, – сказала Розита. – Напудрись и иди туда. Ведь просто смешно!

– У-у, негодяй, – прошипела Мерседес, стуча кулаком по колену. Детрей поморщился и, распростившись с приятелями, вышел на шоссе. Немного светало; когда через полчаса

он явился к канцелярии, где хотел ночевать, наступило утро. Сев на свою лошадь, Детрей поскакал в Ламмерик. Чувствуя, что сегодня работать не способен, он, приехав домой, опустил шторы, разделся и моментально уснул.

Глава XII

Природа обычно ставит противовес безобразию человека в самих чувствах его; если хотя что-нибудь хорошо у обиденного привлекательностью, – глаза, ноги, волосы или голос, ему часто довольно и этого утешения. Иные награждены беспечностью или же добротой и умом. Наконец, самообольщение, внушение себе обладания качествами иного порядка: талантом, тонкостью, оригинальностью, способностью вызывать безотчетную симпатию. Безобразию уступает, сглаживается, если такие качества существуют действительно; если же их нет, не редкость встретить грустное снисхождение к слепоте и грубости окружающих.

Этот более чем сложный вопрос решается привычкой, самомнением и благородством, безотносительно к результатам решения. Исключения трагичны и редки; такое исключение составляла Моргиана Тренган, знавшая себя без иллюзий, с точным пониманием, чем стала бы ее жизнь, будь она нормальной молодой женщиной, и с сознанием телесной тюрьмы, которая так же изуродовала ее, как это бывает со страстным и злым узником, посаженным на всю жизнь.

Моргиана выехала в «Зеленую флейту» с решением не возвращаться до окончательного ухудшения здоровья Джесси. Неизбежность провести несколько последних дней возле постели отравленной сестры мало страшила ее в том смыс-

ле, что она могла бы выдать себя или навлечь подозрение. Никто не ожидал от нее ни рыданий, ни бурного горя, и, при странностях ее характера, такие естественные чувства могли бы вызвать недоумение. Сдержанность и печаль – вот была вся ее несложная роль, тем более, что отравление сделало для нее Джесси чужой. Давно уже Джесси была не сестра ей, а боль в образе молодой, красивой девушки. Она думала теперь о Джесси, как о прошедшей боли. Моргiana много раз убивала и хоронила ее. Действительность не была разительней ее страшных грез, – была она проста и черна, как проколовшая бумагу точка, поставленная в конце письма, полного ненависти. Что ненависть и любовь сродни, – неверное мнение; его единственная ценность в том, что оно заставляет думать. Любовь есть любовь.

Моргiana была оглушена и спокойна. Постепенно ее дыхание стало глубже, движения увереннее; у нее не было полного сознания происшедшего, и она не добивалась его. Устав от волнений, она начала думать о недалеком богатстве, так как после смерти сестры ей предстояло получить такую сумму, с которой легки всякие перемены. Уже обдумала она, как поступить, если ее замучит раскаяние; на этот случай она решила обратиться к гипнотизеру и, не жалея денег, заставить себя забыть. Перспектива денег оживила ее; хотя не это она имела в виду, подготавливая смерть Джесси, но богатство, естественно, вытекало из преступления. Она могла уехать в другую часть света, внимательно изучить общество муж-

чин и заставить одного из них сносить ее безобразие. Остановясь на мелькании этого тайного острия души, она подумала, что есть смысл купить безвольного, красивого человека и, снисходительно разглаживая его усы, прислушиваться, как будет он лгать ей тоном, голосом, словами и всем своим существом, постепенно сам уродуясь внутри себя по ее образу. Моргиана повеселела немного, развивая подробности; потом сникла, настроение ее упало, и она занялась рассмотрением окрестностей.

Наступила реакция. С угрюмой и бесплодной иронией Моргиана наблюдала смену пейзажей. Упадок вызвал физически тревожное состояние, и, смешивая его с тревогой душевной, она стала искать поводов для нее. Отразив всю подозрительность, свойственную преступнику, она припомнила, как влила яд, сцену с Джесси, лицо прислуги, и как ни старалась заметить опасность, ее не было, – ни в ее словах, ни в движениях; единственно – переставший пениться стакан мог бы заставить Джесси впоследствии задуматься над странным утренним визитом сестры. Но разрешение этого обстоятельства имело характер психологический; по ее мнению, в худшем случае, Джесси могла лишь подозревать и молчать.

Дорога шла обширными поворотами, среди скал и лесистых обрывов по отлогому скату. На исходе часа пути открылась «Зеленая флейта» – ветреное, дикое место среди обступившего вокруг леса. Он простирался от обрыва до береговых скал. Наконец, автомобиль остановился перед стары-

ми каменными воротами с железной решеткой. Оставив слуг убирать багаж, Моргиана прошла в дом, переоделась и позвала Гобсона. В разговоре с ним она не выказала на этот раз ни подозрительности, ни придирок; молча просмотрела расходную ведомость, счета, выдала деньги и приказала каждую неделю докладывать об истраченном.

Уже было все переговорено, настало молчание, и управляющий собирал бумаги, чтобы уйти, но Моргиана мучительно, торопливо придумывала, о чем начать говорить снова, чтобы избежать пустоты. Эта пустота в ней, наступающая всегда внезапно, пугала и томила ее. Тогда она стала задавать вопросы. Гобсон, человек сорока лет с полным, печальным лицом и затрудненным выражением старых глаз, предложил снести каменный сарай, закрывающий от солнца часть сада со стороны двора. Моргиана оживилась, но управляющий скоро стал не рад, что заговорил о сарае: Моргиана начала бесконечно вычислять расходы и утомила его ненужными рассуждениями.

Едва он ушел, как снова образовалась в ней пустота, подобная пустоте замочной скважины, в которую видно запечатое, брошенное жильё. Отказавшись есть, она выпила чаю и стала ходить по комнатам, тщательно осматривая каждую комнату, чтобы найти повод к неудовольствию. Однако перед ее приходом прислуга употребила все меры, чтобы избежать замечаний. Тщательно выколоченные ковры, блестящая медь дверных ручек и каминных решеток, цветы в сто-

ловой и спальне, – все вещи начали жить, ожидая ее внимания. Моргiana никогда не могла забыть Хариту Мальком; память о ней терзала и стесняла ее. «То было, – сказала Моргiana, – Харита Мальком вернулась, но в другом образе. У каждой Хариты сто лиц, и я – только одно из них».

Это сравнение, мучительное, как позор, так возбудило ее, что вся кровь хлынула в ее мозг. Моргiana прислонилась к роялю и закрыла глаза. Настала такая ясность, такая безупречная чистота и полнота мыслей о ненависти и нежности, что стало слышно, как стоят вокруг нее вещи. Маятник часов, отмечая тишину, толкал время точными и звонкими касаниями. Его речь напоминала ровное падение капель на тугую струну. Моргiana прислушалась и почувствовала, что в изнемогающей тишине ее мыслей подкрадывается воспоминание. Еще не зная, что это такое, она уяснила его природу и поспешила уйти, чтобы оно замялось движением. Но это сопротивление мгновенно и точно очертило просвет памяти. Вздохнув, она остановилась на нем с испугом и отвращением. Это было воспоминанием о падении капель яда в стакан с водой. Она снова почувствовала в правой руке напряжение страха, с каким, трепеща и торопясь, влила яд. Ей представилось, что прозрачная вода была живым существом и что яд ранил ее насмерть. Острая жалость охватила ее, но то была не жалость к сестре. С содроганием видела она свою руку, согнутую, как клюв, безмолвное мелькание капель, – побледнела и встрепенулась.

«Не отсюда ли явится опасность?» – подумала Моргiana. Ее мысли приняли странное направление, и прежде всего она решила, что никогда не будет пить из стакана. Затем она поспешно поднялась в спальню, вынула из баула флакон с ядом и стала придумывать, как уничтожить его бесследно. Нигде в доме она не могла спрятать флакон без болезненного опасения, что он обнаружится, как бы хорошо ни скрывала концы, и хотя могла бояться лишь собственного признания, воспаленное воображение ее изобретало такие случайности, которые существуют лишь как исключение поразительное.

Пока она размышляла, наступило время обеда; заперев флакон в ящик стола, Моргiana перешла в столовую, где заставила себя несколько съесть и выпить кофе, продолжая видеть флакон. После обеда она вышла через террасу и садовую дверь в лес, к узкой скалистой трещине. Она побоялась бросить флакон в трещину, чтобы не думать потом неотвязно о его тайном существовании, но взяла камень и, вылив яд на траву, тщательно раздробила флакон, затем разбросала осколки как можно дальше, даже сбросила вниз камень, на котором дробила стекло, и, успокоенная, села отдохнуть под деревом. На нее напал сон; она склонилась к земле и проспала два часа, а проснувшись, некоторое время не могла понять – где она и что с ней произошло. Припомнив, она встала и поспешила домой.

Пока она шла, наступил вечер. Небо стояло в облаках, ветер затих; молчаливый лес таил уже очаги тьмы. Пройдя

ворота, Моргиана увидела на ступенях флигеля семейство Гобсона: его дородную, насупленную жену, двух мальчиков, игравших на нижней ступеньке, и самого Гобсона, поспешно вставшего, едва заметил хозяйку. Поднялась также его жена, шлепнув своих сыновей, чтобы перестали визжать; по неловким движениям этих людей Моргиана догадалась об их досаде служить старой деве со злым ртом, после прекрасной, доброй и вспыльчивой танцовщицы. Гобсоны хором пожелали Моргиане доброго вечера. Решив переменить всю прислугу, Моргиана остановилась, пристально осмотрела всех этих, кивнула и прошла в подъезд. Позвав Нетти, горничную, Моргиана поужинала, а к десяти часам велела подать чай.

С тех пор как из золотого гнезда выпорхнула Харита Мальком, ничто не было тронут в обстановке ее спальни и будуара, по приказанию Тренгана. Он сам не входил в эти комнаты, боясь мучений и апоплексии; Моргиана не входила из ненависти. Вещи Мальком – шесть сундуков – находились в бывшей ее спальне. Ключи от сундуков, как и все ключи дома, были у Моргианы. По завещанию дом и движимое имущество принадлежали ей, но замысел и решение вскрыть сундуки явились у нее только теперь, когда она совершила большее. Она хотела видеть красивые вещи красивой женщины, чтобы испытать боль, злобу и ненависть. Кроме того, она желала почувствовать себя хозяйкой вполне – над всем чужим, ставшим своим.

Открыв дверь верхней угловой комнаты, Моргиана зажгла свечи на туалетном столе и сумрачно осмотрелась.

Туалет был роскошным. Хрустальные, золотые, серебряные и фарфоровые вещи отражались в зеркалах. Моргиана стояла сбоку зеркала, чтобы не видеть себя. Видны были только линия согнутого плеча и тяжело висящая рука. У правой стены, на возвышении с двумя ступенями, по которым свешивались лапы и головы тигровых шкур, маленькая нога, сонно устремляющаяся с кровати, попадала в щекочущую теплоту меха. Белое атласное одеяло, драгоценные кружева, пух, серебряная кровать, газовый балдахин, затканый серебряными цветами, выражали обожание женщины и ее капризов. Огромные зеркала с золотыми рамами из фигур фавнов и вакханок были как золотые венки вокруг входов в блестящие отражения. Шелковая обивка стен изображала гирлянды роз, рассеянных в белом тумане затейливого узора.

В разных местах, не загромождая середину комнаты, стояли высокие дорожные сундуки.

Моргиана придвинула к одному из сундуков стул, уселась и подобрала ключ. От свечей было ярко у зеркала, но полутемно в углах, и Моргиана поставила их у сундука. Откинув крышку, она увидела, что сундук плотно набит; наверху лежал кусок светлого шелка, прикрывавший белье.

При виде этих вещей, накупленных с неистовой щедростью, покинутых с ненавистью, затем вновь собранных акку-

ратно чьей-то равнодушной рукой, Моргiana затосковала и восхитилась; ее руки стали холодными; беспокойно и тяжело билось сердце. Нервно дыша, начала она вынимать и складывать на полу вещи, одержимая страстью узнать до конца запрещенный мир. Вещей было так много, что они, утолщенные, спрессованные в сундуке, сами поднимались снизу, по мере того, как исчезала тяжесть верхней кладки. Это были бесчисленные слои тончайших белых материй с лентами, с разлетающимися при движении кружевами, легкими, как дым. Роскошное, грандиозно бесстыдное белье скользило в руках Моргiana; в огромном сундуке, где рылась она, стоял снежно-белый хаос. Вокруг нее, на ее коленях, на откинутой крышке белели ворохи изысканных, ослепительных свидетелей сна и любви.

Взяв одну рубашку, Моргiana сжала ее в руке, почти не испытав сопротивления, и, еще крепче сжав, выронила на ковер, упал как бы смятый батистовый платок. С удивлением смотрела она на крошечный комок. Сущность, практическое значение этого драгоценного белья стояли на втором плане в сравнении с его качеством и ценой; то были скорее драгоценные украшения, чем вещи первой – и хотя бы третьей – необходимости. Очарование действовало как напев. С пересохшим горлом, стоя уже на коленях перед сундуком, Моргiana не имела силы ни остановиться, ни поперечить себе. Наконец сундук опустел. На его дне остались желтая лента и жемчужная пуговица.

Ноги Моргяны онемели. Поднявшись, она некоторое время стояла, держась за край сундука. «Это мое», – сказала она, подбрасывая ногой белье Хариты Мальком и жадно присматриваясь к нему. Ей возразил внутренний голос, тяжелый, как удар кулаком в лицо, но она не возмутилась теперь. Песня красивого белья звучала в ее страшной душе; она улыбнулась и разрыдалась.

Как только припадок прошел, Моргяна вытерла глаза и подошла к следующему сундуку. Он был выше первого и длиннее, а внутри имел множество отделений. Разыскав ключ, она подняла тяжелую крышку, укрепила ее распоркой и сняла листы газетной бумаги, соединенной булавками. Более спокойно уже, чем было у первого сундука, она извлекла бальные платья, утренние и вечерние туалеты, балетные юбочки, сорти-де-баль, шелковые трико, шарфы, боа и все разложила на стульях с аккуратностью горничной. Начав со злобы, она теперь прониклась уважением к миру, создавшему женщине единство с ее гардеробом. Голова ее была тупа, как после болезни; мысли поражены. Она никогда не держала в руках таких красивых, как бы влюбленных в себя вещей; их особый запах, в котором преобладал слабый запах духов, напоминал об огнях подъездов и балов. По размерам платьев она представила фигуру Мальком так точно, как будто видела сама ее небольшое тело, подвижное и гибкое. Она очнулась у третьего сундука, с раскрытым футляром в руках; из его атласного гнезда свешивался крупный жемчуг. На ее ко-

лениях лежали сверкающие браслеты.

«Итак, даже не пересмотреть всего, – сказала Моргиана, силой утомления возвращаясь к своему обычному состоянию. – Так любят женщину, если она красива и привлекательна. Зачем я мучаю себя, рассматривая все это? Кто скажет мне: Харита Мальком?»

Она резко подошла к зеркалу. В нарядном стекле мелькнули ее уродливые черты. Все впечатления, вынесенные из разгрома вещей Хариты Мальком, отравили ее больной мозг и поддержали его в эту минуту странным явлением. Велик был отпор ее отчаяния своему образу... Она увидела, как переменилось все в зеркале; не отражение изменилось, мрачный образ пропал, и, закутанная в газ и цветы, с бриллиантовой диадемой в темных волосах, взглянула из зеркала на нее женщина с бледным и прелестным лицом. Ее глаза сияли, по-детски пренебрежительно улыбалась она...

Стук в дверь оборвал то, что хотела сказать сама себе Моргиана. Она подошла к двери и открыла ее. Нетти вошла, но отступила за дверь, растерянно смотря на свою госпожу. Голова Моргианы тряслась, на ее руке висела ненатянутая до конца лайковая перчатка.

– Чай подан, – сказала девушка.

– Чай? – спросила Моргиана, не понимая.

– Да, чай, как вы приказали. Теперь десять часов.

– Разве это так важно, чай?! – сказала Моргиана, улыбаясь и хмурясь. – Есть вещи важнее чая, Нетти. Но я иду. Я буду

пить чай.

Глава XIII

Не получив на второй день жизни в «Зеленой флейте» роковых известий о Джесси, Моргиана успокоилась и поверила в свое дело, а на третий день проснулась в мучительном настроении. Она видела зловещие сны. После завтрака Моргиана позвала Нетти и сказала ей:

– Я забыла некоторые вещи; они мне нужны, а потому передайте шоферу, чтобы он поехал с моей запиской в наш городской дом и привез все, что тут обозначено.

Ее истинной целью было разведать о положении Джесси: если она заболела, то шофер, наверное, узнал бы о том из разговоров с прислугой. Между тем Нетти, сложив в карман записку, медлила уходить; на вопрос Моргианы – не нужно ли ей чего-нибудь – горничная сказала:

– Извините, барышня, я хочу все спросить: ваша сестра тоже приедет сюда?

– Нет, она здесь жить не будет, – ответила Моргиана с раздражением, – но почему вы об этом беспокоитесь?

– Я ничего... Ваша сестрица такая приветливая, и мы думали... Однажды она была с вами, и все мы долго вспоминали после, как она сидела на крыше и нам приказала молчать; а вы ее искали в саду.

– Мне очень приятно, что вы так привязаны к Джесси; но мне также очень жаль, что она жить здесь не будет. Итак,

пусть шофер выезжает немедленно.

Нетти поклонилась и ушла, а Моргиана начала приводить в исполнение план, который представился ей вчера, во время рассматривания вещей Хариты Мальком. В ее сундуках брошено было белья, платьев и драгоценностей на десятки тысяч; обратив это имущество в деньги, она могла в случае опасного поворота дела бежать немедленно, не завися от денег Джесси; их она тогда не смогла бы получить без риска очутиться в тюрьме. Моргиана поднялась в комнату с сундуками; там она выбрала из трех сундуков все наиболее ценное и, взяв лист бумаги, стала составлять опись. Вчера видела она только прихоть и блеск; сегодня каждая вещь с приближительной точностью указывала ей свою цену.

Прежде всего она отложила четыре ожерелья: бриллиантовое, изумрудное, жемчужное и рубиновое. Затем следовали двадцать три кольца, более всего бриллиантовых, но были среди них также сапфиры, александриты, лунный камень, турмалины и гиацинты. Браслеты с крупными жемчугами, восемь брошей редкой и драгоценной работы, бриллиантовые эгреты, старинные веера кружев антикварной редкости, а также с рисунками Гамона и Куанье стоили не менее бриллиантов. Последним предметом этого роскошного инвентаря оказалась оторванная страница листа почтовой бумаги, на которой вверху сохранился перенос – одно слово: «устала».

Столбец цифр, составленный Моргианой, не понимавшей, почему капризная женщина бросила так легко подарки

Тренгана, указывал столь значительную сумму, что Моргиана наполовину сократила ее, думая, что преувеличила стоимость драгоценных вещей. Однако даже в таком виде итог указывал восемь тысяч фунтов, и она была так приятно огушена своей сметой, что не могла больше быть в комнате. Между тем остальные вещи Мальком, даже проданные за треть стоимости, представляли тоже значительную сумму. Она решила не говорить никому о своих открытиях и, желая обдумать, как выгоднее скорее продать все, заперла драгоценности в один из сундуков, а затем отправилась на прогулку.

За домом простиралась густая трава, доходившая до роши из старых деревьев, отделенных от остального леса извилистым склоном. Так как день был жаркий, Моргиана спустилась в ложбину и направилась по тропе, к озеру, лежавшему ниже «Зеленой флейты». Там собиралась она выкупаться и посидеть в тени листвы; медленно шагая, Моргиана пришла, наконец, к решению продать часть вещей в городе, а потом вызвать ювелиров в «Зеленую флейту», чтобы распродать все остальное без помехи и лишних толков. По обстоятельствам дела никак Нельзя было судить, знал Тренган о выказанном Харитой презрении к его любящей расточительности или не знал. Было достоверно известно, что после ее ухода он не заглядывал ни в сундуки, ни в комнату; он сразу захворал и вскоре скончался. Может быть, Харита писала ему; у нее была своя прислуга, уехавшая вместе с ней; един-

ственно она могла так деловито все упаковать в сундуки; потому что прислуга Моргианы не знала ни что в сундуках, ни даже сколько сундуков; Моргиана взяла ключи немедленно после оглашения завещания и не расставалась с ними. Так или иначе, продавать брошенное Харитой нельзя было совершенно открыто, чтобы путем сплетен и пересудов, после кончины Джесси, не создалось какое-нибудь особое мнение.

На этом Моргиана успокоилась и, чтобы сократить путь, повернула на тропу, пересекавшую часть леса. Вскоре она услышала женские голоса. Листья мешали видеть; слышались голоса, очень уверенные, с безмятежным и ленивым оттенком, – голоса девушек, спорящих, зовущих и восклицающих более по потребности издавать звуки, чем в силу других причин. Моргиана остановилась с неприятным чувством; она не хотела возвращаться, но не была уверена, что, следуя этой тропой, минует веселую компанию; свернуть в сторону также не представлялось возможным, потому что она рисковала разодрать в чаще свой летний костюм. К женщинам, смеявшимся неподалеку от нее, она чувствовала презрение и гадливость, какую, может быть, испытывает кабан при виде козы. Рассеянно пройдя еще немного вперед, Моргиана вдруг заметила девушек. Поворачивать было поздно, так как они тоже ее увидели.

В нескольких шагах от Моргианы пролегла между двух огромных камней длинная щель, по которой шла тропа, и здесь, в тени камней, расположились отдохнуть девять деву-

шек из поселка, лежавшего неподалеку от «Зеленой флейты». Они шли купаться и удить рыбу. Моргиана увидела коллекцию босых ног, которые мгновенно подобрались с тропы и упрятались в юбки, едва показалась она, мельком осмотревшая всех и мстительно занывшая при виде этих черно-волосых и белокурых созданий с бессмысленными от жары, свежими, загоревшими лицами, сидящих и возлежащих с беспечным изяществом молодости. Между тем, видя, что она не решается проходить, девушки, вдруг умолкнув, вскочили и стали по сторонам щели; крепко сжав губы, чтобы не расхохотаться, исподтишка толкая друг друга, стояли они так, смотря прямо перед собой с неудержимой искрой в глазах.

Шалея от злобы, Моргиана прошла сквозь этот цветущий строй и ускорила шаг, чтобы скорее скрыться за поворотом. Едва она миновала камни, как сзади нее раздался взрыв хохота, разлетевшийся по лесу. Моргиана остановилась; ее сердце стукнуло больно и тяжело; она медленно вздохнула и произнесла: «Хорошо».

«Хорошо, – повторила она, когда туман гнева рассеялся, но таким тоном, от которого задумался бы даже человек с крепкими нервами. – Во всяком случае одной из вас, стройных, веселых, уже нет. Она есть пока, но все равно что ее более нет. Посмотрим, не выйдет ли еще что-нибудь и где-нибудь с подобными вам. Не важно, что это будете не вы сами; будут такие же. Вам хорошо и весело, не веселее ли бу-

дет мне?»

Обезумев от жестокости, она стала придумывать пытки, засады, казни и издевательства и применила их к тысячам. Теперь она могла убить без содроганий – толпу, целые города девушек. Дьявольские мечты овладели ею, и видения, одно страшнее другого, сменялись в ее ужасных фантазиях. Однако этот взрыв ярости постепенно улегся; тогда Моргиана увидела, что мстительное беспамятство завело ее далеко в лес. Заметив извивающуюся прогалину, которая была удобна для ходьбы, как тропа, Моргиана пошла по ней и скоро увидела воду. Это был небольшой залив, отделенный от главной озерной площади выступающими в воду скалами. На том берегу слышались плеск и смех, но из-за скал не было ничего видно. Вдруг, подойдя ближе, Моргиана увидела тонкую, высокую девушку, стоявшую по колена в воде, в тени отвесной скалы. Девушка была нагая; она, стоя спиной к Моргиане, закручивала свои черные волосы, собираясь обвить их вокруг головы.

При виде этой беззащитной фигуры Моргиана отошла за скалу и осмотрелась. Ее тянуло ударить хорошенького врага. Став невменяемой, Моргиана взяла из камышей острый камень и вскарабкалась по отлогой стороне скалы, где, среди впадин и глыб, нельзя было заметить ее с другого берега; она подползла к краю, взглянув вниз. Девушка уже укрепила волосы, а теперь стягивала вокруг головы синий платок. Будь Моргиана пумой, она могла бы скакнуть на плечи

купальщицы. Она отдышалась, потрясла камнем и метнула его в голову девушки, сама тотчас припав к скале. Раздался отчаянный крик, потом громкий плач испуга и боли. Камень попал не в голову, а по спине, едва ниже шеи. Девушка бросилась плыть, призывая на помощь, а Моргиана спустилась со скалы и, задыхаясь, побежала в лес, стараясь уйти как можно дальше от озера. Ей казалось, что за ней гонятся. Звук собственных шагов она принимала за преследование. Однако никто не гнался, и, дико улыбаясь, она остановилась у большого дерева, выглядывая из-за ствола. Злоба ее прошла; она была довольна и рассмеялась. «Все-таки я попала лучше, чем ты», – сказала Моргиана; к ней вернулось спокойствие; она сделала крюк и пришла домой почти одновременно с автомобилем, который только что вкатил во двор. Шофер передал ей пакет; Моргиана отдала его Нетти, чтобы она снесла в комнату, и спросила:

– Моя сестра не поручила вам передать что-нибудь?

– Я не видел барышню, – сказал шофер, – там говорят, что ей нездоровится и что она распорядилась отложить работы в доме.

– Если она не пишет, то нет, по-видимому, ничего серьезного, – заметила Моргиана. – Однако надо будет заехать, если известие подтвердится ее запиской. Как раз третьего дня она промочила ноги.

Зная теперь наверное, что яд подействовал, как нужно, она испытала великое облегчение. Настроенная спокойно и

деловито, Моргиана провела день в хлопотах; приказала переменить занавески в гостиной; кое-где переставить мебель; сама проверила столовое и постельное белье, серебро; заглянула в кладовую, где, без особой нужды, под личным наблюдением ее, все ящики, банки и мешки были вытащены, осмотрены пол и стены и забиты наглухо мышинные щели. Окончив одно, Моргиана придумывала новое дело; если же не могла придумать так скоро, чтобы от одного занятия немедленно перейти к другому, ей становилось беспокойно, как от потери. Не видя, наконец, более, над чем присмотреть самой, она нашла неисправности в плите и приказала ее чинить; велела выбелить сарай, протереть стекла балконной двери, перенести картины с одной стены на другую и повесить их выше. Не чувствуя утомления, она сновала по дому, говоря быстро и раздражительно, не слушая возражений, спрашивая о множестве вещей сразу, уличая прислугу в противоречии и ошибках.

Когда пришло время обеда, Моргиана села за стол и, не отпуская Нетти, расспрашивала ее о разных хозяйственных мелочах. После обеда она хотела пойти с садовником в сад, чтобы посоветоваться, какие цветы выбрать и перенести на балкон, но тут вдруг подгонявшее ее движение прекратилось в ней: все теперь показалось ей тяжелым и скучным. Уже смерклось; Моргиана ушла из освещенных комнат в полутемную спальню, уселась в кресло и отдалась мыслям о погибающей Джесси. Как ни обманывала она себя весь день, она

думала только об этом – сознательно или бессознательно. Ее расстройство усиливалось; чем безопаснее выставлял ей ум ее преступление, тем сильнее мучила ее мнительность; как она ни боролась с ней, доказывая себе отсутствие улики, – ей представлялось, что город полон слухов и подозрений. Быть может, шофер слышал уже от прислуги такие вещи, которым не смеет верить. Если так, то в «Зеленую флейту» тоже потянуло ветром догадок; эти пересуды будут ползти из дома в дом, от намека к намеку, и чем фантастичнее будут они, тем ближе подойдут к истине. Сама медицина – так ли уж она бессильна установить отравление, хотя бы даже и таким ядом, действие которого развивается постепенно? Кроме того, Джесси видела, что Моргиана стояла у подноса. На какие мысли может набрести девушка, захворав болезнью неясной и сложной?

На нее напал страх, и она не могла более овладеть собой. Случай на озере резко восстал в ее мрачной памяти, представившись теперь событием более опасным, чем донос. Если подруги пострадавшей заметили издали хотя бы край синего рукава, мелькнувший из-за скалы, они объяснили бы ранение девушки единственно припадком бешенства у Моргианы, которую проводили тогда взрывом беспечного хохота. Возможно, что кто-нибудь видел даже всю эту сцену со стороны; ни в лесу, ни в четырех стенах нельзя быть совершенно спокойным, что нет свидетелей. Довольно Моргиане быть уличенной по делу купальщицы, как размышление приведет

к постели ее сестры. Зная о себе все, она боялась, что то же самое знают о ней другие, и, чтобы отогнать страшные мысли, позвонила, приказав Нетти принести лампу. Как только горничная внесла лампу, неувловимое движение в лице Нетти настроило ее подозрительно.

– Что значит, что вы так посмотрели на меня? – сказала она строго.

– О, господи! – ответила Нетти, – простите меня, барышня, но только как я внесла свет, я увидела, что вы очень бледны, и подумала, что вы, может быть, нездоровы.

– Ну, нет, я здорова, – возразила Моргиана с досадой, – а моя бледность объясняется тем, что мне послышался стук под окном, и я испугалась. Бывают ли в этих местностях кражи и нападения?

– Случались раньше, но долго не было ничего слышно такого, – до сегодня.

– Вот это неприятно! Где же и кого ограбили?

– Ограбления не было, барышня, но вот что произошло с одной девушкой из Манкарна, – знаете, деревня, которая ближе туда, к мысу? В Манкарне мы покупаем яйца, овощи и молочное. Девушку зовут Тилли Бальмет. Ее подруга, Дженни Мотэй, приходила ко мне недавно вернуть платье, которое я ей одолжила для танцев. Ну, так вот, Тилли купалась и отошла от подруг, и неизвестно кто бросил в нее сзади камнем, да так удачно, что рассек кожу и повредил шейный позвонок; доктор говорил, что ей, возможно, теперь будет труд-

но поворачивать голову.

– Какой ужас! – воскликнула Моргиана. – Кто же этот изверг, изувечивший девушку?

– Ничего неизвестно, барышня. Девицы никого не видели на берегу.

– Низкое злодеяние, – повторила Моргиана. – Злодеяние гнусное и бесцельное, не так ли? Мне страшно жаль Тилли Бальмет. Вероятно, ей тяжело, особенно, если она красива.

– Красива?! О, что вы! Конечно, она не урод, но Дженни гораздо красивее ее. Они говорят, что видели вас, когда вы проходили той же тропой; так вот, если вы заметили, – та, которая повыше других, черная, в голубом платье, – это она и была, Тилли.

– Ну, разумеется, я не обратила внимания. Подайте мне ридикуль. Он лежит на столе.

Когда Нетти принесла ридикуль, Моргиана раскрыла его и вынула десять золотых монет.

– Передайте эти деньги Тилли Бальмет, – сказала Моргиана оторопевшей Нетти, – пусть несчастная утешит себя какой-нибудь нехитрой покупкой. Надеюсь, она не захочет получить новый удар в спину ради вторых десяти гиней, но если бы это случилось, я, конечно, дам ей с радостью, что могу.

– Бог благословит вас за доброту! – ответила женщина, принимая деньги. – Вот уж будет она рада!

– Может быть, а потому идите и сделайте, как вам сказано.

Нетти ушла, а Моргиана, довольная своей хитростью, по-

думала: «Если эти дуры начали фантазировать на мой счет, то десять гиней никак им не согласовать с камнем в спину. Наверное, теперь они будут сокрушаться, что обошлись дерзко с доброй старой девой, щедрой и жалостливой».

Между тем никто не подозревал ее. После чая Моргiana пересчитала остальные вещи Хариты Мальком, переписала их и решила утром отправиться в город, чтобы переговорить с ювелирами.

Эту ночь она проспала спокойно, но встала разбитая и мрачная, как после тяжелого путешествия. В то время как она собиралась и одевалась, к ней по утренней веселой дороге двигалась опасная гостья.

Глава XIV

Доктор Сурдрег очень внимательно осмотрел Джесси, но, при всей добросовестности исследования, не мог определенно назвать какую-нибудь болезнь. Он не был обескуражен, так как немало тяжелых страданий, вполне ясных впоследствии, начали свою разрушительную работу среди разноречивых симптомов; увереннее всего он думал о малярии, скрытые формы которой очень разнообразны. Сурдрег запретил шум, утомление, назначил диету и прописал хину. Джесси жаловалась на слабость и жажду; Сурдрег посоветовал пить холодный кофе маленькими глотками. Ремонт прекратился; в доме наступила необыкновенная тишина; явилась сиделка, и Ева Страттон почти безотлучно находилась в доме, следя, чтобы своенравная девушка не повредила себе чем-нибудь таким, что запретил Сурдрег.

Между тем Ева перерыла все медицинские книги, какие могла достать, но принуждена была оставить это занятие, так как по книгам выходило, что у Джесси одновременно – рак, туберкулез костей, гнилокровие и бледная немочь. Джесси навещали знакомые, и мгновенно ее болезнь стала предметом разговоров в гостиных. Девушка не подозревала, что причиной этой болезни сплетники считают неудачный «роман». А у нее не было никаких романов.

Так прошло трое суток, в течение которых Джесси иногда

была нормально оживлена, после чего слабость неизменно усиливалась; наконец, утром четвертого дня она посоветовалась с Евой – не пора ли известить Моргьяну?

– Как хочешь, – сказала Ева. – Разумеется известить, если находишь необходимым.

– Да, я напишу ей, – сказала Джесси, подумав. – Я нахожу это необходимым. До сих пор у меня была надежда, что я чего-то объелась и все кончится само собой, а вот – мне хуже, и доктор Сурдрег больше не улыбается, с сомнением выслушивая меня. Если я расхворалась серьезно, Моргьяна обидится, что ей не дали знать.

Джесси лежала в угловой нижней комнате с малиновыми обоями. Отсюда через очень большие окна она могла смотреть в сад. У ее кровати был стол, на котором, среди цветов, книг, лекарств и письменных принадлежностей, только она могла найти, что ей нужно.

Написав записку, Джесси отправила ее со своим шофером в «Зеленую флейту», извещая сестру, что захворала, но просит не беспокоиться.

После этого Джесси почувствовала усталость и откинулась на подушки, закрыв глаза. Когда она снова открыла их, ее лицо было так серьезно, так полно недоумения и досады, что Ева спросила, не чувствует ли она болей.

– Нет, Ева, болей у меня нет, – вздохнула Джесси, – но, откровенно сказать, мне, правда, нехорошо. Этого не расскажешь. Теперь легче. Во мне какое-то неназываемое мучение

и тревога.

– Скажи, хочешь ли ты чего-нибудь?

– Ничего я не хочу. Все – все равно. Жизнь пахнет резиной. Она приняла хину и запила ее горький вкус глотком холодного кофе.

– Будь добра, – сказала Джесси, подбирая колени и устраниваясь на подушках выше, причем рукава ее капота опустились, выказывая уже заметную худобу рук, – будь добра, дай мне какие-нибудь журналы.

– Если хочешь, я буду тебе читать. Ева взяла с канапе пачку номеров иллюстрированного «Дом и жизнь», переложив их на край стола около Джесси.

– Я хочу рассматривать картинки, – сказала Джесси, – это не обременительно голове.

– Неужели ты можешь?

– Да. Я могу. Я люблю перелистывать.

Она занялась рассматриванием иллюстраций, а Ева поднялась уходить, потому что условилась со своим отцом съездить на выставку новых изобретений. Когда она прощалась, вошла сиделка и сообщила, что по телефону спрашивает Детрей: может ли он заехать.

– Ах, Детрей, – сказала Ева, – я скажу ему сама, что ты велишь, Джесси?

– Тогда скажи, пожалуйста, что я его жду к вечеру, когда будет не так жарко; вечером мне немного легче.

– Отлично. Конечно, его визит будет не долог, так что ты

не устанешь.

– Почему ты так жестока к этому человеку?

– Инородное тело, Джесси. Всякий офицер напоминает мне точку, поставленную самодовольной рукой.

– А ты напоминаешь мне запятую, со своими...

– Мерси. Но шляпу может найти любой прохожий.

– ... со своими глупостями, – договорила Джесси. – А также помни, что доктор запретил меня волновать.

– С этого бы ты и начала.

Ева повернулась идти, но Джесси поманила ее к себе и, быстро обняв, поцеловала в нос.

– Не сердись, Ева. Я виновата.

– На тебя, конечно, трудно сердиться; однако он ждет. Прощай и лежи спокойно. Я приеду не раньше трех; между тремя и четырьмя. Затем Ева прошла к телефону и сказала:

– Здравствуйте, Детрей. Что хорошего? У телефона Ева Страттон. Детрей очнулся от размышлений и ответил, что ничего нет ни хорошего, ни плохого, а затем осведомился о состоянии здоровья Джермены Тренган.

– С Джесси странное, и ей довольно плохо. Вы можете захватить; ей передано, и она будет рада вас видеть. От четырех до пяти; но я предупреждаю, что ей нельзя утомляться и есть конфеты.

– Я буду послушен. – Детрей кратко объяснил, что узнал о болезни девушки от Готорна, отца Евы, и прибавил: – Я заходил к вам час назад. Что же с вашей подругой?

– С Джесси? Я думаю, на днях выяснится. Пожалуй, не заразительное.

Детрей попрощался и отошел. Весьма довольная сухим тоном разговора, которым наказала Детрея за вспышку Джесси, Ева села в трамвай и отправилась на выставку, где ее ожидал Готорн. По специальному предрассудку, Ева редко пользовалась своими лошадьми и автомобилем.

Между тем, узнав, что девушка, пленившая его, заболела, Детрей вышел из кафе с беспокойством, сразу усилившим его внимание к Джесси, о которой он думал все эти дни то с беззаботным удовольствием, то с рассеянностью, помогавшей воображению видеть ее везде, где она не могла быть. Теперь она не выходила из его мыслей, причиняя ему ту, всем знакомую боль, с которой никто не согласится расстаться и которая, иногда без всякого основания, обещает так много, что к ней прислушиваются, как к оракулу. Было еще только одиннадцать часов. Чтобы убить время, Детрей завел свою лошадь в манеж, а сам отправился играть на бильярде в одну бильiardную, где довольно часто бывал.

Эта игра, требующая исключительного внимания, изобретательности и точности удара, была его любимой игрой; ничто иное не могло так отвлечь его от болезненного ожидания четырех часов, как предстоящее упражнение. Итак, он нашел лекарство, но, по раннему времени, в обширной бильiardной не было еще никого, кроме служащих и одного человека, довольно невзрачного вида, который играл сам с со-

бой и как будто тоже хотел найти партнера, так как взглянул на Детрея с надеждой. Не колеблясь, Детрей спросил:

– Хотите играть со мной?

Одинокий игрок мельком взглянул на слугу, тотчас опустившего ресницы. Детрей не заметил этой сигнализации, означавшей, что предложение исходит от игрока, не представляющего опасности. Он натер кий мелом и сильным ударом битка раскатил плотный треугольник шаров по темно-зеленому сукну. В это время он думал: «Ева сказала, что Джесси осенью, может быть, выйдет замуж, так что я должен сделать усилие над собой».

Между тем партнер Детрея, человек с глупым профилем, сжатыми губами и быстрыми глазами, предложил ставкой два фунта, на что Детрей согласился. Мысль о Джесси, среди других свойств, обладала свойством обесценивать деньги. Но он понял, что игрок силен, и это было ему решительно все равно. Игра началась.

Партнер был вежлив даже в движениях; аккуратен, осмотрителен и нетороплив, в то время как Детрей, ставя себе сложные и трудные задачи, терпел неуспех. В первой и второй партии ему не везло: шары, которыми он хотел играть, останавливались у луз или, обожав борты, становились под удар противника. За это время Детрей пришел к заключению, что тоска о Джесси неизбежна для всякого, кто встретит ее, и поэтому лучше не думать о ней, так как не он один видел ее, а ее выбор сделан.

Заплатив проигрыш, он приступил к третьей партии более разумно, чем прежде: старательно прицеливаясь и избегая рискованных ударов с карамболями. Таким образом ему удалось наиграть сорок очков, в то время как его противник имел лишь тридцать девять. Видя успех Детрея, он развернул свое искусство полностью, и лейтенант убедился, что играет с артистом. Не прошло десяти минут, как у невзрачного человека было уже шестьдесят один, и сорок девять – у Детрея. Осталось два шара: семь и одиннадцать, так что противник начал гнаться за одиннадцатью, сыграв который, окончил бы партию. Одиннадцатый шар стал под углом к левой угловой лузе, биток же – у правого борта, так далеко и неудобно, что положить одиннадцатый шар явилось трудной задачей, а удар принадлежал Детрею.

Детрей нацелился, взмахнул кием и с силой пустил биток. В то краткое мгновение, когда шар подлетал к шару, ему показалось, что он ударил не точно, но одиннадцатый шар метнулся влево и исчез в лузе: биток, стукнув два раза о борты, покатился к шару «семь», который стоял плотно у короткого борта, и, задев его, стал так, что седьмой шар был опять плотно к борту, но у самой лузы, а биток от него – фута на полтора. Никаким дуплетом, ни даже от трех бортов, нельзя было положить седьмой шар; единственно – при уменьи и счастья – мог он упасть в ту же лузу, у которой стоял, но с карамболом. Тут Детрею, ободренному судьбой одиннадцатого шара, пришла мысль обострить игру, и он сказал:

– Остается один этот шар; выиграет партию тот, кто сыграет семерку. Хотите утроить ставку?

Уверенный в превосходстве своей игры, партнер согласился. При обозначенном положении шаров из десяти раз один раз удар бывает удачен. Детрей ударил так сильно, что шары стукнувшись два раза, разошлись, крутятся, как волчки, биток пополз прочь, а семерка, вращаясь по направлению к лузе, остановилась на самом ее краю, и оттого, что шар, хотя слабее, но все еще крутился, он покачнулся и упал в сетку.

– Случайность! – сказал, улыбаясь, Детрей неприятно пораженному противнику.

Таким образом, Детрей отыграл почти все деньги и продолжал играть, придя в своеобразное вдохновение, партию за партией, большей частью выигрывая, к удивлению слуг, которые лишь одни знали, что он играет с лучшим игроком города, Самуэлем Конторго. Они играли одиннадцатую партию. После очередного удара Конторго три двузначных шара встали против луз, соблазняя сыграть их все один за другим и, таким образом, выиграть. Уже Детрей старательно натирал мелом свой кий, собираясь приступить к охоте на эти шары, как стенные часы отвесили четыре коротких звона. По внезапной тоске, вызванной этим вечным напоминанием, Детрей понял, что игры более быть не может. Изумив Конторго, он положил кий на бильярд, вынул три золотых и протянул противнику.

– Вы выиграли, – сказал он, – так как я должен спешить.

Конторго понял, что значит отказ игрока выиграть партию только потому, что пробили часы, и не взял денег.

– Я понимаю, – сказал он, с досадой вертя шары рукой, – что только чрезвычайно важные причины заставляют вас пренебречь выгодной партией. Я сочувствую вам и не могу воспользоваться вашим затруднительным положением.

Подумав, что Конторго, вероятно, умеет читать в мыслях, Детрей кинулся к умывальнику, быстро прополоскал руки и отправился в дом Тренган, где были уже Моргиана, Ева и ее отец, Вальтер Готорн.

Глава XV

Итак, Моргиана собиралась ехать, не подозревая, что ее ожидает значительное событие. Когда хотела она отдать уже приказание готовить автомобиль, вошла к ней Нетти.

– Барышня, – сказала горничная, – к вам приехали. Там ждет одна женщина, которая сказала, что ее зовут Отилия Гервак.

Услышав имя Гервак, Моргиана отвернулась, чтобы Нетти не заметила, как ее испугало это посещение. Тяжелое предчувствие овладело ею, а вместе с тем – нетерпение узнать как можно скорее, что значит визит женщины, добывшей яд. Желая показать прислуге, что посещению Отилии Гервак она не придает особого значения, Моргиана велела ввести посетительницу, а шоферу – готовить автомобиль.

Из предосторожности она стала ждать Гервак в комнате, уединенной от остальных, раньше бывшей комнатой Тренгана: так как окна гостиной были открыты, она боялась, что их могут подслушать.

Скоро раздался голос Нетти, открывшей дверь, и перед Моргианой появилась высокая женщина лет тридцати, с недурным свежим лицом, хорошо сложенная и спокойная. В клетчатом костюме и коричневой шляпе с белыми бархатными цветами, Отилия Гервак ничем не выделялась бы из тысячи женщин своего типа, не будь ее холодные серые глаза

под резко сдвинутыми бровями так отчетливо неподвижны в выражении застывшей пристальности. В ее руке был маленький саквояж.

Войдя, она деланно улыбнулась, причем ее неприятно резкие для молодой женщины глаза смотрели с глубоким холодным молчанием на смешавшуюся Моргияну.

– Здравствуйте, – сказала Гервак. – У меня есть к вам небольшое дело, не очень приятное, но совершенно неизбежное. Можно сесть?

Ее голос был вульгарен и громок.

– Разумеется, – ответила Моргияна.

Они сели. Отилия Гервак вынула платок, вытерла губы, окинула взглядом собеседницу и заметила ее бледность. Это было ей на руку, а потому, хорошо понимая, что Моргияна взволнованно ждет, Гервак решила не торопиться.

– Итак, это ваш дом? – сказала она, оглядываясь. – Вы живете очень уединенно. Я взяла извозчика и, доехав до какой-то мызы около моста, отпустила его, а сюда добралась пешком. Уж из одного этого вы можете видеть, с какой осторожной особой имеете дело. Не волнуйтесь, ничего страшного нет. Ах, вы!

Так воскликнув, как будто шутя журила хозяйку, она схватила Моргияну за руки, сжала их и оттолкнула развязным жестом бесцеремонной натуры.

– Ах вы, монахиня! – повторила Гервак, беззастенчиво изучая ее лицо, начавшее дрожать от злобы. – Так слушай-

те, – продолжала она, переходя в одержанный тон, – я здесь затем, чтобы *узнать*, – а что узнать, вы понимаете сами.

– Еще не было случая, – сказала Моргиана.

– Да?! Но вы *получили!*

– Конечно.

– Прекрасно. – Гервак посмотрела на нее с тонким сообщением. – Следовательно, вы ждете подходящих обстоятельств или... как?

– Я жду... – начала Моргиана, но не кончила и решила прекратить выпытывание. – Надеюсь, вы не будете добровольно затягивать вашу роль в этом деле, о котором лучше молчать.

– Не увертывайтесь, – спокойно возразила Гервак. – Во всяком таком деле я довольно осведомлена. Я предупредила вас, что разговор будет не из приятных. У вас есть сестра, молодая девушка. Она нездорова третий день; ее лечит доктор Сурдрег, который вчера вечером признался одному человеку, что находит болезнь вашей сестры странной.

– Хорошо, – сказала Моргиана, начавшая по непреклонному тону посетительницы догадываться о цели ее приезда, – я вижу, у вас имеются способы узнавать судьбу жертв вашего искусства; хотя вы меня удивляете, так как болезнь Джесси – обыкновенное затянувшееся недомогание, но позвольте спросить вас: предположим, что ее болезнь – действие яда. Как тогда понять вашу настойчивость? Как недовольство результатом или... раскаяние?

– Я вам объясню, – сказала Гервак тихо и вразумительно. – Мы нашли, что услуга, оказанная вам, стоит значительно дороже суммы, которую вы уплатили. Фабрикация яда, очень сложная, связанная с многочисленными опытами, требует значительных расходов; случился перерыв, чтобы наверстать время, нам пришлось купить вашу дозу от одного человека за очень большие деньги. Так как вы богаты, – во всяком случае, деньги сестры перейдут к вам, – мы уверены, что недоразумение будет улажено.

– Я вынуждена вам верить, – ответила Моргиана довольно спокойно, – все же я дам настоящее имя такому наглому требованию. Оно называется *шантаж*.

Гервак рассмеялась.

– О, нет! Всего лишь расчет на ваше благоразумие. Отбросьте сильные выражения и сообразите, с каким чувством ваша сестра может прочесть письмо, говорящее о роде ее болезни.

– Довод убедительный, но он имеет обратную сторону, так как и я не буду молчать о тех руках, которые продали мне флакон.

– Ну, вы еще совсем ребенок. У меня есть свидетели, что флакон был похищен вами из шкапа с токсинами, после того как мой муж показал вам этот яд и рассказал о его свойстве. Прислуга застала вас сходящей со стула у шкапа, а вы объяснили ей свою странную резвость желанием хорошенько рассмотреть живопись на стекле.

– Так, – сказала Моргiana в раздумьи, – и здесь я должна вам верить, потому что хорошо помню разрисованное стекло шкапа.

На стекле изображена китайская цапля среди водяных листвьев и камыша.

– Не ломайтесь, – презрительно сказала Гервак. – Вы не в таком положении, чтобы посмеиваться.

– Но я «совсем ребенок», как вы сказали. Что же мне делать, серьезно говоря? Я попытаюсь убедить вас, что вымогательство пока не имеет оружия, так как яд предназначен не для моей сестры; она ведь моя сестра. Но я дам деньги вам добровольно. Я дам вам их из чувства отвращения к вашим действиям. Сегодня я не могу этого сделать. Послезавтра я буду в банке и возьму там крупную сумму для ремонта нашего городского дома. А затем отправлюсь к вашему мужу и передам деньги ему.

– Нет, не ему, – возразила Отилия Гервак, – мой муж не знает об этом деле и знать не должен. Деньги должна получить я.

– Вы грабите меня тайно от своего мужа, но как тогда понимать историю с разрисованным стеклом, если я не поддамся?

– Между собой мы уладим и не такие вопросы. Кроме того, я требую, чтобы Гервак не знал о моем посещении вашего дома. Вы имеете дело только со мной.

– Как хотите, – сказала Моргiana. – Для меня единствен-

но важны ваши угрозы, хотя бы вы скрывали их от всех ваших родственников.

– Ну, хорошо, мы это выясним. Теперь скажите, о какой крупной сумме идет речь.

– Вы получите двадцать пять фунтов, – произнесла Моргиана с хорошо разыгранной наивностью, – чем, надеюсь, я предупредила ваши расчеты и ожидания.

Гервак внимательно посмотрела на нее, слегка улыбнулась и побледнела.

– Продолжайте, – сказала Гервак, смеясь, – двадцать пять фунтов мне, пожалуй, сразу не унести. Скажите-ка лучше так: «Ко мне пришла дура. На, дура, возьми десять фунтов и дай мне пять сдачи».

– Говорите тише, – холодно заметила Моргиана, – и выражайтесь понятнее. Что вас ужалило?

– Неужели же вы, пакостная, безумная пародия, не понимаете, что такое двадцать пять фунтов? – закричала Гервак, теряя самообладание. – Это цена вашего билета в тюрьму!

Моргиана встала и подала Гервак ее саквояж, лежавший на столе.

– Вон! – сказала она, указывая на дверь.

– Вы смеете! Вы смеете! – прошипела Гервак, отходя к двери. – Тогда ругай себя, сколько хочешь!

Дав ей переступить порог, Моргиана сказала:

– Ну, будет. Вернитесь. Разговор не из легких.

Думая, что она испугалась, Гервак снова вошла в комнату,

говоря:

– Если такая вещь повторится, меня вам не удастся вернуть еще раз.

– Яд предназначался не для сестры, – сказала Моргиана, сумрачно подходя к стоявшей у двери Гервак. – Кроме того, я еще не применяла его. Поймите, что это так, действительно так, и тогда сами назовите сумму.

Ее слова прозвучали настолько естественно, что Гервак слегка усомнилась, точно ли Джесси Тренган отравлена; однако ничем не выдала своего сомнения.

– Ложь, – твердо сказала она. – Этим вы ничего не выторгуете. Вы можете отрицать, доказывать, но я оставляю это дело только при условии, что мне будет вручено наличными пять тысяч фунтов.

Сказав так, она села и стала стучать пальцами по столу. Растерянное лицо Моргианы было для нее доказательством, что размер суммы подтверждает угрозу.

– Да? Хорошо. – Моргиана поднялась, затем снова машинально уселась. – Извините, я плохо соображаю, что говорю. Очень дурно, – хотела я сказать. Я повторяю, что денег сегодня у меня нет; вряд ли они будут и завтра. Но они будут. Расходование мной денег связано с отчетностью. Это – одна из причин, почему я прошу вас значительно сократить цифру.

– Я ничего не могу сделать, так как сама в крупных долгах, – ответила ей Гервак, считая такой ответ естественной

вежливостью при ссылке Моргианы на обстоятельства. – Пока что единственно вы можете выручить меня. Моя дочь учится в дорогом пансионе; мы сделали долги по заброшенному имению, которое теперь никто не хочет купить, и я еще должна высылать месячное содержание трем моим родственникам. Так что мне гораздо хуже, чем вам.

– Но я ничего не решила, – сказала Моргиана, – именно потому, что я не знаю... Хотите ли вы посмотреть несколько вещей? Я, к счастью, вспомнила об этих... об этом... Я принесу их.

– О чем вы говорите?

– Потерпите десять минут. Очень может быть, что мы немедленно сговоримся.

Она поднялась, и Гервак движением руки остановила ее.

– Хотите улизнуть? Или оттянуть?

– Нет, ускорить. Ждите меня здесь.

Оставив Гервак чувствовать себя рыбачкой, которая не торопится тащить лесу с утопленным поплавком, Моргиана прошла в спальню и выбрала из вещей Хариты Мальком несколько драгоценностей; между ними алмазную диадему и бусы из брошантэта, стоимостью в две тысячи фунтов. Положив эти вещи в небольшой бронзовый ящик, Моргиана вернулась с довольным видом и поставила ящик перед Гервак, говоря:

– Откройте, посмотрите, не фальшивые ли камни в изделиях; если они настоящие, я охотно отдам их вам вместо де-

нег, предварительно оценив.

Гервак, быстро взглянула на нее, подняла крышку шка- тулки. Камни засветились. Там, среди темно-зеленых бро- шантэтов, сияли крупные бриллианты, рубины и жемчуг. Гервак опрокинула ящик и высыпала все вещи на стол. Слег- ка потрогав их, она тщательно осмотрела отдельно каждую вещь, покачала на растопыренных пальцах бусы, прищури- лась на диадему и, сложив все обратно, закрыла крышку.

– Кажется, это настоящие камни, – сказала она, замкнуто смотря на терпеливо ожидавшую Моргиану, – некоторые из них дороги и очень хороши.

– Тогда я спокойна. Я принесла часть; значительно больше лежит у меня наверху. Все это носила одна актриса, на кото- рую разорвался Тренган; наконец, он выгнал ее, и после его смерти, вместе с домом, мне достались драгоценности этой авантюристки. Разумеется, ни я, ни моя сестра не станем их носить. Я думаю, что здесь будет тысяч на десять, не так ли?

– Нет, не так. Почти все камни второго сорта; что касает- ся черно-зеленых бус, то они – простое стекло. Все осталь- ное так не модно, что считать его в триста фунтов соглашусь только я; ювелиры дадут двести или двести пятьдесят – са- мое большее. Вы говорите, что есть еще?

– Да, и так много, что мы наберем все же тысячи на четы- ре. Однако я дам вам только то, что здесь на столе. Флакон не тронут, яд цел, и вы можете убедиться в том, когда хотите.

– Что же, вы думаете отделаться тремястами фунтов?

– Хотите, я покажу флакон?

– Покажите, голубушка; я тогда покажу вам в этом флаконе чистую воду, которую вы туда налили.

– Для этого надо было бы распечатать посылку.

– Как – посылку? Что вы этим хотите сказать?

– Я не вскрывала ее, – сказала Моргиана, печально и насмешливо улыбаясь.

– По-видимому, я – нервно-больная. Когда я получила этот пакет, мне стало казаться, что о нем известно везде. Когда я хотела разрезать упаковку, я едва не лишилась чувств от волнения, так как боялась, что, взяв в руки флакон, отравлюсь от одного прикосновения к стеклу. Я ничем не могла победить гнетущий страх и дошла до того, что вздрагивала при всяком неожиданном шуме; везде мне мерещилось преследование. Я прятала пакет из одного места в другое; вставала ночью, чтобы убедиться, – не выкраден ли он во время моего сна, и так устала от мнительности, развившейся в манию преследования, что закопала яд в лесу, недалеко от дома. Вы можете увидеть посылку и убедиться, что не тронуты даже печати.

Моргиана хорошо притворилась, и Отилия Гервак ей поверила. Она слышала слова растерянной, полубезумной женщины, у которой дрожали руки. Жестокая досада на неудачу охватила Гервак, и она готова была уже, переменив тон, согласиться взять предложенные ей драгоценности, как Моргиана, ожидая, чем разрешится молчание, взяла ящичек и

приоткрыла его, по-видимому, без всякой нужды, потом тихо опустила крышку. В этом ее движении было *ненужное*, – то, что выдает следователю искуснейших симулянтов.

– Хорошо, – твердо сказала Гервак, решив узнать истину до конца, – дело не в ваших нервах. Принесите посылку, и я вскрою ее сама.

Моргиана как будто смутилась.

– Но я не могу, – уклончиво возразила Моргиана, – я напугана. Мне не отделаться от мысли, что за мной подсматривают.

– Хорошо, – объявила Гервак, сомнения которой стали сильнее. – В таком случае проведите меня к месту, где спрятана посылка, и я ее посмотрю.

– Ради чего? Довольно, что я вам сказала об этом.

– Ну, в таком случае, я верить вам не могу. Вы играете не плохо, но я тоже хитра. Значит... мы кончили?

Гервак встала, смотря на ящик с камнями, и хотела уже спросить, передает ли Моргиана ей эти драгоценности в счет уплаты, как та протянула руку к звонку. Холодно приподняв брови, Гервак уселась на прежнее место и стала рассматривать ногти, следя уголком глаза за вошедшей Нетти.

– Передайте шоферу, чтобы он подождал, – сказала Моргиана прислуге, – мы отправимся на прогулку, и уже после того я поеду в город.

«Ну, доиграем, – подумала Гервак. – В лесу она будет уверять, что пакет кто-то украл. На этом я положу конец наглой

торговле и отправлюсь домой».

Предложив Гервак выйти с нею вместе и объявив, что идти недалеко, Моргиана прошла через ворота, причем женщин видели: стоявший у машины шофер, Гобсон и его восьмилетний сын. На узкой зеленой тропинке, ведущей к тому месту, где Моргиана раздробила флакон, Гервак, слегка обескураженная уверенностью, с какой ее вела Моргиана, спросила:

– Если вы едете в город, не могу ли я ехать с вами, а затем выйти у Песчаного Круга (так называлось предместье Лисса), чтобы там сесть в трамвай? В противном случае я должна идти полчаса пешком, чтобы разыскать лошадь где-нибудь в Брикете или Нантерре.

– Да, вы поедете со мной, если хотите, – ответила Моргиана. – Итак, вы уверены, что я лгу.

– Я уверена, что вы забыли то место, где спрятан наш спор.

– Ничего, идти осталось недалеко. Спустимся, внизу останется повернуть налево и пройти десять шагов.

Они шли теперь по границе леса, где среди высоких деревьев виден был отлогий склон, заросший кустарником; он далее переходил в чашу. Тропа вилась неожиданными поворотами, обходя упавший ствол или высокий камень; среди кустарника она стала едва заметной. Зайдя в чашу, где прохладная тень скрыла ее от жаркого утреннего солнца, Моргиана оглянулась на Гервак, которая, не сводя с нее серых, железных глаз, пробиралась среди ветвей, загораживающих

путь, и указала на плоский треугольный камень, лежавший у старого дерева, на краю трещины, куда сбросила осколки флакона. Противоположный край трещины был ниже первого метра на четыре; за ним шли резкие скачки почвы вниз, до самых береговых скал, откуда при сильном ветре явственно доносились залпы прибоя.

Не обращая теперь внимания на Гервак, Моргиана приложила зонтик к дереву и, зацепив пальцами под низ камня, стала приподнимать его, задышавшись от напряжения. Слегка тронувшись, камень вырвался из ее рук и лег опять плотно.

– Он лежал на боку, – говорила Моргиана, усиливаясь одолеть равнодушное сопротивление тяжести, – я смогла опрокинуть, но поднять... Тогда я подрыла его... Найдите сук. Что-нибудь, чтобы подсунуть.

Гервак пожалла плечами; заметив толстый обломок корня, она подняла его и, по указанию Моргианы, стала просовывать под приподнятый край камня.

Моргиана выпрямилась и схватила ее за шею.

Задышавшись от испуга и боли, Гервак рванулась с криком; но ее ноги поскользнулись, и она упала на камень.

– А, подлая! – закричала Гервак. – Стой,пусти! Пустипусти, тебе говорят.

– Я сов-сем ре-бе-нок, – бормотала Моргиана, стараясь ударить Гервак головой о камень.

Они свалились, хватая друг друга за шею и лицо. Наконец, Моргиана, силы которой возрастали с каждым движением, а

левая рука не отпускала шею жертвы, ухитрилась вцепиться в горло Гервак правой рукой более основательно, чем первый раз. Она прижала ее и стала бить затылком о камень, пока судорожное напряжение опрокинутого лица не стало затуманенным, как во сне.

Гервак снова рванулась, вывернувшись и стала на четвереньки, рядом с Моргианой, которая, стоя на коленях, начала поспешно сталкивать ее в трещину. Ничего не видя, оглушенная, полузадушенная Гервак свалилась на краю, руки и голова ее свесились в пустоту. Моргиана опустилась на локоть и столкнула Гервак бешеными ударами ног, тотчас вскочив, чтобы посмотреть, не уцепилась ли та за камни и корни.

– Совсем ребенок, – сказала Моргиана, держась за сердце, бывшее по ребрам с хрипом и болью. – Яд здесь, я не лгала тебе; я сама стала ядом. Теперь найди извозчика в Брижете или Нантерре.

Сбросив в трещину зонтик и саквояж Отилии Гервак, Моргиана пошла к озеру и посмотрела на себя в воду. Ее лицо было все в красных пятнах; волосы растрепались, платье измялось и выпачкалось о камни. С трудом она привела его в порядок, затем вымыла руки и освежила водой лицо. Она вытирала его платком, бессознательно смотря в воду, и увидела там дикие глаза уродливой женщины. Но залив озера, в раме из дремучих кустов, унизированных алыми цветами, был прекрасен, и отражение в голубом зеркале той скалы, откуда Моргиана бросила вчера камень, было изысканно отчетливо

озарено под водой утренним лесным светом.

– Это красиво, – сказала Моргиана, – я понимаю. Красивое – везде, его много. Но оно равнодушно. Красота, власть твоя велика! Так измени мне лицо! Сделай мои руки нежными и белыми!

Подул ветер, кусты зашумели; ответа и внимания не было. Едва Моргиана встала, как исчезло и ее отражение, и на его месте возникла в воде ничем не омраченная, опрокинутая листва старого клена.

Моргиана возвратилась домой, переоделась и сказала Нетти, что Гервак отправилась пешком к ближайшей деревне, откуда ей надо быть вечером на станции железной дороги. Рассчитывая, что, при всяком положении розысков пропавшей Гервак, ее муж не обратится в полицию ранее, как через два дня, – скорее же не обратится совсем, – Моргиана прилегла отдохнуть. Как ни странно, но расправа с торговкой ядом дала ей запас твердости и самоуверенности. Позавтракав и окончательно обдумав продажу вещей Мальком, Моргиана вышла садиться в автомобиль. Уже шофер открыл дверцу, как у ворот дома остановился автомобиль Джесси и Моргиана получила записку сестры.

Приехавший шофер задержался у гаража с Нетти, а Моргиана, взяв ценности, поехала к Обергейму, крупному ювелиру Лисса, рассчитывая по окончании дел посетить Джесси.

Преступление больше не мучило и не устрашало ее; после сцены с Гервак и камня, брошенного в нагую девушку, ей

было безразлично смотреть на Джесси и говорить с ней; но чувствовала она себя так, словно видела сестру последний раз, – в ярком, щемящем сне.

Глава XVI

Когда Ева ушла, Джесси подумала, что сможет пересилить болезнь, если, пренебрегая слабостью, смело начнет двигаться. Она вздохнула и села; однако ей сразу стало труднее дышать, и чувство изнеможения усилилось. Опустив голову, девушка тихо пожаловалась себе: «Нехорошее происходит со мной. Я забыла, что значит быть здоровой. Как вспомнить здоровье?! О, здоровье, ты лучше всего! Вернись ко мне! Господи, выздорови меня!»

Джесси понурилась и заплакала. Ее моральное чувство болезненно обострилось; она видела себя виноватой во всем: в характере и несчастьях Моргианы, в заносчивости и гордости. Она сидела и каялась; все случаи, когда она была недовольна собой, – обозначались и ныли, как синяки. Единственно женским путем Джесси достигла среди самобичевания – своей легкой, нарядной шляпы, найденной так неожиданно Детреем, и горько сетовала, что приняла находку сухо, даже не расспросив подробно, как он ее нашел. «Но сегодня я расспрошу. Вообще, я была жестока с людьми, – думала Джесси, вытирая глаза, – а это так некрасиво. Ева думает, что Детрей глуп. Но ведь я не должна ни воспитывать его, ни учить; мое дело быть только любезной. Когда я его встречу, я ему скажу одно хорошее, и он будет ко мне привязан. Но, кажется, я еще глупее его... о, Джесси, как можешь ты счи-

тать кого-нибудь глупым с чужих слов?!»

Ее взгляд остановился на графине с водой, почти бесполезном теперь, так как воду было ей разрешено пить только в исключительных случаях. От этого постепенно вспомнилось ей утреннее посещение Моргианы в день отъезда сестры, подробности развивались одна за другой, и была она обеспокоена тем, что представилась ей Моргиана, стоявшая перед подносом как бы в замешательстве, когда Джесси повернулась от телефона. Девушка испугалась мысли, которая, как громом, поразила ее, хотя еще не стала словами. Всей силой ужаса и отвращения к невозможным, диким словам этой мысли, отталкивая их мрачный напор, подобно тому, как затаптывают вспыхнувшую ткань, Джесси закрыла глаза, заткнула уши и со стоном повалилась ничком на кровать, судорожно бормоча первое, что приходило на ум, лишь бы та мысль не повернулась словами. Но все ее усилия напоминали стремление избежать укола, прижимая ладонь к острию иглы. Вся сжавшись, она перевела дух, и в этот момент мысль, которую она пыталась рассеять, произнеслась ясно и точно: «Я отравлена. Моргиана отравила меня».

Джесси охватила голову руками и вздохнула несколько раз, пытаясь глубоким дыханием ослабить сердцебиение. Стыд так угнетал ее, что некоторое время она могла только стонать.

«Боже мой! – сказала она, быстро садясь, – неужели это – я? И это в моей душе?! Пусть от такой подлости разорвется

моя голова!»

Она шептала укоризну себе, убивалась и маялась, но черная мысль, пробившая ее отчаянное сопротивление, делала свое дело: в ней оживали подробности тяжелого утра и, становясь подозрительными, все больше пугали Джесси. Она говорила: «Мне некому признаться в своей гнусности, как только ей; и она должна знать. Я знаю: это фантазия, от болезни и от книг; это не настоящая мысль. Но она показывает...»

Джесси неистово оправдывалась, а в ней, как рыба в воде, стояло загадочное поведение Моргианы, и она со страхом отказывалась его обсуждать.

«Я не подозревала, что я так извращена, – продолжала Джесси, – бедный мой урод. Мори, я рада, что послала тебе записку и скоро увижу твою истерическую, мятежную мордочку».

В этот момент штора, опущенная с солнечной стороны, шевельнулась; тень вскочившей на карниз кошки подняла хвост, и Джесси спугнула ее, хлопнув ладонями. «Вот так она пришла и ушла, та мысль», – подумала девушка, удивляясь странному припадку сознания, которое возвращалось теперь к обычному взгляду на вещи, в связи с характером Моргианы. Но возбуждение осталось и, двигаясь медленно, внимательно к каждому движению, Джесси накапала в рюмку успокоительных капель. Выпив их, она воспользовалась отсутствием сиделки, которая доканчивала свой завтрак, на-

дела шелковый зеленый халат, завязала ленты чепца, сунула ноги в туфли и отправилась походить по саду; столкнувшись с возвращающейся сиделкой, Джесси, сконфуженная, рассмеялась и остановилась.

Сиделка, женщина лет сорока, с пытливым, красным лицом, поспешила к Джесси, протянув руки, как будто та падала, и отчаянно загородила дорогу.

– Опять вы встали? – сокрушалась сиделка. – Разве вы не понимаете, как этим вы вредите себе? Я очень прошу вас лечь немедленно. К тому же вам сейчас принесут завтрак.

– Бульон и сухарики, – уныло произнесла Джесси.

– Да. Чудный бульон; чудный, горячий, я сама смотрела за ним.

Вернитесь скорей, пока не приехал доктор Сурдрег. Уже двенадцать, и он с минуты на минуту может приехать.

– Что же, бульон? – вздохнула Джесси. – Я съела бы бифштекс и целую курицу. В бульоне нет спасения. Я *умственно* съела бы бифштекс. Пищеводом мне ничего не хочется, ничего!

– Так ложитесь тогда; вы окрепнете, и вам захочется кушать.

– Нет, не захочется.

– Кто же знает больше, вы или доктор? А он велел вам лежать.

– Надеюсь, он не узнает, что я была в саду пять минут? – вкрадчиво улыбаясь, сказала Джесси и шмыгнула в сторону,

мимо осторожно ловящих ее рук сиделки. – Не волнуйте меня; вы знаете, что мне вредно волнение. Идите, я очень скоро вернусь.

– Зачем же было тогда меня приглашать? – жалобно воскликнула женщина. – Но я скажу доктору! Я не могу равнодушно видеть, как вы себя губите!

Внушительно посмотрев на нее, Джесси запахнула халат и пошла к выходу. Ее сердце билось сильно и весело. Если бы не халат и чепец, она могла бы подумать, что выздоравливает. Но у нее был временный прилив сил – явление, оплачиваемое впоследствии новым упадком.

Влажная жара сада согревала ее лицо. Был полдень; стволы стояли на кругах теней; цвели тюльпановые деревья, померанцевые, каштаны и персики. Улыбаясь цветам и листьям, Джесси ступила в аллею, шедшую вдоль ограды из каменных столбов, перемежающихся узорной чугунной решеткой, и, пройдя к цветнику, присела на мраморную скамью. Над цветами, вызывающими жадность к их красоте, стояли осы. Птицы уже смолкли; лишь соловей, совсем близко от Джесси, но спрятавшись так, что ни глаз, ни слух не могли установить его резиденцию, неторопливо и выразительно говорил приятными звуками, вызывающими внимательную улыбку. Иногда звуки его были подобны вопросу, раздающемуся безмятежно и деликатно; или напоминали увещание, и, хотя никакая птица не отвечала ему, он с такой отчетливостью, мелодически чисто, неторопливо продолжал спраши-

вать, уговаривать и объяснять, что Джесси невольно начала подбирать к его упражнениям соответствующие их интонации слова. Она знала, какие это слова, но не могла их сказать так же, как, чувствуя сущность имени или названия, мы иногда не может сразу навести память на их ускользающие буквы, которыми обозначается душа слова. Джесси не могла сказать слов; тогда она встала и пошла к розам, росшим вдоль всей ограды. За оградой шел ступенчатый переулок. Его противоположная сторона была тоже стеной чужого сада, но не такой, как стена сада Джесси. Та стена была высока, глуха и ограждена наверху двумя линиями колючей проволоки.

Листва роз скрывала Джесси от переулка. Собравшись отломить ветку с тремя цветками кремового оттенка, девушка услышала восклицание и всмотрелась между ветвей.

За решеткой стояла молодая женщина лет двадцати четырех. Тонкий загар ее нежного, раскрасневшегося от зноя лица, сияющие голубые глаза и темные волосы, – влажные на влажном, открытом лбу, под широким полем желтой шляпы, отделанной синей лентой, – снискали в сердце Джесси естественное сочувствие. На неизвестной молодой женщине было белое полотняное платье в талию, с открытыми руками и шеей. Сгибом локтя она прижимала к груди бумажный мешочек с сухарями и держала руку в мешочке, забыв вынуть сухарь. Она смотрела на розы с восторгом; Джесси она не видела.

– На этот раз он купил каких-то особенно вкусных, – сказала женщина сама себе, вынув сухарик и осматривая его. – Приятно спечены. – Ее глаза снова обратились к розам. – Вот какие бывают цветы! Так охота таких цветов!

В этих ее словах было столько жалующегося желания, что Джесси поспешила к ограде и, выйдя на свет, сказала:

– Не откажитесь, пожалуйста, взять те цветы, которые вам нравятся, – как можно больше.

Неизвестная смутилась и рассмеялась, краснея от неожиданности.

– Я... я... я... – залепетала она, прерывая свои слова невольным смехом признательности, – я думала, что вас нет и что вы не подумаете... Признаюсь, вышло неловко... Я это себе сказала... А вас я не видела! Хороши ваши цветы, ах, как они хороши!.. Как на них смотришь, знаете, тут... – она обвела пальцем левую сторону груди, – тут делается так нежно... Разбегаются глаза.

– Тогда зайдите в сад, и мы вместе будем смотреть.

– Нет, благодарю: во-первых, мне надо уже домой, а затем... вы, кажется, нездоровы.

– Я, правда, нездорова! – вскричала Джесси, огорченная тем, что по ее лицу можно сразу заметить болезнь, хотя собеседница имела в виду халат и чепец. – Я действительно прихварываю, но походить с вами недолго могу. Я не знаю, как это так быстро случилось, но вы мне чрезвычайно нравитесь. Зайдите в сад.

– И со мной то же, – сказала женщина. – Отчего это?

– Вы правы; я, должно быть, похожа на облезшую кошку. То есть, что «то же»? Вы тоже больны?

– Вы предлагаете мне цветы, – объяснила женщина с приветливым напряжением лица, стараясь сказать сразу, кратко, все, что думала, – но я говорю так не из-за цветов... Я к вам чувствую то же и тоже сразу... как и вы. Значит, вы... Мне очень вас жаль! Какая у вас болезнь?

– Пока доктор не знает. Я слабею и худею, меня исследовали и ничего не нашли... – Она стала печально срывать лепесток, тронутый червем, и договорила, после небольшого молчания: – Интересная, загадочная больная. Знаете, – сказала Джесси, слабо улыбаясь и вводя выбившиеся волосы под чепчик, – может быть, я ошибаюсь, но, насколько знакома я с зеркалом, кажется мне, что мы с вами сильно похожи, только глаза разные. У вас голубые.

– Это же и так же подумала сейчас я. У вас темные, не черные.

– А как ваше имя?

– Джермена Кронвей. Неужели такое же у вас? Джесси расхохоталась.

– Джермена Тренган, – сказала она, весело сконфузясь.

– Поразительно! – воскликнули обе в один голос. – Надо же, чтобы было именно так!

– Такой случай требует, чтобы вы навестили меня, – сказала Джесси, – и я теперь буду вас ждать.

– Я непременно буду у вас, непременно! – с жаром произнесла «здоровая Джесси», – сегодня я и мой муж должны ехать на Пальмовый остров и там гулять.

– Счастливая! – заметила ей «больная Джесси». – А я... мне велят только лежать.

– Но и вы будете счастливы, когда выздоровеете.

– Да, когда-то еще это будет. Без разговоров забирайте цветы. Нет ли у вас ножика?

– Есть ножницы, маленькие, кривые, – Джесси Кронвей достала их из бисерного мешочка, протянув в вырез решетки – А руки?! Вот моя и ваша рука... Фу! которая же моя?

– Вот это ваша, а это – моя; моя побледнела, а ваша загорела больше.

Передернув плечами, чтобы размять занывшую от ходьбы спину, Джесси отвернула рукава халата и начала срезать розы всех цветов, от бледно-желтого и розового до пурпурного и белого. Она нарезала дамасских, китайских, чайных, нуазет, мускусных, бурбонских, моховых, шотландских и еще разных других, войдя сама в азарт, желая набрать все больше и больше. Вторая Джесси, с покрасневшимся от удовольствия и алчности, блаженным лицом, следила, как морщит брови, теребя колючие стебли, больная бледная девушка, откручивая пальцами, какой-нибудь непосильный для ножниц стебель, и как она, присоединяя к букету новую розу, оглядывается на нее, кивая с улыбкой, означающей, что намерена дать еще много роз. В разгаре занятия ее отыскала сиделка.

Ее возглас: «К вам приехал доктор!» помешал второй Джесси получить целый сад роз. Джесси Тренган передала ей собранные цветы, ножницы и сказала:

– Я рада, что вы пришли. Приходите еще. Прижимая к груди охапку, из которой уже свесились, а затем выпали несколько роз, вторая Джесси ответила:

– Я непременно приду, если не завтра, то скоро. Идите скорее в дом! – и она удалилась первая, а Джесси Тренган, став серьезной, пошла с сиделкой, взглядывавшей на нее крайне неодобрительно.

Сурдрег был согбенный, но бодрый старик, с посмеивающимися серыми глазами и седой бородой; он имел манеру говорить с больными как с детьми, в словах которых надо искать не совсем то, что они говорят. Непослушание Джесси вызвало у него особую докторскую злость, но, посмотрев на виноватое лицо девушки, Сурдрег лишь сказал сиделке:

– Если это повторится, я сообщу о вашей глупости в вашу общину.

– Она не виновата, я виновата, – сказала Джесси, садясь и вздыхая.

– Разрешите знать мне, кто виноват, – сухо ответил Сурдрег; затем, смягчась, он сказал: – Прилягте, – и взял поданный струсившей сиделкой листок, на котором та записывала температуру. Там стояло: 36,3 – вечером и 36,2 – утром. Задумавшись, Сурдрег положил бумажку на стол, вынул часы и начал считать пульс. Он был вял, ровен и нисколько не

учащен. Доктор освободил руку Джесси и спрятал часы.

– Что со мной? – тревожно спросила девушка.

– А вы как думаете? – ответил Сурдрег с улыбкой.

– Я нездорова, но что же это... как назвать такую болезнь.

– Любопытство, – сказал Сурдрег, прикладывая ухо к ее груди со стороны сердца.

– Позволительно ли в таком случае думать, что наука... как бы это смягчить?.. ну, осеклась на вашей покорнейшей слуге.

– Помолчите, – сказал Сурдрег. Он стал мять и выстукивать Джесси: его сильные пальцы спрашивали все ее тело, но не получали ответа. Состояние некоторых органов, – почек и печени в том числе – внушало сомнение, но не настолько, чтобы утвердиться в чем-либо без риска сделать ошибку.

– Видите ли, милая девочка, – сказал Сурдрег, когда Джесси, охая от его твердых пальцев, запахла халатом, – наука еще не сказала последнего слова в отношении вас; она ничего еще не сказала. Решительно ничего серьезного у вас нет (про себя думал он другое), но, чтобы окончательно решить, как вам снова начать прыгать, я должен буду послезавтра – если не произойдет каких-либо руководящих изменений – созвать консилиум. Трудно разъяснимые случаи встречаются чаще, чем думают. Но, что бы там ни было, лежите, лежите и лежите. Завтра я снова навещу вас. Старайтесь меньше пить и принимайте в моменты расслабленности прописанные мной капли.

Он встал.

– Доктор, поклянитесь мне, что я не умираю! – взмолилась Джесси.

– Клянусь Гогом и Магогом! – сказал Сурдрег, глядя ее по голове.

– Кто такие? – осведомилась Джесси басом сквозь слезы и неудержимо расплакалась, сердитая на шутки Сурдрега. – Я пу... пу... пускай я умру, но вы не... не... должны так... Я ведь се... серьезно вас спрашиваю!..

– А я серьезно вам отвечаю: если вы будете меня слушаться, следовать диете и не вставать, то через неделю будете совершенно здоровы.

Джесси посмотрела на него с упреком, но скоро утешилась. Сурдрег уехал, а девушка, выпив свой бульон, задремала.

Ее разбудило появление Моргианы.

Глава XVII

Моргиана посетила ювелира, показав ему часть драгоценностей, и, осторожно ведя разговор, убедилась, что ее оценка вещей Хариты Мальком приблизительно верна, но, продавая торговцу, она должна была примириться с потерей третьей части общей нормальной суммы.

Условясь получить завтра деньги за привезенное, а также доставить много других вещей, Моргиана получила задаток и поехала к Джесси.

Ее мрачная сосредоточенность и решимость смотреть до конца в глаза смертному делу своих рук за время езды от магазина к дому перешли в тяжелое удовольствие, подобное терпеливому ожесточению, с каким человек несет тяжелую кладь, утешенный тем, что задыхается под *своей* ношей. Мгновениями Моргиана была почти счастлива, что у нее нет никаких надежд, что ее привычное отчаяние озарено так ярко и безнадежно. Она подъехала к дому с чувством возвращения из долгого путешествия. Ее сердце начало теперь сильно биться, и она уговаривала себя быть естественной. На приветствия слуг Моргиана ответила несколькими холодными словами, тотчас спросив, как чувствует себя Джесси. Узнав от сиделки, что положение неопределенное, – девушка не выходит, а теперь спит, – Моргиана послала сиделку взглянуть, не проснулась ли Джесси, а сама села в гостиной,

куда, почти немедленно вслед за ней, вошли Вальтер Готорн и Ева Страттон.

Вальтер Готорн был высокий, пожилой человек, сильно-го сложения, с длинной бородой и красивым тонким лицом. Между ним и дочерью было большое сходство. Ева вошла в оживлении, но, увидев Моргиану, притворилась утомленной.

– Я навещаю ее, – сказала Ева. – Вы ее видели?

– Нет, еще не видела. Я едва приехала и жду известий. Она, кажется, спит.

– Быть может... – начал Готорн.

В это время пришла сиделка и сказала, что Джесси проснулась. Все подошли к двери больной. Моргиана, сделав улыбку, стукнула и услышала слабый голос, звавший войти.

Тогда совершенная необходимость лгать и играть стала сразу естественным состоянием Моргианы, она плавно открыла дверь, улыбаясь с порога и юмористически тревожно всматриваясь в осунувшееся лицо девушки.

– Иди, иди. Мори, – сказала Джесси, – я рада, что ты приехала. А вас трудно залучить, только болезнью, – обратилась Джесси к Готорну, который жестом показал, как безумно занят всегда. – Ах, Ева, был доктор; он говорит, что я выздоровею; но он все еще не знает, чем я больна. Моргиана, хорошо у тебя там, в пустыне?

– Да, тихо. Ну, вот ты и допрыгалась. Ты должна была переменить чулок, когда промочила ногу.

– Ты думаешь, от этого?

– Существует тьма легких простуд, – сказал Готорн, – в которых врачи разбираются не так-то легко. Я читал о знаменитом математике, не помню, кто такой, но, решая в уме сложнейшие задачи высшей математики, этот человек ошибался, делая простое сложение.

Моргиана подошла к столику и посмотрела сигнатуру лекарства, потом тронула лоб Джесси и села, сказав:

– У тебя жар?

– Нет ни жара, ни озноба. Неужели ты думаешь, что я мнительна?

– Я ничего не хотела сказать.

– Впрочем, – заявила Джесси, – назавтра Сурдрег обещал мне консилиум. Я не хочу больше говорить об этом. Расскажи, Ева, о выставке!

Моргиана в высшей степени точно наблюдала сама себя. Ей было странно и горько. Ее ненависть стояла между ней и Джесси, невидимая никому, кроме Моргианы, – ее двойник, с дикой и темной улыбкой. Гниение души образовало печальный, но руководящий отсвет, благодаря которому самообладание ей не изменяло и – она знала это – уже не могло изменить.

Ева начала рассказ:

– Много, много всего. Мы не могли всего осмотреть; однако любопытные вещи. Ну, само собой – перпетуум-мобиле, даже два. Это такие потрескивающие и постукивающие

механизмы в стеклянных ящиках; впрочем, нам сказали, что один из них действует всего четыре дня, а второй – восемь. Потом модели аэропланов.

– Хочу летать! – вскричала Джесси.

– Обещаю вам устроить полет, когда вы поправитесь, – засмеялся Готорн. Он начал говорить о полетах; летал Готорн три раза, но относился насмешливо. Ему неожиданно возразила Моргиана.

– Но, время от времени, они падают, – сказала Моргиана, с искусственной горячностью, – возможность падения лишает аэроплан фривольности, которую вы подчеркиваете.

– Я не хочу, чтобы вы меня сочли жестоким, – ответил Готорн, – но, по-моему, смерть такого рода не трагична, а лишь травматична. Это не более, как поломка машины.

– Что с тобой, папа? – возмутилась Ева.

– Должно быть, я – изверг, – рассмеялся Готорн.

– Нет, вы не изверг! – вскричала Джесси. – Вы хотели сказать, что падение, ломание и пылание напоминает опрокинутый примус?

– Думаю, что не больше.

– Ты иногда делаешься невыносимо циничен, – заметила Ева.

– Они падают, – тихо заговорила Моргиана, – по большей части молодые, полные сил, почти мальчики. Разве не прекрасна смерть в двадцать лет?

Никто ей не ответил, потому что это замечание и выраже-

ние, с каким она произнесла его, заставило подумать о Джесси; и Джесси это подумала.

– Если я умру, то смерть моя, значит, будет прекрасна, – сказала она, расстроясь от своих слов. – Нет, уж пусть лучше это будет не прекрасно... лет через пятьдесят... через сто!

Видя, какое направление принял разговор, Ева поспешила спросить Готорна:

– Ты купил машину?

– Да. Речь идет о новой скоропечатной машине, – обратился Готорн к Джесси, – которую демонстрировали на выставке.

Джесси кивнула, хмуро посматривая на Моргьяну. Моргьяна, с тусклой улыбкой в утомленных глазах и сжатых губах, случайно встретила ее взгляд, и ей показалось, что сестра глазами спрашивает о самом сокровенном, о грозном. Кровь отхлынула от ее сердца; невольно расширив глаза, смотрела она на Джесси в упор, не имея силы отвести взгляд; в свою очередь, испугавшись, Джесси сжала плечи и увела в них голову, продолжая смотреть на сестру.

– Что с тобой. Мори? – вскричала она, вдруг задрожав. – Моргьяна?

– Что со мной? – спросила та, как во сне. – Скорее, что с тобой?!

– Я сама не знаю, – рассмеялась Джесси. – Нервность. Такая нервность, что нет на свете более подлого существа, чем я. Когда выздоровею, я тебе расскажу.

Губы Моргианы прыгали, не слушаясь, так что она не смогла сразу сказать. Наконец, она перевела дыхание, с трудом выговорив: «Конечно, потом». И она подумала, что ее подавленность стала заметной. Чтобы замять странное положение, не выходя из его мрака, она сказала:

– Дикий случай произошел недалеко от «Зеленой флейты». В одну купающуюся девушку неизвестно кто швырнул камень и рассек шею. Теперь она будет калекой. Я послала ей немного денег.

Готорн уже несколько минут сидел молча, выжидая случая сказать какие-нибудь веселые пустяки и откланяться. Он посмотрел на дочь.

Решительная, внезапная бледность Евы очень удивила его. Ева что-то быстро писала в своей записной книжке; вырвав листок, она с веселым смехом передала его Моргиане.

– Ева, что там за секреты у вас? – стонала Джесси, мотая головой по подушке.

– Нам нужно поговорить, – беспечно, но твердо сказала Ева, – о самых пустых делах. – Она нервно вздохнула, наблюдая медленно, исподлобья, поднимающийся к ее лицу взгляд Моргианы, которая, прочитав листок, держала его в руке. – Папа, расскажи Джесси о непроницаемых панцирях!

Джесси, нахмурясь, рассматривала ногти. Ева и Моргиана вышли, и, когда дверь за ними закрылась, они разом повернулись одна к другой.

– Так что? – как бы не догадываясь, сказала Моргиана ше-

ПОТОМ.

– Слушайте: я уже два года... – начала Ева, но, быстро взглянув на нее, Моргиана перебила, указывая отдаленную дверь:

– Там сядем и поговорим.

Это была одна из тех лишних комнат, какие иногда образуются в большом доме из-за ошибки в плане: маленькая, с окном на проход и не имеющая никакого назначения; там стояла лишь случайная мебель. Когда женщины зашли в эту комнату, Ева прикрыла дверь.

– Моргиана! Вы должны быть от нее эти дни вдали. Я скажу, далее, еще более неприятные для вас вещи, и вы можете ненавидеть меня, сколько хотите, но во мне говорят сильные подозрения, что отношения ваши с сестрой мучительны, тяжелы. Она не будет прямо жаловаться никому, и мне в том числе, тоже не скажет ничего прямо, однако часто в ее словах и тоне слышится просьба понять без объяснений. Судите сами, как легко мне высказывать вам! Я не знаю, в чем дело, и не имею никакого права судить, – ни вас, ни Джесси. Я хочу только сказать, что Джесси нужно спокойствие.

Ева нервно вздохнула и вопросительно посмотрела на Моргиану. С негодованием заметила она, что та, вначале изменившись в лице, теперь тихо смеется, сжав губы и сощулив глаза. Ева ожидала возмущения, гнева, может быть, оскорбления, но этот неожиданный смех вернул ей холодную вспыльчивость, с какой она высказала свое требование.

– Решительно ничего смешного нет, я думаю, – сказала она запальчиво.

Моргиана кашлянула. Ее светящиеся смехом глаза были напряжены, как у человека, идущего со свечой во тьме.

– Я хочу знать, – сказала Моргиана, медленно выговаривая слова, – что сказал вам дьявол, когда вы получили от него яблоко?

– Объясните, – сухо сказала Ева, всматриваясь в затаенное выражение лица Моргианы.

– Совершенные пустяки, милочка. Вас зовут Ева, и это меня навело на глупую мысль, что вы угостили Адама яблоком.

Ева вспыхнула и смешалась. Она хотела, ничего не говоря, выйти, и уже повернулась, но внезапное тяжелое чувство вызвало у нее серьезный вопрос.

– Что с вами? – спросила она. – Я на вас не сержусь. Что с вами?

– Оставьте этот тон, Ева.

– Моргиана, если я...

– А я говорю – оставьте меня. Вас тревожит Джесси. Я согласна поговорить о ней. Но вы ошиблись. Мы очень любим одна другую, и наши отношения хороши. Довольно с вас?

– Для хороших отношений едва ли уместно говорить о смерти в присутствии больной. Пощадите ее, Моргиана! Она не сделала ничего худого.

– Подозревают, что я порчу ей жизнь, – говорила Мор-

гиана, как бы не слыша Еву. – А я часто заменяла ей мать. Но, хорошо, я прощаю вас; вы иногда очень наивны. Должно быть, вы ее действительно любите. Любовь пристрастна. Однако надо вернуться.

Моргиана прошла мимо Евы, ничего более не говоря, и та, несколько задержавшись, чтобы улеглось раздражение, последовала за ней. По дороге она остановилась возле трюмо, чтобы сделать веселое лицо, и заметила, что ее улыбка привлекательна. Это помогло ей сохранить улыбку при входе в комнату; весьма кстати здесь был Детрей, сидевший поодаль от кровати Джесси, которая держала принесенные им цветы.

– Мы советовались, не перевезти ли тебя, Джесси, в «Зеленую флейту», – сказала Ева, взглядывая на совершенно спокойную Моргиану, – но я согласна, что там будет не так удобно.

– Ну, конечно, – сказала Моргиана, – Ева придумывает опрометчиво.

– Фу, глупости! – заметила Джесси. – Для этого выходить?! Ева, Детрей очень мил! Он дал мне цветы!

– Но не конфеты?

– Конечно, нет, – сказал Детрей. – Мне это запрещено. Любовь уже поразила его. Он чувствовал ее силу, еще когда поднимался в подъезд, по тяжести ног и тяжелому волнению, мешающему непринужденно дышать. Невменяемый, Детрей тем не менее довольно искусно притворился вменяемым и спокойным с момента, когда увидел похудевшую Джесси,

что показало ему ее не в облаках, подобной заре, а земной, подверженной болям и все же единственной во всей истории человечества. Разговор едва начался, как пришла Ева и Моргиана. Последняя никогда не слыхала о Детрее; Джесси, познакомив их, ничего не упомянула о шляпе.

– Ну, Джесси, я ухожу, – сказала Моргиана, подходя к кровати сестры. – Ничего серьезного, конечно, нет; я вижу, все будет хорошо.

– Прощай, Мори! – сердечно ответила девушка, приподнявшись и охватив талию Моргианы, причем протянула губы. – Ты когда приедешь? Не знаешь? Смотри приезжай и... вот, нагнись, я тебя поцелую.

Моргиана сделала движение прочь, но, опомнясь, быстро поцеловала Джесси в угол рта. Все стало плыть, покачиваясь и удаляясь, в ее глазах; она присела на край кровати и закрыла рукой глаза. Джесси встревожилась, но ее сестра, сделав усилие, встала и сказала: «Ужасный зной, слабая голова!»

Затем она простилась со всеми, мягко улыбнувшись большим глазам Евы, и ушла, раскачивая шелковой сумкой, твердая и тяжелая в сером, глухом платье, в синей шляпе, единственным украшением которой был плоский синий бант. Дверь закрылась. Еще Ева услышала, как она кашлянула за дверью, и ее сердце неприятно сжалось.

Но начался разговор; Детрей на вопрос Джесси сообщил, что через несколько дней работы его будут окончены, после чего предстоит возвратиться в Покет, откуда он приехал.

– Отлично, – сказала Джесси, шевеля концом пальца его цветы, – вы будете мне писать?

– Непременно! – сказал Детрей и подумал с огорчением, что она намерена предложить ему «дружбу», то есть то, о чем на другой день девушки забывают.

Джесси открыла рот, чтобы заговорить о шляпе, но нашла теперь это неделикатным. «Он подумает, что только такому случаю обязан продолжением знакомства». Затем разговор пошел неровно, о пустяках. Между прочим, Готорн спросил, не в одном ли полку служит с Детреем некто Стефенсон, сын его старого знакомого.

– Не знаю, – ответил Детрей, – вернее, у меня не было времени знать. Я перевелся туда всего два месяца из 5-го Таможенного батальона.

– Значит, вы имели стычки с контрабандистами? – воскликнула Джесси.

– Увы! Я получал только рапорты о стычках. Это дело солдат-пограничников.

– Я думаю, неприятно ловить бедных людей, виновных лишь в желании прокормить семью, – сказала Ева, инстинктом чувствуя, что все помыслы Детрея обращены к Джесси, и что Джесси решительно признала его право существовать.

– Батальон против нищих! Борьба слишком неравная.

– Конечно, – согласился Детрей. – Нельзя позволить мошенникам перебить батальон.

– Нельзя; и, к тому же, вас могли бы убить, – сказала Джес-

си. – Вы знаете, у Евы страсть сожалеть наоборот.

– Ты ничего не понимаешь, – возразила Ева.

– Я все понимаю. Вот скажите: разве контрабандисты – нищие?

– Нет, – сказал Детрей. – Они добывают много. Не редкость встретить контрабандиста, являющегося содержателем целой банды. Кое-кто из них выстроил дома и накопил в банке, а остальные могли бы иметь то же, не будь слабы к вину и игре.

– Вот видишь, Ева, какие это нищие!

– Все равно, я становлюсь на их сторону.

– Стоит ли? – спросил Готорн. – В лучшем случае подешевеют чулки.

Ева расхохоталась.

– Серьезно, – сказала она, приходя в мирное настроение, – мне жаль этих людей, так устойчиво окруженных живописной поэзией красных платков, карабинов, гитар, опасных и резких женщин, одетых в яркое и высматривающих в темноте таинственные лодки своих возлюбленных.

– Издали это так, – согласился Детрей. – Некоторые вещи хороши издали. Но, смею вас уверить, что в большинстве – они самые обыкновенные жулики. Я хочу вас спросить, – обратился Детрей к Джесси, причем его лоб покраснел, – не внушает ли опасений состояние вашего здоровья?

Его церемонный, высказанный сдержанно и неожиданно вопрос вдруг так понравился Джесси, что она развеселилась

и заблестела. Взглянув с признательностью, с теплым смехом в глазах, она сказала смеясь:

– Не внушает! Нет! Никаких опасений! Состояние моего здоровья недоброкачественно, но поправимо! Смею вас уверить! Глядя на нее, все стали смеяться.

– Право, вы хорошо действуете на Джесси, – сказала Ева, взглядывая с улыбкой на отца, который улыбнулся ей сам и посмотрел на часы, двинув лежащей на коленях шляпой.

– Действует! – сказала Джесси, хохоча и уже стараясь удержать смех. – Отлично действует! О! Мне смешно! А вы не обижайтесь! – обратилась Джесси к Детрею, который с наслаждением прислушивался к ее смеху. – Мы будем с вами друзьями.

Детрей вздрогнул, и ему стало грустно.

«Вот оно, – подумал он со страхом. – Сказано слово „друзья“, следовательно, надежда зачеркнута».

Джесси, перестав смеяться, откинулась на подушку и закрыла глаза.

– Устала? – спросила Ева.

– Устала, да.

Детрей встал одновременно с Готорном и тревожно взглянул на Еву.

«Она теперь уснет», – шепнула ему Ева и поправила шляпу.

– До свиданья, – негромко сказала Джесси, полуоткрыв глаза. – Я усну. Приходите все.

– Завтра я у тебя весь день, – решила Ева. – Благодарю. Я уже сплю... сплю.

Вызвав сиделку и наказав ей тщательно смотреть за больной, Ева с отцом ушли: за ними шел Детрей, погруженный в раздумье.

– Мы едем домой, – сказала молодая женщина, когда они вышли на тротуар. – Как, на ваш взгляд, выглядит моя Джесси?

– Печальная перемена, – вздохнул Детрей. – Она была такой... Розовый, потрескивающий уголек, необжигающий и горячий, светлый. И вот...

– Стихи без рифмы – все же спаси, – подозрительно заметила Ева.

– Да? – улыбнулся Детрей. – Дело в том, что такие девушки невольно вызывают слова. Воистину, осенью один человек будет адски счастлив.

– Это кто такой? – шутливо возмутилась Ева, забывшая о своей минутной интриге.

– Не так важно, кто, – усмехнулся Готорн, – гораздо важнее, что... *один*.

– Папа, ты разгулялся?

– И даже недурно.

– Так что же этот *осенний*!

Догадавшись, что Ева выдумывала, Детрей не захотел конфузить ее и ограничился замечанием о судьбе девушек вообще.

– Детрей, Джесси произвела на вас впечатление?

– Да, произвела. Почему я должен отрицать хорошее, если оно есть в душе?

Готорн с симпатией посмотрел на молодого человека, по всей видимости, сильно расстроенного.

– До свиданья, – сказал он, крепко пожимая его руку. – Мы ждем вас к себе...

Они расстались. Подсаживая дочь на сиденье автомобиля, Готорн спросил:

– Почему ты вообразила, что Детрей глуп?

– Я почувствовала, что глуп. Сегодня глупее, чем когда-либо, – сказала Ева с упрямством, вызвавшим у ее отца молчаливое удивление.

– Да... Иметь такую сестру! – сказал он после небольшого молчания.

Ева тоже помолчала, чтобы дать вполне развиться мыслям, обусловившим фразу Готорна, и подкрепить их.

– Ответа нет, – сказала она задумчиво. – Говорить можно много, а решения бесполезны. Что лучше в положении Моргианы? Смерть или жизнь? Я уклоняюсь от ответственности сказать что-нибудь – в тоне закона.

– Мне кажется, что ты приписываешь Моргиане несуществующее. Женщины ее типа часто самодовольны.

– Нет. Она очень умна и беспощадно озлоблена.

– Низкая или высокая душа – вот в чем вопрос, – сказал Готорн. – Посмотри на некрасивую резеду.

Глава XVIII

Оставшись один, Детрей прошел бесцельно по улице и повернул, тоже бесцельно, обратно. Стоял такой отравляющий и ослепляющий зной, что даже мысли изнемогали. Редко показывался прохожий, стараясь идти в полосе тени возле домов. С тяжелым от зноя и любви сердцем Детрей прошел к скверу Дурбана, где среди огромных агав фонтан гнал струи скачущих брызг. Безумно захотелось ему воды, льду, тени, пронизывающей сырости погреба. Между тем, оставалось не более часа до первого веяния прохлады, когда ветер с моря умеряет пламенение дня. Но этот остающийся час таил муки серьезные. Детрей разыскал винный погреб, куда набилось уже довольно народу, попивая красное вино со льдом, и уселся в самом конце длинного помещения, около бочек. Отсюда был виден ему солнечный блеск полукруглого входа.

Он потребовал вина, поданного в стеклянном кувшине, где плавал кусок льда, и начал остывать от жары. «Я буду называть ее „Джесси“, что бы ни случилось со мной. Боже мой, как мне тяжело! Она поправится – я знаю, чувствую это. Однако ничего не выйдет и не может выйти. Бессмысленно развивать надежды. Ее судьба должна быть как благоухание, таинственное и редкое. Так это и будет, но не со мной. Таким девушкам даже вообще как-то странно выходить замуж. Они должны были всегда оставаться девушками – не старше два-

дцати лет, чтобы о них болеть вот такой нестерпимой болью, какую переношу я».

Закончив свой гимн отчаяния и восторга, молодой человек сидел некоторое время, смотря на стакан взглядом ровным и безутешным. Наконец, страстно излившиеся мысли его, побыв где-то, вернулись и заговорили опять.

«Рассудок помрачается, – размышлял несчастный, пытаюсь беспристрастно изучить опутавшую его зеленую лиану с пламенными цветами, – все самое худшее и лучшее заявляет о себе, и человек ничего не стыдится. Хочется, чтобы соперник, счастливый и достойный, висел на волоске от смерти, а я бы его спас, все-таки сожалея, что он не умер, и выслушал бы от нее слова благодарности, улыбаясь в мучениях. Ее неприятная сестра счастливее меня, потому что Джесси поцеловала ее. Хорошо, если Джесси упадет в нищету, бедствие, а я встречу ее на дороге, не знающую куда идти; мы женимся, и я буду за ней смотреть, буду ее беречь. Как я хотел бы спасти ее во время пожара или кораблекрушения!»

Заметив, что накликать изрядное число несчастий для ничего не подозревающей девушки, Детрей несколько остыл, добавив: «Да. В то же время я должен быть сдержан, покоен, весел; я должен сидеть на костре, обмахиваясь веером совершенно непринужденно; таков закон уважения к себе. Пока не поздно, я должен отсюда уехать. Иначе я погиб. Невозможно думать о том, что я думаю. Есть никогда не обманывающий голос души; я его слышу. Он говорит: „бессмыслен-

но“. Недаром, когда я взял в руки эту слетевшую с небес белую шляпу, у меня было смутное предчувствие, что неспроста находка моя; и я уже хотел ее положить на песок, чтобы кто-нибудь другой удивлялся, как вдруг ветром обвило ленту вокруг руки. Лента уговорила. Зачем я поддался ее движению?»

Чтобы затуманить неизбежно острую вначале боль недуга, вцепившегося в Детрея, он выпил залпом стакан холодного вина, и зубы его заныли. «Отрадно схватить зубную боль, – подумал Детрей, – такую, чтобы рычать и бить кулаком в стену; тогда отлегло бы на душе». «Однако, – продолжал он с легкомыслием, в равной мере законным для его помешательства, как и отчаяние, – однако, почему я так вдруг все решил очень уж в черном свете? Я читал где-то, что предложение „быть друзьями“ в иных случаях чрезвычайно благоприятно. Относительно же того, что она девушка состоятельная, то тут больше эгоизма и тщеславия, чем разума, чем доброты. Разве это плохо, что она может дать сама себе больше, чем я могу дать ей, с своим жалованьем? Это хорошо, это гораздо лучше, чем если бы ей пришлось рассчитывать. Если любишь, это надо стерпеть, смириться; стерпеть ради нее. Если я откажусь жениться на ней, потому что она богата, она вправе заключить: „Он допустил мысль, что только ради денег можно на мне жениться. Сама я ничего не стою“. Я ее люблю; довольно этого, чтобы быть правым и знать, что я прав».

Детрей рассуждал совершенно искренне, так как относился к деньгам равнодушно; только для Джесси он хотел бы их иметь немного побольше, чем у него было. Но он скоро заметил, что все эти скоропалительные мысли о браке с Джесси делают его смешным в собственном его мнении. «Джесси, вы обратили меня в кучу нервного хлама», – сказал он, решительно вставая, чтобы изменить настроение, становившееся невыносимым.

Зной отошел; улицы лежали в тени. Бесчисленные сады Лисса благоухали цветами; дышать было свежо; а ясное небо, с высоко забравшимися в него ласточками, обещало на завтра такую же отраву зноя, как сегодняшний день. Детрей прочитал афишу и отправился в театр; пока на сцене какие-то немислимые отцы упрекали своих детей в измене идеалам, а героиня старалась уверить публику, что искренне любит семидесятилетнего старика, – сложилось окончательно его решение: сегодня же сообщить Еве Страттон, что он с ночным поездом едет в Покет. На самом деле ему предстояло еще дня два работы и дня два сборов, но считая себя отсутствующим, – для Джесси и Евы, – Детрей таким поступком делал невозможным новый визит к больной, отрекался от телефона, от всякого сношения и растравления сердца, доставившего ему, в памятный этот день, пылкую и мрачную безутешность. Совершенно забыв, что представляли на сцене, Детрей по окончании спектакля раньше всех выбежал из зрительной залы, сопровождаемый аплодисментами, и затво-

рился в телефонной будке, вызывая Еву Страттон. Горе его было велико, отчаяние безмерно, отречение – полное и решительное. К его состоянию отлично подошли бы теперь: деланное сожаление, сопровождаемое тайным зевком, равнодушное прощание, столкновение безотрадных вежливостей, но никак не просьба не уезжать. В таком случае Детрей мог наговорить противоречащие и странные вещи. Он не ждал ни искренних сожалений, ни особого интереса к себе, а потому сразу насторожился, когда Ева громко и поспешно сказала:

– О, наконец! И как кстати! Я прежде всего подумала о вас. Но ведь вы живете не в городе... Детрей, помогите нам: Джесси исчезла! Всего десять минут сюда звонила ее сиделка: Джесси разрыла гардеробную, все разбросала, во что-то оделась и ушла неизвестно куда. По-видимому, через окно на улицу, так как ворота уже заперты, а швейцар ничего не видел. Детрей, это бред; она, по-видимому, в горячке!

– Я слушаю, – сказал Детрей, крепко прижимая к уху приемник. Его самолюбивое волнение исчезло; сознание качнулось, но тотчас оправилось, и стал он спокоен – спокойствием резкого и неотложного действия. – Я слушаю очень внимательно; прошу вас, продолжайте.

– О, Детрей, не будьте так равнодушны! – воскликнула Ева. – Впрочем, я сама не знаю, что говорю. Но вы что хотели мне сказать?

– Я хотел сказать... но я, кажется, забыл. Дело в том, что

ваше известие меня, естественно, поразило.

– Теперь слушайте: Джесси единственно могла поехать к сестре, в ее «Зеленую флейту»; двадцать семь миль от города. Автомобиль готов; я еду и прошу вас ехать со мной; если Джесси в беспамятстве, я не знаю, что может случиться.

– Вы правы. В таком случае прошу вас задержаться десять минут; я тотчас буду у вас.

– Какой вы ми...

Но Детрей уже положил приемник. Он быстро шел к выходу среди шумно и тесно покидающей театр толпы, опережая ее без остановок и толчков, инстинктивными движениями, даже не замечаемыми рассудком, занятым совершенно другим. Момент действия сделал его снова самим собой; и он был уже не влюбленный, а любящий, согласный сто раз выслушать какой угодно отказ, лишь бы ничего не случилось худого с девушкой, которой надо помочь.

Глава XIX

Трещина, куда Моргiana столкнула полузадушенную Гервак, начиналась от озера и, снижаясь, шла к морю на высоте двухсот метров к его поверхности; затем, рассекая крутой склон, оканчивалась у береговых песков обыкновенным оврагом, засыпанным землей и камнями. В том месте, наверху берегового массива, где разыгралась сцена борьбы двух женщин, глубина трещины достигала ста двадцати метров, при ширине четырех. Глядя в нее с края обрыва, нельзя было ничего рассмотреть внизу; казалось, эта тесная пропасть навсегда обречена тьме, но смотревший изнутри вверх видел накрывшее ее узкой полосой небо. Свет проникал в недра провала подобием густых сумерек; подавленное зрение училось различать окружающее его двухстенное пространство, — как в погребке со светом сквозь щель. Эту трещину образовало землетрясение, потому внутренность ее напоминала то, что представил бы разорванный хлеб, если сложить его половины, оставив меж ними расстояние в дюйм. Ямы одной стороны соответствовали выпуклостям другой. Во многих местах висели застрявшие на весу куски скал, которым не давала упасть узость провала или навес над выступом. Дно трещины было непроходимо и залито водой. Спертый и сырой воздух, с сильным запахом гниющих стволов, время от времени падающих сюда после осенних бурь, раздражал дыха-

ние. Совершенная и беспокоящая тишина стояла в громадном этом разрезе, – тишина бесповоротного равнодушия, мрачного, как рост под земного корня. Прислушиваясь к ней день, два, неделю, год, можно было с уверенностью ожидать, что ничего не услышишь, пока где-нибудь наверху такая же долгая работа времени сгноит дерево, и оно, уступив ветру, покатится в глубину расселины, где, родив шорох и стук, ляжет неподвижно на дне.

На глубине футов семидесяти в течение десятилетий образовалось одно из самых значительных засорений трещины. Основой ему послужил застрявший на узком месте камень, стиснутый стенами провала. Два ствола с длинными сучьями, ставшими от сырости и известковых паров крепкими, как железо, некогда обрушились сюда и легли по сторонам камня, увеличив помост. Листья, хворост, земля скапливались на этой преграде в течение многих лет, образовав зыблящуюся, пронизанную остриями обломанных сучьев площадку длиной метров десять, по которой ходить было так же удобно, как по селу, перемешанному с дровами. Тут росли дрожащие пепельного цвета грибы, лепясь отрядами среди ползущей по стенам плесени; с краев помоста свешивались хворост и мох.

Несколько выше этого скопления хлама из стены выступал неровный карниз; еще выше, на расстоянии одного шага от карниза, чернела горизонтальная щель, метра полтора высоты и не менее пятидесяти метров длины, – род естествен-

ного навеса, в глубине которого нельзя было ничего рассмотреть.

На этот помост упала, потеряв сознание, Отилия Гервак.

Как ни был страшен удар падения с такой высоты, он не убил ее. Слой хвороста, смешанный с перегноем и пружинами сучьев, встретил тело Гервак лишь жестоким сотрясением, от которого закачался весь помост; кроме того, острый древесный обломок рассек ее левый бок, вспоров кожу до ребер.

Она лежала в этом положении, как упала и свернулась при упругой поддаче: запрокинув голову, с вытянутыми руками, повернутыми ладонями вверх, с воткнувшимися в мусор до колен ногами. Ее рот раскрылся, на щеках угасала судорога, мелко и безвольно томясь, как стихающая рябь воды.

Так лежала она долго, ничего не чувствуя, ни боли, ни сырого холода пропасти, постепенно оживлявшего расстроенное кровообращение. Затем она стала дрожать, вначале мелко, – почти незаметно. Ее рот закрылся; рука вытянулась, сжала пальцы и снова разжала их. Гервак начала трястись и вздыхать, как выброшенная на берег рыба, – все чаще и глубже, со стоном и с бессознательными усилиями изменить положение. Наконец стон затих, и она вся затихла.

Гервак открыла глаза. Она еще не чувствовала ни боли, ни страха. Ее сознание молчало. Ей казалось, что она стоит в каком-то коридоре, прислонясь спиной к двери, и видит впереди себя узкий далекий выход. Подняв голову, она уви-

дела, где находится, осмотрелась и вспомнила. Резкий порыв вскочить обессилил ее; с трудом, осторожно вытащила она из хлама застрявшие ноги и, увидев их, вся сжалась: они были ободраны, почернели и залиты кровью. Гервак ощупала скверный разрыв кожи около ребра, и ее рука стала красной от крови.

Кое-как, слипшимися пальцами она ощупала ноги и руки; убедясь, что переломов нет, Гервак несколько ободрилась.

Она посмотрела вверх. Высота и теснота наглухо замыкали ее. Никакой Жан Вальжан не смог бы вскарабкаться по этим красновато-бурым отвесам с выступающими из них скользкими глыбами. Она осмотрелась еще раз и вздрогнула, увидев позади себя пустоту, где внизу стояла вечная ночь. Гервак встала, колеблясь на расползающихся ногах, но головокругление снова усадило ее. Заметив карниз, она поползла к нему, иногда проваливаясь руками среди хвороста и замирая от острой боли в ногах, когда ее раны касались сучьев. Наконец она ступила на карниз и выползла под навес.

Изнемогая от чрезвычайных усилий, Гервак легла. Она была более удивлена, чем обрадована. Ее представления о причине и следствии были нарушены. Закон: «упавший в пропасть – погиб» – оказался доступным исключением. Не собираясь кинуться на дно трещины ради торжества естественного порядка, она отнеслась к спасшему ее заграждению насмешливо и брезгливо, но не могла долго останавливаться на этом, так как не знала, сможет ли выбраться из ка-

менной западни.

Поступок Морганы Тренган доказал все: если бы она не отравила сестру, Гервак не лежала бы теперь со свихнутой шеей и окровавленным боком на холодном, как мерзлая земля, камне.

Оторвав низ рубашки, Гервак сделала бинты и перевязала, как могла, ноги; рана на боку распухла и не переставала кровоточить, но все равно ее нечем было перевязать. Одевшись опять, она встала и двинулась по длинной впадине, часто останавливаясь, чтобы рассмотреть полутьму, в которой далекое и близкое казалось обратным. Эта впадина-навес была неровна во всех направлениях; местами приходилось идти по самому краю обрыва, часто нагибаясь, даже ползти; иногда становилось просторно, высоко, но потом вновь следовали ямы и возвышения. Такой путь, протяжением метров пятьдесят, шел по уклону вверх и внезапно обрывался на высоте восьми метров от земной поверхности; здесь было уже светло, и свисающие зеленые ветви кустов недостижимо близко обозначались на голубой полосе верхнего света. Начав безотчетно надеяться, Гервак не испытала, однако, ни беспокойного возбуждения, ни счастливых мыслей о внезапном спасении; ее надежда была замкнутая и низкая, – надежда, закусившая губу. Снова нашла она свое спасение неестественным, подивилась и перестала думать о нем.

Гервак смотрела вверх по тому направлению, в каком пробиралась, но, оглянувшись, увидела позади себя мостик

из жердей, с веревочными перилами, перекинутый через пропасть; он служил пешеходам. Это открытие совершенно успокоило Гервак. Ей следовало только сидеть и ждать, пока на мостике появится человек, чтобы крикнуть ему о помощи. Но было тихо вверху; изредка пролетали птицы; край облака показался над началом моста, но двигалось оно так мало заметно, как будто стояло, скованное тишиной и жарой.

Гервак глядела на мостик не отрываясь, так как боялась пропустить неизвестного, которому стоило сделать всего несколько быстрых шагов, как мостик вновь стал бы пустым. Она села слабая и мрачная; ее мысли о Моргиане не были неистово мстительны, но полны такой тонкой и продуманной злости, как расчет игры с презируемым, хотя и опасным противником. Гервак признала поражение и отдала должное великому мастерству притворства, каким едва не уничтожила ее хозяйка «Зеленой флейты». Реванш, на который рассчитывала Гервак, должен был ударить не по телу, а по душе. Она даже повеселела, решив поступить так, как задумала.

Казалось, оживление ее мыслей вызвало оживление наверху: Гервак увидела человека, который, держась за веревку, осторожно переставлял ноги по шатающимся жердям. Это был почтальон с сумкой; он шел за почтой и не особенно торопился.

– Стойте! Спасите! – крикнула Гервак, высовываясь головой и плечами из-под нависшего над ней камня. Она кри-

чала не переставая, хотя почтальон сразу услышал и начал осматриваться, даже посмотрел вверх. Новый крик женщины указал ему, где она находится; он схватился за веревку и нагнулся, всматриваясь в отвес трещины, где белело лицо. Гервак стала махать рукой, повторяя:

– Сюда! Я здесь! Бросьте веревку!

– Как вы попали туда? – закричал почтальон, изумленный и сообразивший, наконец, что случай требует немедленной помощи. – Хорошо, держитесь пока, – продолжал он, – я побегу в одно место, где мне дадут веревку.

– Отвяжите ее! Эту! – крикнула Гервак. – Ту, за которую держитесь!

– В самом деле! – пробормотал почтальон. Он подергал веревку, которая служила перилами к мостику, и отвязал ее с обоих концов. Затем, скрывшись в той стороне, где томилась Гервак, примерил, хватит ли длины веревки. Гервак внезапно увидела ее конец, почти хлеставший по ее лоящей руке, но с отчаянием и злостью подумала, что человек не догадался сделать петлю, вдруг она услышала сверху:

– Виден ли вам конец?

– Виден, хватит ли завязать петлю? – закричала Гервак. Ответа не было. Минуты две она ничего не видела и не слышала, страшно боясь, что веревка окажется коротка и, отправясь за помощью, почтальон разнесет слух о ее приключении. Она проклинала его медлительность и с ненавистью ждала окончания тоскливых хлопот. Наконец ее волосы что-

то тронуло; веревка снова показалась перед ее лицом, но теперь это была большая петля; она двигалась, то удаляясь в сторону, то вертясь около рук, и ей все не удавалось схватить ее.

– Направо! Немного направо! – вскричала Гервак. Петля поползла вправо, вертясь и увилывая, но Гервак, улучив момент, схватила ее.

– Держу! – сообщила она.

– Отлично! – раздалось сверху. – Теперь сделайте так: пропустите одну ногу в петлю и сядьте как бы верхом; руками же держитесь за веревку выше головы. Когда вы так устроитесь, смело сползайте с трещины и повисните. Упасть не бойтесь, я держу крепко. Я тотчас потащу вас наверх.

Они не могли видеть друг друга из-за выступов над местом, где сидела Гервак, поэтому, продев на себя петлю, как было ей указано, и чувствуя веревку болтающейся свободно, Гервак некоторое время не могла решиться скользнуть из своей расселины в пустоту. «Подтягивайте!» – крикнула она, готовая закачаться над пропастью. Веревка приподнялась: тогда, считая, что сотрясение уменьшится, Гервак попросила натянуть веревку потуже и, с захлестывающей дыхание мыслью о тьме внизу, выскользнула из-под навеса, перевернувшись несколько раз; ее плечо стукнулось об отвес; она придержалась за камень и остановила вращение.

– Тащите! Тащите! – закричала она, поджав ноги и закинув голову.

Она видела у самых глаз стену провала, которая неровными скачками подалась вниз и остановилась. Веревка, туго прильнувшая к выпуклости камня, терлась о него и поворачивалась вокруг себя, фут за футом Гервак приближалась к зеленеющей на краю траве. Наконец, загорелая жилистая рука высунулась сверху, схватив веревку ниже края трещины, к ней присоединилась другая рука, и они втащили перепуганную Гервак, причем она помогала почтальону, уцепившись за древесный корень. Держась одной рукой за веревку, другой рукой почтальон схватил Гервак под мышку и опустил на траву.

– Вы думали, я ушел? – сказал почтальон. Это был высокий человек лет тридцати, с круглым, мускулистым лицом. – Вот что пришлось сделать, потому что веревка оказалась коротковата.

Свалившись от утомления, Гервак увидела показанную ей веревку, к верхнему концу которой был привязан ремень от сумки, а к ремню длинный сук, вроде шеста.

Гервак поднялась и села на пень.

– Вы здорово разбились! – сказал почтальон. – У вас все в крови.

– Знаете, что произошло? – усмехнулась Гервак. – Я села на краю, свесила ноги, и у меня закружилась голова: дальше я ничего не помнила; очнувшись, увидела, что по странной прихоти обстоятельств упала на глубоко засевшую пробку из стволов, хвороста, мха и мягкого сора. Рядом была трещина;

по ней и ползла все выше и очутилась около мостика.

– Чудо! – сказал почтальон. – Вы спаслись чудом. Как мой приятель, кочегар с «Филимона». Он упал в машинное отделение, а снизу другой кочегар нес на голове свернутый матрац. Вот это и задержало стремление моего приятеля достичь нижней палубы. Слушайте, вы вся в крови и расшиблены: я сведу вас тут недалеко, там вас полечат.

– Нет, я живу в городе, и я пойду в город, – ответила Гервак. – Ноги у меня целы. Я сильна, и никакие «чудеса» моих сил не отнимут. Благодарю за... то, что подняли меня вверх.

Взволнованный почтальон, у которого были ободраны ладони, ждал слов благодарности, не сознавая, что ждет; он обрадовался и покраснел, но окончание фразы придало всему серый тон. Смотря на испачканную и растрепанную Гервак, он не чувствовал теперь того естественного, сильного желания помочь до конца, как вначале. Если бы она сказала: «Вы спасли меня, благодарю вас», – он был бы совершенно доволен, так как сам восхищался своей находчивостью при употреблении шеста. Но слова «спасение» он не услышал. Он совсем расстроился, когда Гервак сказала, что запишет его адрес, чтобы дать ему денег.

– Напрасно вы так говорите, – заявил он с досадой. – Хотите, я доставлю вам экипаж?

– Это лишнее, – ответила Гервак, собираясь идти. – В полумиле отсюда есть таверна, где я решу вопрос об экипаже самостоятельно.

– Как хотите, – сказал почтальон сдержанно. У него окончательно пропала охота помогать ей. Он вздохнул, надел свое кепи и отправился привязать веревку вдоль мостика. – Мне ваши секреты не интересны, – прибавил он, остановясь. – Знаете ли вы, по крайней мере, как выйти на шоссе?

– Да, знаю.

Незаслуженно оскорбленный человек растерянно улыбнулся и пошел к мостику. «А! Ты надеялся, что я подчеркну чудо», – думала Гервак, отходя и облегченно осматриваясь. Скоро она заметила тропу и вышла по ней на шоссе значительно ниже «Зеленой флейты». Она шла тихо, хромя и терпя боль ноющих ран. Гервак сильно ослабела, но ее поддерживала ирония и, насмешливо раздражаясь при воспоминании о спасительной причуде провала, своей кривой усмешкой она полагала стать выше всего, не зависящего от ее мерок.

Немного погодя услышала она догоняющий быстрый звук и, обернувшись, заметила автомобиль, пассажирами которого были мужчина и дама, сидевшие рядом. Гервак склонилась к земле, уронив голову на руки. Она оставалась в таком положении, пока, вскоре после остановки автомобиля, не почувствовала, что на ее плечо легла сдержанно спрашивающая рука, и посмотрела на джентльмена, старавшегося ее приподнять.

– Что с вами? – участливо спросил он.

– Я разбита, я не могу идти, – сказала Гервак.

– Где вы живете?

– Будьте добры, доставьте меня в Лисс, на улицу Горного хрусталя, дом номер шесть.

– Хорошо, – сказал джентльмен. Он взглянул на шофера и тот, выйдя с сиденья, помог ему довести больную в автомобиль, где, притворяясь, она села рядом с шофером.

– Какое несчастье произошло с вами? – спросила дама, сочувственно сведя брови.

– Я разбита... – мрачно повторила Гервак.

В лице дамы, спокойном и тонком, проступил румянец. Она повернулась к своему спутнику, который пожал плечами и приказал ехать.

– Итак, дорогая Мери, – произнес он, – этому курорту, несомненно, принадлежит будущее!

– Я очень рада, – сказала дама.

Затем автомобиль двинулся с быстротой ветра, и никто более не обращался к Гервак, – ни с вопросами, ни с советами; она тоже сидела молча, полная угрюмой и беспредметной иронии, до которой не было никому дела.

Глава XX

В десять часов вечера Джесси, спавшая все время после ухода гостей, проснулась беспокойно и сразу. Она села, дыша с усилием.

Она лежала в тени. У отдаленного стола, при свете небольшой, с темным абажуром лампы, расположилась в кресле, читая книгу, сиделка.

– Я проснулась, – сказала Джесси, оглядываясь. – Что такое я забыла? А где письмо?

Поняв, что говорит со сна, девушка понурилась и зевнула; затем была очень удивлена, когда сиделка взяла со стола конверт и подошла к ней.

– Вам есть письмо, – сообщила женщина. Сообразив, что Джесси спала, сиделка тоже удивилась ее словам о письме, которого она еще не видела, и сказала об этом.

Устало посмотрев на нее, Джесси пожала плечами и, откинувшись на подушки, стала рассматривать конверт. Сиделка засветила для Джесси вторую лампу. Почерк был незнаком девушке; без особого любопытства она вскрыла конверт и вытащила аккуратно сложенный листок. С каждым словом письма, отпечатанного пишущей машинкой и не имевшего подписи, ее изумление возрастало и, инстинктивно запахивая халат, теряясь от мыслей, Джесси начала сильно вздыхать, чтобы опомниться и одолеть слабость, что ей несколько

удалось. Желая немедленно остаться одной, Джесси сказала сиделке, которая снова удалилась на свое кресло:

– Пожалуйста, приготовьте мне кофе. Очень хочется пить: только остудите сначала.

Ничего не подозревая, женщина отправилась исполнять просьбу Джесси, а девушка, задрожав, перечитала письмо: «Ваша сестра отравила вас. Вы не больны, вы отравлены. Этот яд убивает в течение 10–12 дней. Лечение бесполезно, если даже врач знает об отравлении. Пока прямой опасности нет, а завтра утром с вами будут говорить по телефону. Противоядие известно только нам; оно может быть доставлено, если вы согласитесь уплатить 1000 фунтов».

Ноги Джесси заныли; свет стал темнеть, и нервная тошнота стеснила горло. Второе чтение еще больше напугало ее. Ни верить письму, ни опровергнуть его девушка не могла; ее испуг перешел границу, перед которой еще можно стыдиться себя за потерю самообладания, имеющую значение подозрения; не в ее власти было сдержать чувства, подобные ужасу при пробуждении в ярком свете пожара. Никто среди ее знакомых не мог шутить так. Ничего не объясняя, зная лишь, что должна немедленно спешить к сестре за объяснением и успокоением, – иначе умрет до утра или лишится рассудка, – Джесси встала в кровати на колени и начала прятать письмо в стол, под подушку, в книгу, вынимая и перемещая его без цели, пока не опомнилась. Тогда, стиснув письмо, она покинула кровать и надела туфли.

Ключ от гардеробной комнаты обыкновенно находился в замке. Помня это, Джесси тихо открыла дверь и побежала одеться. От страха и торопливости ее движения были бес-толковы, неверны, и она не все время точно соображала, что делает. Пробежав залу и часть коридора, Джесси повернула за угол и с облегчением увидела ключ в замке: теперь, как и всегда, он заявлял о честности служащих. Раскрыв шкапы, Джесси побросала на пол все, что сняла с вешалок, но ее сознание не могло быстро управлять выбором. Она искала подходящее платье. Прижав к груди ворох одежды, Джесси вытряхнула из него коричневое платье, криво застегнув кнопки; укутала голову голубым шарфом; крадучись, бегом вернулась к себе; натянула чулки, сунула ноги в какие попали туфли, захватила деньги, письмо и выскочила, открыв окно, на тротуар переулка.

Если бы она не так торопилась и горевала, ее сборы отняли бы значительно меньше времени, чем это произошло в действительности. Сотрясение прыжка с окна лишило ее дыхания; постояв у стены дома со слабым, нехорошим сердцем, причем ладонями и лбом опиралась на стену, Джесси отошла на тротуар, возбуждив внимание немногочисленных прохожих, но, к ее облегчению, никто не подошел спрашивать ее, что случилось. Едва передохнув, Джесси принялась искать экипаж и, не пройдя половины квартала, увидела таксомотор. Шофер взглянул на девушку в шарфе с благосклонной улыбкой. Так как Джесси не улыбалась, а категорически

предложила десять фунтов за полчаса быстрой езды, он почтительно осведомился, куда ехать, и приступил к исполнению своих обязанностей. Едва Джесси уселась, ее начало колыхать, мчать; южный ветер перевернулся в ушах; стремясь в рот, в глаза, он прижал шарф к разгоряченному лицу девушки; отсверкали полуночные огни города, сменясь тьмой отлогих холмов, и Джесси стала спокойнее. Движение облегчало ее; уверенность мелькающего в пространстве автомобиля заражала и ее уверенностью, что скоро наступит отдых., Она думала только о письме, о Моргиане – бессильно и страстно, как стучат в дверь, призывая на помощь, но не слыша утешающего движения. Иногда с зеленой дороги выбегал страх, хватая ее руки, которые она тоскливо кутала в шарф, и снова отлетая в холмы, подобно тени придорожной оливы, опрокинутой светом фонарей. Слова «вы отравлены» не оставляли Джесси; они мчались среди холмов, вздрагивали в ее дыхании; где-то в углу, возле ее ног, эти слова стучали и торопились, как шарф, терлись о ее лицо, смешанные с ветром и тьмой.

Джесси очнулась; казалось ей, что в этом неопишемом состоянии она уже видела Моргиану, но не могла представить ни сказанного сестрой, ни что сказала сама. Они как будто уже расстались, и Джесси возвращалась в город. Как только она это представила, никакими усилиями сознания Джесси не могла вызвать представления, что едет из города. Направление перевернулось. Лишь когда мелькнули сияющие дома

Каменного подъема и дорога, при новом возбуждении машины, пошла вверх, истинное направление стало в ее уме на свое место. Через несколько минут по обрыву, огражденному стеной, автомобиль выехал на ровное место и устремился к единственному огню дома, тотчас пропавшему за крышей жилища Гобсона. «Огонь есть, Мортиана еще не спит», – подумала Джесси.

Машина качнулась, остановилась; но изнуренная девушка несколько мгновений еще мчалась – внутри себя – по инерции чувств движения. Она сошла, уплатила деньги и, сказав: «Возвращайтесь, я более не поеду», позвонила у ворот. Уже лаяла подбежавшая из глубины двора собака. Шум у ворот, лай и звонок разбудили Гобсона. Он открыл окно, выглянул и, увидев женскую фигуру, не сразу узнал Джесси.

– Гобсон, впустите меня! – крикнула девушка. – Сестра дома? С великим удивлением поняв, что приехала Джесси, Гобсон кинулся со всех ног открывать. Он едва успел надеть туфли и пальто, но и в пальто чувствовал свежесть ночи; еще более удивился он легкой одежде Джесси и ее плохому виду. Не решаясь ничего спрашивать, он впустил девушку и пошел сзади ее к подъезду, твердя:

– В спальне виден свет, а Нетти, наверное, уже спит; пожалуйте, да скорее, а то простудитесь; воздух здесь резкий.

Они подошли к подъезду; тогда, оставив Джесси, Гобсон обошел угол дома и постучал в окно горничной. За стеклом начала кидаться белая тень; скоро, с переполохом в лице,

Нетти открыла дверь; приветствуемая ее тревожными восклицаниями, Джесси вступила в переднюю.

– Моргиана спит?! Разбудите сестру, – сказала Джесси, пройдя в первую комнату, откуда наверх шла лестница.

Гобсон удалился, горничная занесла уже ногу на ступеньку лестницы, но отступила, – сверху спускалась Моргиана, вполне одетая и еще не ложившаяся. Она слышала, как рокотал и остановился автомобиль; не узнала, а потом, с озлоблением и трусливой дурнотой в сердце, узнала голос Джесси, и все метнулось в ней, так как она почувствовала занесенный удар; не зная, ни в чем он, ни что случилось, Моргиана обмерла, когда, приоткрыв дверь, расслышала слова Джесси «разбудите ее» внутри дома. Тогда только, крепко зажмурясь и с болью вздохнув несколько раз так глубоко, что смирила отчаянное сердцебиение, она пошла вниз, готовая принять всякий удар.

Еще на лестнице Моргиана остановилась и нагнулась, всматриваясь в лицо сестры. Джесси бросилась к ней; не удержав слез и смеясь со страхом в глазах, она схватила ее руки, слабо таща сестру вниз и твердя:

– Я виновата, Мори, я ужасно виновата; я приехала, чтобы ты простила меня! Я буду у тебя ночевать!

– Нетти, вы более не нужны, – сказала Моргиана горничной, – идите. Джесси, ты помешалась? – спросила она, когда горничная закрыла за собой дверь.

– Я помешалась. Меня помешало письмо. «Лгать», – по-

думала Моргиана, догадываясь уже о том, что предстоит ей.

– Хорошо, письмо, однако пройдем в столовую. Ты совершенно больна; твой вид ужасен. Кто отпустил тебя?

– Ах, теперь все хорошо! – вскричала Джесси, идя за ней. – Но ты накажи меня! О, как я измучилась как настрадалась я за эти часы! На письмо, на, возьми и прочти, и догадайся, кто мог написать так!

В небольшой комнате, куда они вошли, Джесси прилегла на диван, затем приподнялась и подперла рукой голову. Моргиана прочитала письмо, медленно ходя перед глазами сестры, и поняла, что Гервак жива. «Да, лгать», – сказала она себе, но ее лицо отказалось лгать в эту минуту; оно стало белым и диким. Не владея собой, Моргиана скомкала письмо; растерявшись, она стала перекладывать его из руки в руку; наконец, сунула в карман юбки. В этот момент, по ее лживым и упорным глазам, девушка узнала всю правду. Зная ее теперь, она не могла верить; знала и не верила.

– Отдай мне письмо! – вскричала Джесси, протягивая руку. – Отдай письмо, Моргиана! Я должна умереть с ним!

– Что ты кричишь? – угрожающе шепнула Моргиана. – Можно подумать, что я изверг. А! Ты не разорвала с негодованием злое письмо; ты поверила, спешила оскорбить меня?! Письмо написал подлец; кто он? как я могу знать?!

– Моргиана, немедленно говори!

– Не кричи. Если ты больна, оставайся здесь, но не терзай меня. Я не позволю тебе кричать.

– Моргиана, я требую, чтобы ты села и говорила. Помни, что мне худо! Говори просто и ласково, как с сестрой!

– Хорошо. Что я могу сказать?

– Тогда верни письмо.

– Нет!

– Скажи правду, Мори, родная моя!

– Я – правда. Я – сама правда перед тобой!

– Сестра, ты видишь, что я больна; я уже не отвечаю за мысли свои! Сядь, поговорим с доброй душой! Кто же мог так подшутить?

– Зачем ты притворяешься? Ты не веришь письму. Скажи: веришь или не веришь?

– Да, я еще не знала, что ты такая, – сказала Джесси. – Не говори так жестоко; мне страшно от твоих слов!

Моргиана вынула из кармана письмо и быстро, но старательно разорвала его на мелкие клочки, которые кинула за решетку камина.

– Вот мой ответ, – заявила Моргиана. – Иди наверх и ложись. Но ты сделаешь лучше, если немедленно покинешь мой дом. Я дам тебе свой автомобиль.

Джесси тупо следила за ее движениями.

– Хорошо, – сказала она, вставая и пересаживаясь близко к сестре, прямо против нее. – Я узнаю правду простым путем. Завтра же я буду просить лицо, приславшее письмо, явиться ко мне, ничего не опасаясь. Тогда мне скажут, в чем дело!

– Джесси, ты не сделаешь так, потому что это мерзость!

– Нет, это не мерзость! Ведь я отравлена, понимаешь ты или нет? Не бывает таких болезней, не может быть!

– Не кричи! Говори тише!

– Мори! Сними же этот ужас! – вскричала Джесси, плача навзрыд. – Неужели ты – палач мой?

– Конечно, нет, – сказала Моргиана, и ее осенила ложь, в которой выгоднее было запутаться, чем сказать истину. – Письмо, полученное тобой, – новое преступление.

– Значит, меня все-таки опоили?

– Мучительно тяжело мне, Джесси, но я вынуждена признаться. Ты знаешь, что я живу очень серой, совершенно ограниченной жизнью. Ты слушаешь?

– Я слушаю, говори!

Джесси смотрела на нее с надеждой и страхом.

– Я наказана за свои фантазии, – продолжала Моргиана, вставая и расхаживая по комнате, чтобы не видеть глаз девушки. – Я купила у одного человека, – адрес и фамилию которого могу сказать, если хочешь, – особое средство, обладающее, по его словам, способностью вызывать отчетливые, красивые сны. Так он сказал. У меня нет жизни, и я хотела испытать сны. В этом тяжело признаться, но это так.

Расстроенный ум Джесси изнемогал, стараясь отозваться доверием на всякое объясняющее слово Моргиана говорила неровно: то с излишней силой, то трудно и с остановками. Но Джесси не следила за тем; ей было важно, *что* она скажет.

– Тебе тяжело? – спросила Моргиана, лоя в дыму лжи подобие странной правды, очертания, напоминающие действительность. – Я сокращу рассказ; ты приляжешь, я отвезу тебя домой и вызову твоего врача. Но... что я хотела сказать? Да, я тайно от тебя дала тебе принять несколько капель.

– Купила себе, а дала мне!

– Да!

– Почему?

– Я хотела узнать действие.

– Действие ты могла узнать на себе.

– Джесси, я знаю, как ты любишь рассказывать сны и как они у тебя интересны. Не всегда можно дать себе отчет в подобных вещах. Не могла же я думать об опасности для тебя! И вот я вижу, что попала в руки преступников, которые продали мне что-то вредное под видом наркотика, с целью вымогать потом деньги.

– Моргиана, этого не может быть. Неужели они, или кто там, будут шантажировать меня, пострадавшую? Ведь ты должна была пить эту... это – как ты говоришь – особое средство для снов. Никто не знал, что тебе придет в голову поднести его мне! А затем, – какой расчет дать отравлять тебе?

– Как я могу знать, в чем тут был расчет? Ты молода, испугана; платишь бешеные деньги за противоядие; боишься семейного скандала, – вот, может быть, почему?! Так же, как ты, я теряю соображение, стараюсь понять. Может быть, яд был дан по ошибке, а затем явилось намерение получить вы-

году.

Джесси молчала, склонив голову и положив вытянутые руки на стол. Ее ресницы дрожали, блестя слезами.

– Это случилось в то утро?

– В какое утро?

– Когда ты пришла ко мне говорить с Флетчером. Осторожность изменила Моргиане. Моргиана ответила утвердительно, когда следовало сказать, что подмешала яд в питье вечером накануне.

– Разве человек видит сны днем? – спросила Джесси тоном печального торжества, открывая глаза и решительно вытирая их. – Моргиана, ты лжешь! Теперь я не могу тебе верить, и, может быть, хорошо, что ты выдумала эту историю с красивыми снами. Благодаря ей, слушая тебя, я хоть немного привыкла к мысли, что ты, моя сестра – чудовище! За что же ты погубила меня?

– Успокойся, Джесси, – сказала Моргиана с нервным, произвольным смехом, – я дала тебе это лекарство утром, потому что мне были даны разные наставления. Днем должны были быть грезы наяву, подобные снам.

– Такие же красивые, как то, что ты сделала? Зачем, дав мне отраву, ты тотчас уехала?

– Тебе худо, Джесси!? Позволь, я помогу тебе лечь.

– Не тронь! Не касайся меня! Я лягу сама.

Джесси подошла к дивану и прилегла, почти свалилась, с помутневшим лицом. Силы оставили ее, и она подумала,

что теперь умирает. «Оленя ранили стрелой»... вспомнила Моргiana. Возбуждение ее и потрясение собственной ложью перед лицом погибающей были так остры, что она продолжала говорить тихо и настойчиво:

– Я ничего не сделала, ничего. Но сны я хотела видеть, я, Джесси, имею право на сны. Во сне я могла быть ничем не хуже других: стройная, веселая, красивая я должна была быть во сне. Ведь это меня мучит, Джесси; ты не можешь понять, как тягостно смотреть на других, которыми все восхищаются, которым бросают цветы и поют песни! Мне больно, но я должна это сказать, так как я хотела жизнь заменить сном. Старая жаба хотела видеть себя розой; она сделала глупость. Только глупость, Джесси, ничего больше. Теперь ты все знаешь. Ты добра и простишь меня; но ведь скоро ты будешь здорова! Я поеду завтра же, и я добьюсь противоядия от этих мерзавцев или признания, чем ты отравлена, чтобы привлечь к этому делу врача, на которого можно положиться, что он не разгласит печальную ошибку твоей сестры.

Джесси открыла глаза и в изнеможении махнула рукой.

– Ты все сказала, благодарю, – прошептала она. – Ну, вот, кончена моя жизнь. К этому шло. Кто эти люди, у которых покупала ты сладкие сны?

Моргiana молчала.

– Говори же, дорогая сестра!

– Я, может быть, перепутала фамилию. Она записана у меня; я завтра тебе скажу.

Джесси, с внезапным порывом, вскочила и села. Она так страдала, что хотела бы призывать смерть, но смерть пугала ее.

– Помогите! – закричала девушка. – Помогите! Здесь убивают! Моргиана, освирепев, зажала ей рот рукой.

– Помо... – вырвалось из-под ее пальцев.

– Ты хочешь скандала? – шепотом крикнула Моргиана. – Знаешь ли ты, что может получиться? Тебя не спасут тогда!

– Пусти, я уйду, – сказала Джесси, отталкивая ее руку. – Отойди, открой дверь. За что же это мне все, боже мой! Спаси и помилуй нас!

Она встала, порываясь выйти, но Моргиана, силой удерживая сестру, сказала:

– Слушай, клянусь тебе, ты немедленно поедешь домой! Но только не выходи из комнаты. Сейчас будет автомобиль. Я пойду и распоряджусь, и я тебя отвезу!

– Кто бы ни был, но только не ты!

– Это буду я, так как я не виновата, а ты теперь невинна!

– Ложь! – сказала Джесси, продолжая плакать с открытыми глазами, полными безысходного отчаяния и бреда. – Ложь, Моргиана, палачиха моя. Ты все и обо всем лжешь. Если ты хотела наследства, тогда что? Но пусть, где автомобиль? Я уеду.

Она села, а Моргиана вышла. «Надо лгать, – сказала она, – единственно, – одна ложь до конца; бежать, значит, – при-

знать. Она уверилась, но не донесет. Я ее знаю. Она лучше умрет. Она умрет после этого разговора. Она может убежать, пока я хожу».

Моргиана осторожно повернула ключ в двери, но, как ни тихо было движение, Джесси услышала, что ключ тронулся. Тогда ей представилось, что в соседней комнате сидит темный сообщник, который должен войти и доделать то страшное, что задумала Моргиана. Слыша по шагам, что Моргиана ушла, Джесси попыталась открыть дверь, но, видя ее запертой, подбежала к окну. От страха и горя вернулись к ней силы с тем болезненным исступлением, какое уже не рассчитывает препятствий. Соскользнув с подоконника, девушка очутилась в саду и, подбежав к стене, поднялась на дерево по приставленной у стены тачке. Дерево это находилось в небольшом расстоянии от стены, так что переступить с ветвей на ее гребень было бы не трудно здоровому человеку. Джесси отделилась от дерева в тот момент, когда верхний край стены приходился ей под мышкой; упав руками на стену до самых плеч, девушка, отталкиваясь ногами от ствола дерева, проползла все дальше через гребень стены и, потеряв равновесие, свалилась по ту сторону, в сухую траву.

«Это сделано, – подумала она, – и я полежу немного, чтобы идти, не падая. Но нет, надо идти или они поймают меня». Она встала, шатаясь и придерживаясь за стену, наказывая себе: «Все, только не обморок!» Наконец, ей удалось двинуться прямо через кустарник; она плохо соображала и думала,

что выберется на дорогу, меж тем как шла по направлению к морю. «Это лес, – сказала Джесси, – но я не боюсь. Лес не так страшен, как быть с сестрой. Она не сестра мне; такая сестра не может быть у меня. Кто же она?» И в помраченном рас-судке девушки началось действие сказки, убедительной как самая настоящая правда. «Сестру мою подменили, когда она была маленькой; ту украли, а положили вот эту. А та, кото-рая любит сухарики и так на меня похожа, – та моя родная сестра. Да, это она, и я пойду к ней. Она сказала, что живет тут где-то, неподалеку. О, я знаю где! Мне надо пройти лес, потом я ее позову».

Она шла как слепая. Пасмурное небо являло ту же тьму, что земля и стволы внизу. По лицу Джесси скользили листья, она оступалась и останавливалась, стараясь заметить где-ни-будь луч света. Но лишь сырая ночь стояла вокруг и, благо-даря сырости, делавшейся тем более резкой, чем дальше она погружалась в лес, ее слабость перестала угрожать обморо-ком. Джесси дрожала; ее ноги были расшиблены, но ясное представление о где-то недалеко находящейся дороге, кото-рая ведет к неизвестной сестре, было таким упорным, что Джесси ежеминутно ожидала появления этой дороги, – ши-рокой, полной садов и огней.

Ее больная фантазия была полна теней и загадочных слов, неясно утешавших ее, в то время как страх умереть одной среди леса уступил более высокому чувству – печальному и презрительному мужеству. Ее пылкое, разрывающее серд-

це отчаяние прошло; хотя кончилась та жизнь, которую она любила и берегла, и настала жизнь, ею никогда не изведанная, – с отравленной душой и с сердцем, испытавшим худшее из проклятий, – она уже не горевала так сильно, как слыша ложь Моргианы. Ее отчаяние достигло полноты безразличия. Наплакавшись, она брела теперь с сухими глазами, протягивая руки, чтобы не наскочить на сук, и прислушиваясь, не гонятся ли за ней тени «Зеленой флейты». Хотя лес и мрак защищали ее от воображаемого преследователя, Джесси не смела кричать, боясь, что ее настигнут по голосу. Она шла теперь в направлении, параллельном береговой линии, и ушла бы далеко, если бы не припадки головокружения, во время которых она долго стояла на месте, держась за деревья. Несмотря на сырость и холод, ее так мучила жажда, что Джесси лизала покрытые росой листья, но от этого лишь еще сильнее хотелось пить.

«Неужели же я заблудилась и погибаю? – сказала девушка. – Как страшен такой конец! Не могу больше идти, нет у меня сил. Сяду и буду дожидаться рассвета».

Когда она так решила, во тьме, перед ней, засветились листья огненными и черными бликами. Из последних сил Джесси побежала на свет и увидела жаркий костер, возле которого, пошатываясь, ходил старик с небритым, нездоровым лицом. На его плечи был накинут пиджак: у костра лежали шляпа, хлеб и бутылка. Вторая бутылка стояла рядом с узлом, из которого торчала третья бутылка. Старик ломал хво-

рост о колено, подбрасывая его в огонь.

Этот человек стоял к Джесси спиной, согнувшись над хворостом. Добравшись до костра, девушка сказала:

– Если можете, спасите меня! Мне так худо, что не могу уже ни идти, ни стоять. Можно ли мне сесть у костра?

Заслышав так изумительно раздавшийся женский голос, старик повернул голову, оставаясь в том положении, при каком ломал хворост. Наконец, его направленные вниз и назад глаза заметили разорванный шелковый чулок Джесси. Он оставил хворост, повернулся и провел грязной рукой по спутанным на лбу волосам, смотря, как силится стоять прямо эта тяжело дышащая неизвестная девушка с распухшим от слез лицом, вздрагивая от холода и усталости.

– Садитесь, – сказал он задумчиво, с печальным, весьма поверхностным интересом рассматривая Джесси. – Кто бы вы ни были, вам необходимо согреться. Места хватит.

Он бросил пиджак к костру и указал на него рукой, а сам отошел к противоположной стороне и сел, поставив локти на поднятые колени. Погрузив спокойное лицо в заскорузлые ладони свои, как в чашу, неизвестный увидел, что девушка прилегла, беспомощно опустившись на локоть.

Волна жара падала на плечи и лицо Джесси, согревая ее. Широко раскрыв глаза, с вопросом, но без страха смотрела она на хозяина лесного огня, в то время как тот сидел и размышлял о ней без какого-нибудь заметного удивления. Обеспокоенная его страшным видом, Джесси сказала:

– Вы не должны сердиться на то, что я, может быть, помешала вам лечь спать. Я заблудилась. А утром, когда вы сможете мне выбраться из этого леса, я сделаю для вас все, что вы хотите!

– Отлично, – сказал неизвестный. – Я не любопытен, крошка, и не жаден. Огонь огнем, и я вас выведу, если только вам есть куда идти. Но не хотите ли вы поесть?

– Нет. Я хочу пить, только пить! Нет ли у вас воды?

– Вы больны?

– Я очень больна. Пожалуйста, дайте мне хоть глоток воды! Видя, как жадно смотрит она на бутылки, старик подошел к ней и сел рядом. Он ничего не говорил, а только смотрел на девушку, пытаясь правильно оценить ее появление. Наконец, ему стало жаль ее, и сквозь крепчайший спиртной заряд, настолько привычный для него, что даже опытный глаз не сразу бы определил принятую им порцию, старик почувствовал, что видит совершенно живого человека, а не нечто среднее между действительностью и воображением.

– Глаза ваши не хороши, а сама бледная и дрожите, – сказал он. – Значит, больная. Но только, дитя мое, в той бутылке вода не для детей. О воде этой уже сто лет пишут книги, что она вредная, и чем больше пишут, тем больше ее пьют. Не знаю, можете ли вы ее пить.

– Что же это такое?

– Виски, друг мой.

– О, дайте мне виски! – взмолилась Джесси, приподняв-

шись и прикладывая руку к груди, – я не пила виски, но я читала, что оно освежает. А мне плохо! Я согреюсь тогда! Хотя бы только стакан!

– Освежает, – усмехнулся старик. – Вам случилось пить водку?

– Нет, никогда!

– Все-таки я рискну дать вам стакан. У вас лихорадка, а при ней полезна водка с хиной. Хина у меня есть.

– Не лихорадка, нет, – сказала Джесси. – Я отравлена и, может быть, должна умереть. Хина не поможет мне победить яд.

– Раз вы это говорите, значит, у вас сильный жар. От этого мысли мешаются. Я сам десять лет страдал лихорадкой. Возьмите стакан. Держите крепче! А это хина. Держите другой рукой!

Говоря так, старик совал в ее ладонь облатку, столь затасканную по тряпочкам и бумажкам его карманов, что она больше напоминала игральную фишку какого-нибудь притона, чем знаменитое лекарство графини Цинхоны. Джесси тоскливо рассматривала облатку, но ей почему-то хотелось слушаться.

– Но только напрасно, – сказала девушка, глотая хину и прижимая ко рту конец шарфа. – Теперь я буду пить, чтобы согреться.

С твердостью, хотя покраснев от непривычного питья, содрасающего тело и разум, Джесси осушила стакан так счаст-

ливо, что даже не поперхнулась.

– Да, вы никогда не пили виски, – сказал старик, смотря на ее изменившееся, с закрытыми глазами лицо, по которому прошла судорога. – Ничего, так будет хорошо!

Джесси перестала дрожать. Ее истерзанная душа затихла, тело согрелось. Особая, заманчивая теплота алкоголя, при ее горе и страхе, напоминала временное прекращение мучительных болей, и, глубоко вздохнув, она прислонилась к камню, отражавшему вокруг нее жар костра. Костер слегка летал перед ней, в то время как старик то приближался, то отдалялся.

– Отвратительное снадобье! – сказала Джесси, получив дар слова. – Но жажды у меня теперь нет. Лишь голова кружится. Благодарю вас; но как же вас зовут и кто вы такой?

Старик налил себе стакан и, выпив, задумчиво погладил усы.

– Мое имя Сайлас Шенк. Я был бродячий фотограф. Что зарабатывал, то проживал; жил один и умру один. Для работы уже не гожусь; виски хочет, чтобы ему платили по счету, а счет большой. И я увидел, что жизнь кончена. Теперь я направляюсь к одному приятелю в Лисс; ему тоже шестьдесят лет. Мы вместе с ним проживем конец жизни, смотря, как живут другие.

– До восьмидесяти лет не надо сдаваться! – возразила Джесси. – За двадцать лет может много случиться нового! Я убеждена в этом!

– Самомнение молодости! – сказал Шенк, бросая сучья в костер. – А куда вы идете?

– Я скоро пойду к сестре, – ответила Джесси, смотря на драгоценные камни костра. – Ее тоже зовут Джесси. Она живет на красивой дороге, – там, внизу, где лес висит над морем. Она меня спасет. Одна женщина отравила меня.

Джесси прилегла, а Шенк смотрел на нее, размышляя, как много девушек, брошенных своими возлюбленными. Некоторые умирают, другие сходят с ума...

– Та женщина считалась моей сестрой, – говорила Джесси, и ей чудилось, что она лежит у пылающего камина. – На красивой дороге, в том доме, где синие стекла и золотая крыша, живет моя сестра, Джесси. Но ту женщину уличили, она призналась сама. Та была привезена с севера. Я сейчас пойду к Джесси. Не правда ли, странно, что одно имя? Этого еще нигде не бывало, но так вышло. Я сразу узнала ее, а она меня. Моргиана сделала так, что у меня теперь старая душа. А мне всего двадцать лет! Да, силы вернулись, я могу скоро идти...

Ее глаза закрылись, и лицо Джесси стало глухим. Темный конь сна мчал ее к горизонту, за которым нет ничего, кроме полного ничего. От костра вылетел уголек и упал на ее волосы. Шенк вытащил уголек.

– Не надо снимать шарф, – неясно пробормотала Джесси. – Детрей! – вдруг закричала она, все вспомнив, вскочив и дико глядя вокруг. – Детрей, я вас умоляю! Ведь вы стали мой друг! О, увезите меня отсюда!

Это была последняя вспышка. Шенк с трудом усадил ее, порывавшуюся встать на ноги, и силой заставил лечь снова. Она вначале оттолкнула его, но тут конь сна перелетел пропасть, и Джесси потеряла сознание, уснув при свете костра, в лесу, совершенно охмелевшая, в расстоянии не более полукилометра от «Зеленой флейты».

Было два часа ночи.

Глава XXI

Приехав к Еве Страттон, Детрей увидел молодую женщину готовой отправиться. Она была в дорожной шляпе, в пальто и, говоря с Детреем, поспешно засовывала в сумку различные мелочи. Ее лицо выражало нежелание вступать в предположения и объяснения, пока еще надо двигаться самой ради ускорения дела. Она кивнула Детрею и сбежала по лестнице, значительно опередив офицера, который догнал ее, только-только успев раскрыть дверцу гоночного автомобиля Готорна. Они сели один против другого. Машина сверкнула, вызвав страшный ветер в лицо Еве и заставляя глаза схватывать мелькание уличного движения, проносающегося вокруг с быстротой падающих огненных декораций. За те десять минут, пока автомобиль сокращал город, десять полицейских отметили его номер в записной книжке, потому что были нарушены все правила уличного движения, с неизбежным бегством врассыпную встречных и поперечных.

Заметив одобрительную улыбку Детрея, Ева сказала:

– Отец подсчитает штрафы. Я ненавижу экстравагантность, но никак нельзя сегодня поступать иначе. Я беспокою вас этой поездкой? Совершенно некого было пригласить помочь, кроме вас. Я просила отца ехать со мной. В это время вы стали говорить. Он мне сказал: «Если, по счастью, у телефона Детрей, попроси его, а меня уволь». Он находит,

что в столь тревожных обстоятельствах вы более отвечаете положению.

Устранив, таким образом, подозрение в «перемене ветра», Ева продолжала:

– Она не была в бреду. Я говорила с сиделкой и Гердой. Джесси получила какое-то письмо, уловкой отослала сиделку, оделась и исчезла.

– Верно ли, что она поехала к своей сестре? Быть может, она в городе?!

– Нет, чувство говорит мне, что это так. Она у сестры. При их отношениях! Я хочу сказать, что между ними нет близости. Между тем, девушка, больная, срывается ночью и уходит из дома! Только Джесси способна к таким вещам. Она – там, но я ничего не понимаю.

– Предположим, – сказал Детрей, – что случилось несчастье, – там, у сестры.

– Тогда не пишут писем, потому что у Моргианы есть автомобиль.

– Это верно.

– Вот видите. Но какое мученье! Мы еще едва отъехали от города.

Быстрота и ветер заставили их говорить с напряжением, отчего разговор смолк.

– У нас нет никаких серьезных догадок? – спросил Детрей. – Что может означать эта история?

– Я ничего не скрываю! – прокричала Ева, – я боюсь и

хочу ее разыскать! Все дело в письме! Теряю голову!

Немногочисленные вопросы Детрея, с виду совершенно спокойного, рассердили ее. Так как он теперь умолк, смотря в сторону, Ева подумала, что он, вероятно, не очень благодарен ей за эту поездку, нарушившую, быть может, более приятный план поздних часов. Она сказала:

– Теперь скоро. Я начинаю думать спокойнее. Джесси должна быть там. Жаль, что вы мало знаете ее. Тогда вы простили бы меня за то, что я вас похитила.

– Я ее знаю, – сказал Детрей.

– Да?.. Как скоро..

Детрей помолчал, обдумывая ответ:

– Некоторых узнаешь скоро, – задумчиво сообщил он своей, слегка потешающейся про себя, компаньонке. – Все главное о них узнаешь сразу; а затем – целую жизнь – узнаешь какую-то мелочь, которая дает тон всему, вместе взятому.

– Значит, мелочь важнее?

– Должно быть, так.

– Ну, вы в противоречиях!

– Может быть, – согласился Детрей, не любивший никаких препирательств.

– Если вы знаете Джесси, скажите мне, какая она?

– Такая, какой вы ее знаете за время, более значительное, чем две мои встречи.

– Не увиливайте. Так какой же я ее знаю?

– Да именно той, такой.

– Какой такой?

– Какая она известна вам.

– Значит, не знаете!

– Отлично знаю!

– Самоуверенность!

– Нет, уверенность.

Неуязвимый с этой стороны, Детрей попался на коварное обещание:

– Если вы скажете, как определяете Джесси, я вам скажу, что она сказала о вас!

– А что?

– То, что вы знаете о себе.

– Однако, – сказал Детрей с тревогой, вызванной ее обещанием, – во-первых, вы явно подражаете мне. А, во-вторых, я уверен и знаю, что нет на свете лучшей девушки, как Джермена Тренган. Об этом говорит ее дыхание, весь ее вид, и я считаю большой честью для себя помогать вам в цели этой поездки.

– Большая речь, – сказала Ева, задумавшись. – Но я вас обманула, Детрей. Джесси ничего не сказала.

Детрей остался в уверенности, что Ева, из сожаления к нему, умалчивает о каком-нибудь маленьком издевательстве. Особенного внимания он на это не обратил, но легкомысленная пытливость Евы ему была неприятна. И все же – говорить о Джесси, произносить ее имя – было для него утешением. Его начала грызть тоска; но уже приехали, и второй

раз за эту ночь у ворот «Зеленой флейты» остановился автомобиль, заявив о себе криком кларнета.

Гобсон, лежа в постели возле жены, размышлял вслух о причинах внезапного появления Джесси Тренган; ему не спалось.

– Не наше дело; потуши, наконец, огонь, – сказала ему жена. – Вот бьет три часа, и я не могу уснуть, так как ты то встаешь и куришь, то опять ворочаешься на кровати.

– Помолчи, кажется, кто-то еще приехал? – сказал Гобсон. В этот момент раздался автомобильный сигнал. Гобсон встал, оделся и пошел к двери.

– Что-то серьезное, – сказал он. – Если хочешь, туши огонь; мне теперь не уснуть.

Жена выбрала его за то, что он накликал своим бдением так много автомобилей, а Гобсон, с зажатым в руке ключом, прошел к воротам и отомкнул решетчатую дверь. Заглушая звон ключа, Ева крикнула:

– Мы ищем Джесси Тренган! Она здесь?

– Приехала часа три назад, – сказал Гобсон, распахивая дверь и придерживая рукой поднятый воротник пиджака.

Услышав это, Детрей сразу устал. Слова Гобсона произвели впечатление лихорадочно распечатанной телеграммы, которая прекращает тревогу, после чего, вздохнув, хочется смеяться сесть.

– Фу, даже голова закружилась! – сказала Ева Страттон. – Я довольна. Они спят?

Гобсон прошел в глубь двора и заглянул по окнам бокового фасада. Два окна наверху были освещены.

– Есть свет, – сообщил он. – Но свет часто бывает ночью за последние дни. Наша горничная Нетти говорила, что барышня страдает бессонницей.

– Во всяком случае, мы войдем, – решила Ева. – Будьте добры похлопотать, чтобы нас приняли – Еву Страттон и Финеаса Детрея.

– Мне кажется, – сказал Детрей, – что вам приятнее будет пойти одной. Я подожду.

– Пожалуй. Но тут холодно и темно.

– Не желаете ли посидеть у огня? – сказал Гобсон. Детрей согласился. Гобсон отвел его в комнату, где спали дети. Теперь они все проснулись и, подняв головы со сбитых кроватей, широкими глазами изучали посетителя. Детрей уперся руками в бедра и подмигнул. Раздался подлый смех толпы, польщенной выходкой актера. Тогда вошла жена управляющего и пригласила гостя в столовую. Любопытство освежило ее грузное, недоспавшее тело, как умывание холодной водой. Убедившись из короткого ответа Детрея на ее замечание о погоде (он сказал: «двадцать минут четвертого»), что настаивать далее нецелесообразно, она со скорбью пошла к детям и накричала на них, чтобы те спали. Детрей сидел на стуле у покрытого клеенкой стола и курил. Хозяйка была поражена, когда, опять зайдя в столовую, услышала его, запоздавший минут на десять, ответ:

– Это верно: после заката солнца делается свежо. «Муж прав, будет торжествовать, что прав. У них что-то произошло, – подумала жена Гобсона. – Этот человек даже не видит, что я хожу здесь, перед самым его носом».

Между тем Гобсон проводил Еву в дом и, когда Нетти закрыла за ней дверь, вернулся к своей встревоженной семье, а Ева, как только вошла, увидела поджидавшую ее Моргиану. Она стояла в двери гостиной.

– Четвертый час ночи, – сказала Моргиана. – Нетти, вы не нужны. Итак, дорогая Ева, что значит этот скандал?

Ева, у которой захватило дыхание, слегка побледнела.

– Джесси нужно быть дома, – сказала она с твердостью. – Вы знаете, что она больна. Я хочу ее видеть, чтобы отвезти в город.

– Вы за этим приехали?

– Единственное мое оправдание.

– Со мной вам не о чем говорить?

– Нет, Моргиана. Я все сказала вчера.

– Пройдите, Ева. Я вас простила. Так Джесси вас надула, исчезла, да?

– Моргиана, проведите меня к Джесси. Разговор становится странен, – поймите это! Где Джесси!

– Как же я могу знать наверное? Вы, Ева, очень настойчивы. Что же вы подозреваете, что я ее прячу?

– Не знаю. Я знаю, что она здесь.

– Была здесь, – хотите вы сказать. Да, Джесси приехала

сюда в двенадцатом часу, точно не помню. Пять минут назад я вышла; когда вернулась, ее уже не было. Я думаю, что она дома и спокойно спит, в то время как вы будите моих служащих.

– Постойте, я испугалась! – воскликнула Ева. – Джесси ушла?

– Вероятно, уехала. Но еще вернее, что она прячется где-нибудь неподалеку от дома, чтобы вызвать переполох. О, я не такова! Пусть выкидывает свои штуки. Пойдемте в гостиную.

– Гобсон сказал, что она здесь. Как же она ушла? Почему ушла? Почему она явилась сюда?

– Мне очень неприятно видеть вас, Ева, особенно после вчерашнего вашего нравоучения. На все ваши вопросы вам может ответить сама Джесси, а я вам говорю еще раз, что она воспользовалась моим отсутствием и убежала через окно, так как дверь была заперта. Окно выходит в сад; я обошла сад, сделав эту уступку ее дикой фантазии.

– О! Я мало вас знаю! – сказала Ева, отступая перед ее угрюмым взглядом.

– Если вы можете так говорить теперь, когда Джесси неизвестно где, – я имею право подумать многое. Но я узнаю, какое и от кого она получила письмо. Стыдитесь, Моргиана! Нельзя вымещать злобу против меня на ребенке! Конечно, вы ее выгнали.

– Остановитесь! Я не позволю вам клеветать! – крикнула

Моргиана. – Это вы стали между мной и сестрой! Вы шпионка, праведная Ева Страттон! Я не знаю, о каком письме идет речь. Посещение Джесси объясняется очень просто, но я не доставлю вам удовольствия и не удостою вас объяснением. Довольно бредней; я иду спать, а вы можете расположиться с вашим штабом в гостиной и сочинять диверсии.

– Как же вы допустили больного человека уйти? Ведь это хуже убийства!

– Все равно, что бы вы ни подумали, – заявила Моргиана, всматриваясь в Еву и убедясь, что та говорит так только с отчаяния. – Должны понять, что сестре было не так уж худо, если она смогла приехать сюда. Ну, с вами сойдешь с ума. Но я требую, чтобы вы, по крайней мере, сегодня, оставили меня в покое!

– Так вы отказываетесь помочь мне найти Джесси?

– Туда или сюда? – тихо спросила Моргиана, водя рукой от гостиной к выходной двери.

Ева посмотрела на нее и бросилась прочь, на двор. Холод пробежал по ее спине, когда дверь захлопывалась за нею, – так страшно было лицо старшей сестры, – все в темных рубцах ненависти и воспаленной мысли, запертой блеском глаз. Задыхаясь, Ева прибежала к Гобсону и повалила спокойное ожидание Детрея одним толчком.

– Гобсон, видели ли вы, как Джесси ушла? – вскричала Ева, мельком взглянув на Детрея и тревожно кивнув ему.

Гобсон растерялся, объяснив, что не видел ничего, ничего

не слышал с того времени, как проводил Джесси к сестре. Жена Гобсона села от удивления.

– Что случилось? – спросил Детрей.

– Возник секрет, о котором, я уверена, Гобсон будет молчать.

– Не сомневайтесь, – сказал Гобсон, – я и жена не причиним никаких неприятностей.

– Насчет нас можете быть спокойны, – подхватила толстая женщина. – Если что нужно, мы сделаем все.

– Джесси скрылась через окно в сад, а потом, вероятно, перелезла через стену, – сказала Ева, обращаясь к Детрею. – Она совсем больна и действовала в бреду. Необходимо ее найти. Времени терять, конечно, нельзя. Тяжелая история! Ну, Детрей, я не могу идти с вами, но, вероятно, Гобсон не откажется сопровождать вас?!

Гобсоны переглянулись. Детрей тоже не понимал, почему сестра Джесси спокойно отнеслась к исчезновению девушки, но у него не было времени для расспросов.

– Вы знаете местность? – спросил Гобсона Детрей.

– Да, – сказал тот, обдумывая положение. – Мы возьмем собаку. Это еще лучше.

– О! Если она годится, то половина дела сделана! – с облегчением воскликнул Детрей.

– Дай фонарь, – обратился Гобсон к жене.

Та, вытирая слезы волнения, отправилась разыскать фонарь, а Гобсон вышел в соседнюю комнату, надел сапоги,

свитер и, открыв дверь, свистнул. «Кук!» – негромко позвал Гобсон. О его ноги толкнулся хвост, и раздалось быстрое дыхание животного. По-прежнему светилось верхнее окно Моргианы; с подозрением взглянув на него, Гобсон прикрепил к ошейнику Кука цепь, затем ввел черную, с блестящим, сухим взглядом, собаку в комнату, но увидел шедшего навстречу Детрея.

– Всегда говорят о своей собаке, что она умна и понятлива, – сказал Гобсон, – так вот и я скажу то же. Моя ищейка прибегала отсюда в город и там находила меня! Вот вы увидите.

Жена Гобсона принесла фонарь с зажженной свечой, а Ева, вышедшая с ней, положила руку на плечо Детрея. Ее лицо было печальным, и Детрей понял, что она примирилась с его отношением к Джесси, – не только ради Джесси.

– Я сделаю все, – сказал он. – Вы ждите здесь. После того он вышел с Гобсоном через ворота и повернул влево, вокруг стены. Свет фонаря шел по траве и низу стены, озаряя никелированную цепь, туго натягиваемую собакой. Они прошли к тому месту ограды, где протянулись через нее длинные ветви, помогшие Джесси выбраться из сада сестры. Хотя Гобсон выражал сожаление, что нет предмета, принадлежащую Джесси, и несколько сомневался, – поведение ищейки ободрило Детрея. Обрыскав носом траву, она подняла голову, твякнула и стала махать хвостом.

– Ищи, ищи, – сказал ей Гобсон, – ворота были заперты,

понимаешь? Если она прыгнула здесь, ты должен это знать.

Раздался короткий лай. Своим путем, нам мало известным, собака понимала тревогу хозяина. Фонарь означал поиски, цепь означала, что искать назначено Куку, но возникло сомнение, тот ли это след, который нужен Гобсону. След начинался от стены и был ясен собаке; решив, что дальнейшее покажет, – этот ли след интересует людей, Кук крепко почесался задней ногой и побежал, опустив нос, к лесу.

– Не волнуйтесь, – сказал Детрею Гобсон, – собака знает, куда идти.

Удерживая собаку, торопившуюся доказать пустяшность возложенной на нее задачи, они стали бродить в лесу, тщательно осматривая все места, где Кук задерживался, следуя неровному пути девушки и часто тревожа их краткими возвращениями – для точной проверки. Одно время он метался среди кустов, под листвой тесно стоящих деревьев, тем самым указывая состояние Джесси, в каком спешила она скрыться от Моргианы.

– Она далеко зашла, – сказал Детрей, – неизвестно, что с ней и как она себя чувствует. Пусть она увидит собаку и догадается, что помощь близка. Отвяжите пса! А мы пойдем на его лай.

– Лучше не делать так, – возразил Гобсон, – его недостаток тот, что он отыщет и возвратится: уведомить. Тогда мы зря потеряем время.

Детрей хотел спорить, но заметил огонь и побежал к нему

с жавшимся от острой тревоги сердцем. Ветви исхлестали его лицо. Огонь был дальше, чем показалось вначале; оставив Гобсона далеко позади себя, Детрей увидел, наконец, костер и Шенка, отошедшего от огня взглянуться в тьму, где слышал он голоса и лай.

– Вы *ее* ищете? – сказал Шенк задохнувшемуся Детрею, указывая на скорченную фигуру с темными волосами, спящую и укрытую пиджаком.

– Она пришла сама?

– Да, но едва дошла.

Гобсон вышел на свет, и Кук, все осмотрев, обнюхал подошву девушки, решительно заворчав, так как доказал правильность своего поступка.

Все трое подошли к спящей. Ее лицо было в поту, руки прижаты к груди.

– Кто вы? – спросил Шенка Детрей.

– Вышедший в тираж, – хмуро ответил тот, считая, что перед ним виновник несчастья. – Я с ней говорил; дал ей хины, потом водки; она очень хотела водки, потому что ее сильно трясло. Она то говорила, то бредила.

– Что говорила?

– Вам лучше знать это.

– Не хотите сказать?

– Нет. Потом, когда вы с ней объяснитесь, она повторит все, если это не бред.

– Вы вышли в тираж и стали ошибаться поэтому, – заме-

тил Детрей. – Вы подумали не то, что надо думать. Слышите? Шенк внимательно рассмотрел Детрея.

– Да, я ошибся, – сказал он, несколько прояснев.

– Благодарю вас! – искренне отозвался Детрей, пожимая его руку. – Но, может быть, ее бред кое-что объяснит.

Шенк взглянул на Гобсона, правильно учитывая второстепенную роль пожилого и главную – Детрея; затем подойдя к Детрею, сказал на ухо несколько слов. Детрей растерянно оглянулся.

– Неужели не бред? – сказал он, вставая на колени около Джесси и рассматривая ее лицо. – Надо нести. Я надеюсь сделать это один.

Он снял пиджак, прикрывавший Джесси, и легко поднял ее, одной рукой обхватив под колени, другой – за плечи. Теперь, когда эта маленькая уснувшая голова лежала у его плеча, он понял, как долго может нести Джесси, и, тепло кивнув Шенку, начал шагать прочь, смотря более на закрывшиеся глаза девушки, чем следя за светом Гобсонова фонаря, двигавшимся впереди его. Он нес ее, удивляясь, что совершенно не чувствует тяжести, и боясь сделать Джесси неловко лежать у него на руках. Неоднократно Гобсон предлагал ему свою помощь, говоря: «Передайте теперь мне, не то у вас отнимутся руки»; Детрей кивал ему и продолжал быстро идти. Наконец, острая боль в плечах заставила его вздрогнуть, и он толкнулся о дерево.

Глаза Джесси открылись, но он этого не заметил. Потом

глаза закрылись опять, но висевшая доселе рука ее легла на ноющее плечо Детрея, возле шеи, и боль в плечах прекратилась. Желая убедиться, точно ли Детрей не пересиливает себя, Гобсон осветил фонарем его лицо и увидел, что хранитель ноши улыбается, а его глаза влажны и бессмысленны. «В таком случае – донесет», – подумал Гобсон.

Так выбрались они из леса и пришли в комнату, где ожидали их Ева и жена Гобсона, тихо разговаривая о посторонних вещах. Стук ворот заставил их вскочить, и они бросились к двери, где Джесси тихо, но настойчиво сползла из объятий Детрея, заставив того усомниться, точно ли она все время была без сознания.

Ее положили; тогда она попросила Еву побыть с ней наедине. Дверь закрылась за ними, и Джесси призналась Еве во всем, умоляя скорее отвезти себя в город, а также позвать истинную сестру и сказать Детрею, что она виновата во всем, но что он был ей другом и она этого не забудет.

Глава XXII

«Что же, сдаваться?» – сказала Моргиана, заперев Джесси и пройдя в столовую. Она села, но сидеть не могла; встала, начала ходить, но скоро остановилась. «Вот он, – обратный удар! Это Гервак. Она предусмотрительно заготовила письмо. Но Джесси не может уехать; не уедет, она уличила меня».

Выход из положения, о котором она думала в эти минуты, был так жесток, что даже ее злорадно прищуренное сознание запнулось при обсуждении. «Но я пошла на все, – сказала Моргиана, – не отступлю и теперь. На охоте добивают раненых птиц. Разницы я не вижу. Настал момент умертвить ее простыми словами».

Она задумала возвратиться к сестре, спокойно признаться, без раскаяния открыть все и *пожелать смерти*. Та правда, какую уже знала Джесси, пока была правдой трагической; еще правдивее должна бы стать она – правдой холодной расправы. Такая мысль напоминала белые глаза на черном лице; их взгляда не могла бы перенести девушка, едва начавшая жить; беспмятство или безумие, может быть, сама смерть, единственно вытекали из решения Моргианы. Она обдумала это и направилась добивать сестру.

Легко, почти весело, как с приветом и цветами в руках входят прогнать дурное настроение близкого человека, Моргиана отперла дверь, но пока дверь распаивалась, за ней еще

не могла быть видна Джесси; думая, что она здесь, Моргиана сказала: «Сестричка! Это все – правда. Я клюнула тебя в сердце. Я от...»

Моргиана закрыла дверь и подбежала к окну. Сад дышал ветром, ничего не было видно во тьме, скрывшей Джесси, но Моргиана подумала, что девушка здесь, в саду, и тихо позвала: «Джесси, автомобиль подан!» Снова пахнул ветер; сад молчал, и Моргиана спустилась в него с террасы, тщательно заперев комнату, как будто из нее могли уйти те чувства и слова, которых она боялась. Она стала ходить между деревьев и клумб, всматриваясь в очертания темноты. Молчание и тоска ночи убедили ее, что Джесси в саду нет, но еще раз обошла она кругом небольшой сад и остановилась у дерева, где наткнулась на упавшую тачку. «Странно, что собака не лаяла, – подумала Моргиана. – Тачка стояла у стены. Джесси вскочила на тачку. Тогда ее здесь нет. В таком случае я всю ночь не должна спать; неизвестно, что произойдет, если ей удастся приехать в город. Но, может быть, силы ее оставят, разум померкнет?! Ночь холодная; она одета легко. А может быть, она лежит рядом, в траве, за стеной, лишившись сознания?»

Моргиана возвратилась, взяла ключ и отомкнула дверь сада, выходящую к тропинке в кустарник. Тогда у ее ног стала вертеться черная собака Гобсона. Моргиана обошла вокруг всей «Зеленой флейты», а собака рыскала у ее ног, иногда пропадая во тьме; затем она возвращалась и ждала, но ни

разу не залаяла. Как только Моргiana пришла к тому месту, где Джесси перелезла через стену, собака сунулась в траву, замерла там и стала ворчать. «Джесси!» – позвала Моргiana, наклоняясь к траве. Никто ей не ответил; она прошла по тому месту, а затем стала следить, что будет делать собака. «Ищи», – сказала она ей и хотела ее погладить, но, выскользнув из-под ее руки, животное побежало к лесу. Его уже не было видно; отбежав, оно остановилось, ожидая, что привлечет человека к поискам. Моргiana повернула обратно, и собака снова пришла к ней, молча спрашивая: «Почему не надо искать?» После того она исчезла, а Моргiana, все зная теперь, стала придумывать, как объяснить безучастие к побегу сестры, если та заблудится и умрет где-нибудь в диком углу. Тогда она решила сказать то, что сказала Еве Страттон: «Джесси исчезла не более пяти минут тому назад». И она возвратилась через садовую дверь. Горничная уже спала. Ей захотелось есть; она стала есть у буфета, стоя, – сыр, хлеб и масло, запивая еду белым вином. Наверху, в своей спальне, Моргiana оставила свет, а внизу потушила его. Взойдя наверх, она снесла в спальню все, что думала взять с собой, и стала укладываться на случай побега. Все ценное поместилось в небольшой саквояж, не вызывающий никаких догадок. У нее были деньги, и, кроме того, она могла получить от ювелира деньги за драгоценности. Все сделав, ничего не упустив при сборах, мысленно проверив подробности и заперев саквояж, Моргiana надела теплую шаль и села слушать у

приоткрытого окна. Не более как через час произошло вторжение Евы, но, как ни презирала Моргиана эту молодую женщину разговор с ней менее ожесточил ее, чем прибытие Детрея, объявленное Гобсоном; оно опечалило и оскорбило ее; оно сказало ей о сильной любви.

Снова войдя в спальню, она села и задремала; и так было ей нехорошо, смутно, что она не сопротивлялась дремоте, но зорко стерегла сон, стоящий над ней с поднятой рукой, и немедленно раскрывала глаза, как только угадывала приближение забытья. Так прошло более часа, и в полночной тишине слышала она скрип флюгера наверху дома, вникая в его железные жалобы тем странным чувством, какое при бессоннице склонно наделять предметы жизнью.

Вдруг она услышала шаги двух людей; Нетти коротко постучала, и, встав, Моргиана крадучись подошла к двери, удерживая дыхание. Одной рукой она взялась за ключ, другой погасила огонь, но ничего не сказала на стук, продолжая молча стоять и слушать, как будто промедление должно было ей помочь. Второй стук, напоминающий тихое приказание, вызвал у нее внезапную злобу. Стиснув зубы, Моргиана быстро открыла дверь и увидела Еву Страттон. За ней, в слезах, с растерянной улыбкой стояла Нетти.

Ева видела фигуру старшей сестры, стоявшую неподалеку от дверей, в темной комнате, но не различала ее лица.

– Опять явились? – спросила Моргиана. – Что нужно?

– Джесси нашлась, – сказала Ева, взглядываясь с горем и

негодованием в темноту, окружающую убийцу. – Я везу ее; теперь она будет бороться с последствиями ваших забот.

– Вы бы лучше ушли, – сказала Моргиана. – Вам место в пожарном обозе, Ева.

– Отошлите Нетти! Я скажу очень немного; затем уйду и оставлю вас. Я вас оставлю, но другие вас не оставят.

– Мне уйти? – сказала Нетти, прислушиваясь к странному разговору с тупым страхом.

– Да. Джесси в сознании?

– В сознании, но Нетти еще не ушла. Теперь она ушла... Так это вы отравили вашу сестру?

Моргиана молчала. Она шагнула вперед, и Ева увидела ее лицо. Моргиана стояла выпрямившись, с руками за спиной. Такого лица Ева не видела никогда. Она вскрикнула.

– Вот я, – произнесла Моргиана, – вы меня видите. Я невинна. Ева закрыла лицо руками и разрыдалась.

– Плачь, гордая, – сказала Моргиана, – настал день слез и для подобных тебе.

– Я надеюсь, – ответила Ева, отходя с усталым жестом от безобразного и мучительного видения, – что вы душевно больны. Только это может примирить меня с тем, что произошло. Как вам поступить, вы знаете; должны знать. Пусть вас помилует суд, но я – простить не могу!

Спускаясь по лестнице, она услышала резкий хохот.

– Ева! Я вас пугала! – кричала ей Моргиана, перегибаясь через перила. – Уходите? Везете девочку? Будьте вы обе про-

кляты!

Все время, пока тешилась она так мстительно и черно, подобно концу хлыста, бьющего вокруг, повинувшись бессмысленно жестокой руке, – молчал ее страх; лишь теперь услышала она его голос и немного опомнилась.

«Так что же я теперь сделаю?» – сказала Моргiana. Совершенно уверенная, что Ева ее не пощадит, она спросила себя: «способна ли умереть?». Но ничего не ответила. На этот вопрос не было ответа в ее душе. Между тем, приближалось утро; и, по мере того, как в темной ее спальне обозначались предметы, мысль о смерти, вначале вынужденная и неприятная, начала доставлять ей некое утешение. То была дверь, скрывающая от любой погони.

«Как нелепо я собиралась скрыться! – размышляла Моргiana, – но это было бы возможно...» И так как обстоятельства, ею же подтвержденные в момент мстительности, в сцене с Евой Страттон, обратились против нее, она поверила своему желанию умереть! Вращение волчка оканчивалось. Видимая неподвижность его перешла в заметную быстроту, и, уже вздрагивая, теряя устойчивость, он стал ходить и раскачиваться, готовясь свалиться. Подобной волчку была теперь Моргiana; мысль и намерение заменили ей силу, как заменяют волчку его стойкую быстроту последние безнадежные обороты – на границе падения.

Как пробило восемь часов, ее размышления кончились. С интересом рассматривала она мрачное лицо Нетти, но не пы-

талась выведать от нее что-либо, касающееся происшествий ночи; также было ей все равно, какие догадки бродят во дворе и что о ней думают.

Она пила кофе, но не могла есть. Значительным, как прощание навсегда, стало вокруг нее все, что видела она в это яркое, горячее утро: красивые комнаты, смятение горничной, сдерживаемое привычкой повиноваться; звук ложки о фарфор. «Злая и нелепая жизнь, – сказала Моргiana, – зачем ты была такой для меня?»

Так как она не знала, что Ева отвезла Джесси к себе, ее последним желанием было покончить с собой в городском доме. Она надеялась, что ее смерть потрясет Джесси, и, может быть, они вместе сойдут в могилу. Темное удовольствие все еще примешивалось к ее обдуманному отчаянию. «Если тебя спасут, – говорила она, обращаясь к сестре и видя ее тоскующее лицо, – как бы ты ни была довольна впоследствии своей жизнью, в твоём доме все-таки одна стена останется навсегда черной; и ты уже не забудешь меня!»

Моргiana оделась, но, собравшись выйти, задержалась у саквояжа, который уложила ночью. Ей почему-то не хотелось бросать его на стуле, где он стоял, как будто ей было еще не все равно, где он находится, будет ли даже он существовать после ее конца. Она сунула его в шкаф, который заперла; ключ от шкапа взяла с собой; потом встала на подоконник и отрезала шнур гардины, длиной метра два; свернув его и уложив в сумку, она удивилась, что делает все это для сво-

ей смерти. В ее осмотрительности все время стоял смутный вопрос. Наконец, она вышла во двор, где увидела шофера, тотчас усевшегося к рулю при виде ее. Прежде чем поклониться, он взглянул на нее таким же глухим взглядом, как смотрела Нетти, внося кофе. Моргиана выехала, не видя ни Гобсона, ни его жены; но ей показалось, что у окна жилища Гобсона тронулась занавеска. В глубине двора стояла собака; она тоже смотрела на Моргиану. «Вот я ушла, – подумала Моргиана, – и ничто теперь не смутит ваших воспоминаний о Харите Мальком».

По дороге она обратила внимание на руку шофера, колеблющую черное колесо. Рука двигалась с властью и уверенностью судьбы. Ей представилось, что шофер не тот, не флегматичный Слэкер, и если он повернется, она не узнает его лица. «Не белое ли оно, с черными ямами?» – мелькнуло у Моргианы. Представление это навязалось с силой, вызвавшей у нее дрожь, и она громко сказала: «Обернитесь!»

Слэкер не расслышал, но обернулся и хмуро кивнул, думая, что возглас значит: «Поторопитесь». Машина удвоила бег, и хотя Моргиана теперь продолжала знать, что ее везет Слэкер, его мрачный кивок еще более расстроил ее.

Она ехала, то решаясь, то отказываясь от своего замысла. Внушение ночи исчезло; во всех светлых подробностях начался день, развлекая и как бы примиряя с самой безвыходностью. Приступы малодушия угнетали Моргиану не меньше, чем насильственно восстанавливаемая решимость. Об-

ман шел с ней до конца, но она уже не различала его.

Подъезжая к дому, Моргиана не знала, что ее ждет – арест или вопрос врача? Ее внутренняя поза исчезла. Моменты невменяемости перемежались угрожающим озарением. Ее встретили Эрмина и Герда, которые провели ночь без сна и лишь недавно получили от Евы известие, что Джесси благополучно нашлась. Моргиана понимала, что они говорят ей о происшествии, но слышала одни восклицания, не различая слов и тупо смотря на других слуг, показывавшихся в отдалении, как будто по своему делу, но – она знала это – изучающих и рассматривающих ее.

– Сестра спит? – сказала Моргиана.

Узнав, что Джесси находится в доме Готорна, она удивилась и вздохнула свободнее. Она хотела отослать женщин, чтобы несколько последних минут провести в этой высокой зале, поддерживающей чувство достоинства своими огромными окнами, светящими всей красотой утра на отраженные паркетом люстру и мебель.

– Оставьте меня, – тихо сказала Моргиана и, оставшись одна, подошла к окнам. В простенке, у трюмо, стояли бронзовые часы с медленно отзванивающим падением секунд маятником в форме лиры. Было пятьдесят пять минут девятого. Моргиана сжала рукой маятник; он двинулся в ее пальцах и неровно остановился. Услышав легкие шаги, она обернулась, увидев свою сестру, Джесси, – в сиреновом костюме сверх кофты и в белой шляпе, отделанной цветами ромашки.

У Джесси были голубые глаза.

– Кто пропустил вас? – сказала Моргiana, едва ее страх прошел.

– Все было открыто, – ответила неизвестная, заплатив смелым румянцем за свое появление. – Одна дверь... и все двери были открыты. Я шла; никто меня не остановил, и я не видела никого. Я пришла к Джермене Тренган, девушке, которая больна. Вчера я не могла прийти к ней.

– Вы ее знаете?

– Мы – тезки, – сказала молодая женщина, перестав улыбаться. – Мое имя – Джермена Кронвей. Мы говорили через решетку сада.

– Я сестра вашей знакомой, – сказала Моргiana.

– Могу ли я увидеть ее? – спросила посетительница, отступая перед упорным взглядом, почти безумным.

– Нет. Ее здесь нет. Идите к ее подруге. Там лежит Джесси, так похожая на вас, что хорошо бы и вам прилечь вместе с ней.

– Я рассердила вас?

– Вы меня насмешили. Что вы так смотрите? Наступит старость, и вы будете такая, как я.

– Может быть, я вас поняла, – сказала Джесси Кронвей, поблуднев и поворачиваясь уйти, – но вы неправы. Лучше бы вы не говорили со мной!

Она растерянно оглянулась и пошла, не сразу найдя дверь, – сначала тихо, потом быстрее. Уже ее не было, но

после ее исчезновения в зале как бы остались две голубые точки, мелькавшие в ливне лучей.

«Так что же? Оставить вас греться и жмуриться, а самой сгнить? – сказала Моргiana. – И вы поплачете надо мной? Страшно молчание этих часов. Проклинайте, но последнее слово оставляю я за собой!»

Она тронула маятник, начавший неторопливо звучать, и прошла в комнату, которую уже имела в виду, направляясь сюда, – в ту, не имеющую никакого назначения комнату, где был у нее разговор с Евой Страттон, – и, присев к угловому столику, начала писать в записной книжке карандашом.

«Я родилась некрасивой, выросла безобразной. Моя жизнь...» Не дописав, она зачеркнула эти слова так, чтобы их можно было прочесть; затем объяснила, как произошло преступление: «Я была у гадалки; не имея будущего, я хотела, вероятно, обмана; за деньги это доступно. Я познакомилась с ней и, под видом жестокого милосердия к безнадежно больному родственнику, выпытала кое-что о том темном мире, где можно добыть яд.

Невозможно объяснить, как все это произошло в душе моей; нет объяснения.

Джесси росла на моих глазах, и я отравила ее. Не жалости...»

Моргiana зачеркнула эти два слова, но опять были они доступны прочтению.

«Так не казните меня, – написала Моргiana, отчетли-

во представляя и изыскивая действие своей записки, – моя жизнь была – моя казнь!

Хорошего я ничего не видела и не увижу. Это все – для других». Перечитав, Моргiana прозрачно зачеркнула все, кроме слов о гадалке и слов: «Джесси выросла... я отравила ее».

Оставив записную книжку лежать на столе, она вышла в залу, позвонила и сказала Эрмине:

– Я уронила золотую монету, поищите ее под стульями. Эрмина начала обходить зал; тогда, с омерзением риска, но также с сознанием, что лишь единственно этим путем может смягчить сердца ею презираемых, могущих горько задуматься людей, Моргiana встала на стул в лишней комнате, рядом с большой индийской вазой, стоявшей на высокой подставке, и прикрепила шнурок к крюку картины, изображающей жатву.

Сделав петлю, Моргiana сунула в нее голову и рассчитала прыжок так, чтобы задеть вазу ногой.

Она слышала, как Эрмина отодвигает стулья, и была поэтому почти спокойна за исход затеи; лишь странное чувство операции сопровождало движение ее холодных, как лед, рук.

Что-то мелькнуло в ее уме, – не свет, не отчаяние; быть может, тоска и скука опасности...

Она взялась за петлю у горла обеими руками и, задрожав, повисла, не теряя из вида вазу.

Но не все было рассчитано. Тонкий шнурок резко сдавил

ее пальцы и горло. Оттолкнутый стул упал; она протянула руки, стараясь ухватить что-нибудь и силясь ударить вазу ногой. Но было уже поздно; носок башмака скользнул по фарфору, не достигнув цели. Тьма и боль губили ее с быстротой внезапного удара по голове. Ваза закачалась, но устояла.

Эрмина, бросившаяся на шум, увидела повисшую женщину, но вместо того, чтобы освободить ее из петли, перерезав шнурок и тем ослабив давление, остановилась, как вкопанная. Ей сделалось дурно. Когда, опомнясь и совладав с собой, она побежала, призывая на помощь, – Моргиане помощь была уже не нужна. Шнурок доконал ее, вызвав паралич сердца; расчет был точен, но еще точнее была случайность, подстерегающая ум наш, как кошка у входа, за которую, торопясь, запнулась уверенно шагающая нога.

Глава XXIII

– Теперь можно с ней говорить, – сказал Сурдрег. – Я думаю, что лучше сделать это теперь, пока ее восприимчивость остается притупленной. Лучше, если она узнает все это от вас, чем самостоятельно.

– Я поступаю, как вы советуете, – ответила Ева. – Какой это был яд?

– Не знаю. Во всяком случае, ни один из тех, какие распознаются лабораторным анализом. Но это не удивительно, так как наука еще недостаточно исследовала страну темных сил, скрытую в органическом мире. Есть много ядовитых растений, грибов, насекомых, рыб, моллюсков, жаб и ящериц; многочисленны разновидности трупного яда; даже в человеке есть яды, – в слюне, например. Кто знает, какие и где производятся тайные опыты над действием веществ, опасных для жизни? Искусный дегустатор, достаточно безнравственный и достаточно образованный, чтобы правильно проводить эксперимент, может добиться результатов в своем роде гениальных. Вспомните хотя бы яд «акватофана». Но, конечно, при состоянии медицины в средние века, когда паллиативное лечение не знало тех средств, поддерживающих сердце, какие в ходу теперь, – бороться с отравлением было труднее. И все же я думаю, – неожиданно закончил Сурдрег, – что стакан водки был ей полезен!

– Камфора, – благоговейно произнесла Ева.

– Спирт затрубил в рог, – продолжал Сурдрег, с удовольствием либерала, поддразнивающего единомышленника еретической шуткой, – он встряхнул организм и объявил ему об опасности. Несомненно, спирт вызвал благотворную реакцию, – положил ей начало. Старый врач никогда не отнесется без внимания к таким вещам. Кстати: появилось еще одно подозрительное заболевание сходного типа, и я думаю, что от него можно будет начать расследование о злоумышленниках. С той стороны – молчание?!

– Когда я бросилась в дом Джесси, – при известии о самоубийстве Моргианы, – кто-то вызвал к телефону Джесси, но узнав, что ее нет, спросил умершую. Мне передавала прислуга. На словах: «несчастье, она скончалась», – разговор прекратился.

– Побоялись, – сказал Сурдрег. Ева рассталась с ним и вошла к Джесси. Джесси сидела в кресле, держа на коленях книгу с клочком бумаги поверх нее, что-то рисовала и черкала.

– Сегодня запрет снят, – начала Ева, тихо отнимая у нее бумагу и карандаш. – Ты выпалась? Хотя рано, но жарко.

Джесси равнодушно смотрела на нее. Она догадывалась, что значит задумчивая складка между бровей Евы, не знающей, как начать.

Лицо девушки напоминало лицо проснувшегося от долгого сна, когда еще не восстановлена связь между делами вче-

рашнего и заботами наступившего дня; проснувшийся – ни в прошлом, ни в настоящем. Взгляд Джесси был ясен и тих, как лесная вода на рассвете, перед восходом солнца.

– Не бойся, Ева, – сказала девушка. – Когда умерла Моргана? Ева изменилась в лице и подошла к ней.

– Успокойся, – шепнула она. – Тебе кто-нибудь сказал?

– Я спокойна. Но ты пришла сообщить мне о ее смерти?!

Взволновавшись, Ева молчала.

– Вот видишь, – сказала Джесси с слабой улыбкой. – Ее больше нет. Я почувствовала это недавно.

– В тот день, когда мы тебя нашли.

– Чем?

– На шнурке... рядом с залой. Вошли в маленькую комнату. Там это и было.

Ева остановилась и, видя, что Джесси, подавив вздох, смотрит на нее с ожиданием, продолжала:

– Врачу не удалось ничего сделать. Со всем этим пришлось возиться мне, так как твоя горничная немедленно известила меня. Но я рада, что поехала туда, потому что у меня оказалась записная книжка, – она, конечно, не для полиции. Я опередила врача на несколько минут.

Затем Ева рассказала, как Моргана велела Эрмине искать золотую монету, как горничная прибежала на грохот упавшего стула и испугалась.

– А теперь прочти, – заключила Ева, передавая Джесси записную книжку, раскрытую на той самой странице. – К со-

жалению, я не имела права уничтожить эту записку.

Она отошла к окну, став к Джесси спиной. Наступила полная тишина; затем послышался шелест переворачиваемых страниц.

Поняв, что Джесси окончила чтение, Ева с тревогой подошла к ней.

– Не будем никогда более говорить об этом, – сказала ей девушка. – Умереть она не хотела; я это поняла. Но здесь написана правда. Чужая правда. Я не виновата в том, что она чувствовала невиноватой – себя. Я к чужой правде не склонна и платить за нее не хочу. Моя правда – другая. Вот и все.

– Разве я возражаю тебе?

– Я возражаю ей. Что было еще?

– На другой день, рано утром, я и отец проводили гроб на кладбище. Кроме нас, никого не было.

– Двумичные не пришли, – сказала Джесси, первый раз улыбнувшись за время этого разговора. – Почувствовали скандал!

– Хочешь, я передам слухи?

– Нет. Я не люблю сплетен. Хотя... в том значении, какое мы скрыли?!

– Сурдрег не выдаст, конечно. Все остальные видят ряд ссор и более ничего.

– А завтра я возвращусь домой, – сказала Джесси, желая говорить о другом.

– Не советую тебе жить одной.

– О! Я уже написала пятерым родственникам. Трое придут, наверное, – таким образом, будет с кем пошуметь. Ева! – прибавила девушка, задумчиво смотря на подругу, – знаешь ли ты, что ты очень хороший человек?

Не найдя, что ответить, Ева покраснела и невольно пробормотала: «притупленное сознание».

– Что такое?

– Сурдрег сказал, что у тебя «притупленное сознание»; поэтому ты начала «изрекать».

– Он сам притупленный. Да если бы у мужчины был такой характер, как твой, и он был бы мой муж!

– Я удаляюсь, так как ты, очевидно, нуждаешься в отдыхе.

Когда Ева ушла, Джесси снова перечитала предсмертное письмо Моргианы – и неловко, медленно, как будто это письмо ставило ей на вид все поступки ее, подошла к зеркалу. Она села против него без улыбки, без кокетства и игры, села, чтобы видеть – кто и *какая* она.

Джесси сидела молча, поставив локти на подзеркальник; охватив ладонями лицо, она смотрела на себя так, как читают книгу, и когда прошло много минут, все мысли, какие может вызвать рассказанная нами история, перебивали в ее темноволосой пылкой голове, с дарами и требованиями своими. Наконец, все они ушли; остались две, главные; одна называлась «Да», а другая «Нет».

И «Нет» сказала: «Надень рубище и остриги волосы. Из-

нури лицо и искалечь тело. Не будь ни возлюбленной, ни женой; забудь о смехе, так живут другие, которым не дано жить в цвете!»

А «Да» сказало иначе, и Джесси; видела дымную от брызг воду, напоминающую прозрачное молоко.

– Я – есть я, – произнесла Джесси, вставая, так как кончила думать, – я – сама, сама собой есть, и буду, какая есть!

Она громко ответила на стук в дверь, и к ней вошел сильно исхудавший Детрей. Он мало спал эти дни и очень надоел Еве, которая неохотно впускала его к Джесси, когда та еще лежала в борьбе с последними содроганиями отравы, медленно уступавшей твердому «так хочу» сильного организма девушки.

– Не более пяти минут, – сказала Джесси, – я очень устала!

– Джесси, – горячо заговорил Детрей, подходя к ней, – мне стоило большого труда решиться сказать о себе... и о вас... Мне пяти минут мало! Когда вы позволите мне прийти к вам? Затем, чтобы... может быть, сейчас же уйти?!

Джесси молчала, внимательно смотря на этого человека, готового отчаянно броситься – в ледяную или теплую воду? Он не знал ничего, потому что не понимал девушек, предлагающих «быть друзьями».

– Когда это началось у вас? – спросила она тоном врача.

– Всегда! Я думаю, что это было всегда!

– Сегодня день траура, Детрей, и лучше будет, если мы обсудим план наших прогулок, как предполагали вчера.

– Я отказываюсь! Неужели вы не видите, что мне худо, – а я еще ничего не сказал!

– Тогда идите.

Побледнев, Детрей пристально взглянул на нее и, медленно поклонясь, с трудом нашел дверь. Джесси шла за ним и, придерживав дверь, которую он хотел покорно закрыть, сказала с порога, в коридор, – уходящему, остановившемуся в му- чениях:

– Вы помните, как вы меня несли ночью?

– Да, и если бы...

– Так вот, я точнее вас: отсюда и началось, а у кого? – догадайтесь.

Она закрыла дверь, запрещая этим продолжать разговор, а затем, оставшись одна, вверила себя и свою судьбу человеку, с которым только что так серьезно шутила.

Глава XXIV

В ноябре о Джесси Тренган было известно ее знакомым лишь то, что она вышла замуж за лейтенанта Детрея и живет с мужем в Покете, где нет даже порядочного театра.

Дом Джесси стоял пустым; «Зеленую флейту» она продала одному из поклонников Хариты Мальком, находившему драматическое рассаживание по бывшим комнатам артистки вполне серьезным занятием.

Однако чего ждали от Джесси ее знакомые, тотчас признавшие с довольной миной пророков, что ее судьба и не могла быть другой, как «стать на теневой стороне»? По-видимому, вольные и невольные их ожидания сулили ей в будущем ослепительную феерию. Жена ничем не замечательного человека, не имеющего никакого отношения к славе и блеску, жила, между тем, без всяких пышных расчетов, обладая достаточным запасом преданности и любви, чтобы из обыкновенной, очень скромной жизни создать необыкновенную, совершенно недоступную большинству. Как раз в этом отношении нет способов передать сущность жизни мужа и жены так, чтобы сущность эту ощутил слушатель.

Но нам уже приходилось быть непоследовательными. Так как Детрей не только не захотел выйти в отставку, но даже от намеков на это приходил в мрачное настроение, Джесси оставила его жить так, как ему нравилось, и сама стала жить

одной с ним жизнью, в доме из пяти комнат, а прислугой ее была одна Герда. Круг их знакомых был прост и не тягостен. Из ограниченного жалованья Детрея, с прибавкой хорошо продуманной лжи в виде тайно потраченных своих денег, Джесси создала комфорт и была искренне поражена своим искусством. Детрей был тронут ее усилиями, но беспокойная, холостая жизнь притупила его восприимчивость, и он больше догадывался, чем знал, что сделанное Джесси – хорошо.

Окончив свои труды по устройству квартиры, Джесси подарила Детрею лошадь, – белую с рыжей гривой, тысячу папирос его любимой марки и ящик рома. Детрей был в восторге два дня.

Тогда она произвела в квартире беспорядок, приказала Герде не мести комнаты, сдвинула стулья, опрокинула статуэтку, на стол положила чайное полотенце и пролила воду возле цветов.

– Вам, наверное, очень неприятен этот хаос? – сказала Джесси Детрею, – но к вечеру все будет прибрано.

– Не думайте, что я очень жесток, – ответил Детрей, – главный порядок в том, что вы со мной.

Наступил вечер, когда Детрей вернулся домой. Джесси встретила его нарядная, с лукавым видом, и провела по всем комнатам.

– Мы с Гердой обломали все ногти, – сказала она, – так мы чистили и скребли. Но уж зато пылинки нигде нет. Я –

молодец? На самом же деле Джесси оставила все, как было утром.

– Дорогая Джесси, – ответил Детрей, оглядываясь с тоской, – неужели необходимо удручать себя? Действительно, все блестит и сияет, но, по моему мнению, с вещами надо обходиться так: дать им несколько дней свободно перемещаться и бунтовать, а потом рассчитывать с ними сразу за все.

– Относится ли это к мытью тарелок?

– Конечно. Надо купить сто тарелок.

– Таинственное существо, мой друг, откройте мне великую тайну: разве мужчины не педанты чистоты и хозяйственности?

– Клевета! – мрачно сказал Детрей. – Мы жертвы этой клеветы в течение уже четырех тысячелетий.

– Хорошо, расскажите же мне о себе!

– Вам будет страшно, но я расскажу. Мы живем двести лет назад. Я и вы. Мы пристали на парусном корабле к берегу Дремучих лесов.

– И Поющих ручьев?

– Да. Я сложил дом из бревен, сам их нарубив. И я сложил очаг из глыб песчаника, а также поймал дикую лошадь и выкорчевал участок.

– Я не знала, что вы можете сказать подряд тридцать пять слов.

– Иногда; когда вы держите меня за руку, как сейчас.

– Но в той лавке древностей – я не держала вас за руки?

Я не мешала?

– Нет, конечно, нет.

– Что же я делала?

– Я жарил для вас оленей и куропаток.

– Да, но я?!

– Вы сидели в шалаше, пока строился дом, и вам было не ведено выходить во время дождя.

– А потом что?

– Мы жили вместе. Мы пекли в очаге картофель, а в реке удили рыбу. И я рассматривал все следы, чтобы вовремя заметить врага.

– А теперь, – сказала Джесси, – я расскажу вам, и вы увидите, что я могу попадать в тон. Она... гм... то есть та, которая всегда была сухой благодаря отличному устройству шалаша... Так вот она ела однажды салат из почек кедра, замешанный на бобровом сале, и у нее заболели зубы.

Детрей хохотал, не замечая, что у Джесси нервно блестят глаза.

– Заболели зубы, – продолжала Джесси, вставая и ходя по комнате с заложенными за спину руками. – Так, заболели. Ай-ай-ай! Вот ужас! И коренной и глазной, сразу, – и надо было ей зубного врача. Попробовали компресс из сырого мяса пятнистой пантеры – не годится. Она скандалит и бегаёт под дождем. Он, конечно, читает заметки на коре дерева, сделанные когтями гризли, но не находит никаких указаний. И вдруг...

– И вдруг?! – спросил встревоженный Детрей.

– Зуб прошел сам. Не обижайтесь на меня, милый, я вас очень люблю.

Она пошла в спальню и написала Еве Страттон: «Будь добра, напиши, что ты очень больна».

На ее письмо пришел ответ в виде двух отдельных листов. Первый листок содержал уведомление о тяжелой болезни почек; на втором, которого Детрей не читал, стояла шеренга восклицательных знаков, заканчивающихся словами: «Лучше бы помирились».

Тогда Джесси проверила белье Детрея, крепко расцеловала его и, кивнув из окна вагона, показала пальцем на свой лоб, на сердце и сдунула с ладони воображаемое перо. Поезд уже тронулся, так что, затрудненный этими таинственными знаками, Детрей долго стоял у опустевших рельсов, сказав лишь «Дорогая моя».

Он прожил четыре дня в пустых комнатах, со ставшим очень отчетливым стуком стенных часов, и среди казарм, в зное известковых стен обширных дворов, по которым всегда медленно проходили солдаты.

Утром четвертого дня подробная телеграмма Евы Страттон произвела, наконец, благотельную операцию, несмотря на сварливый тон Евы: «Нарушаю честное слово, предаю вашу жену. Сегодня, в час дня, Джесси подписывает продажу своего дома, добавляет к сумме всю наличность, продает ценные бумаги и покупает двадцать шесть недурных жемчу-

жин, а также билет для возвращения домой. Эти жемчужины вы можете растворить в уксусе вашего самомнения и выпить его за здоровье одного бескорыстного, преданно любящего вас существа, которому, очевидно, все равно, будут у него дети или нет, — лишь бы угодить своему повелителю».

Бесспорно искренний, по значению чувства, но неестественный эгоизм Детрея стал вполне ясен ему. Как ни мечтал он быть для жены всем, ее решительные поступки устроили его. Он не мог хотеть помнить всю жизнь непоправимую вину. Еще красный от хорошего стыда, едкого, как попавший в глаза табачный дым, Детрей послал Герду на телеграф с телеграммой такого содержания: «Подал в отставку и жду приезда». Детрей не подозревал, что для него, с его врожденными способностями и наклонностями, эта телеграмма представляет значительную жертву. Но он хотел, чтобы Джесси была спокойна.

Между тем, его жена, очень довольная сюрпризом, тайно подготовляемым для Детрея, сидела в рабочей комнате Евы Страттон, ожидая появления нотариуса и покупателя дома, голландца Ван-Гука, директора фабрики граммофонных пластинок. Джесси продавала не торгуясь, за полцены, лишь бы скорей вернуться домой. И ее восхищала мысль, что Детрей, встретив ее, не заметит жемчужины на ее груди; таких и подобных им жемчужин на всем земном шаре считалось не более ста тридцати. Они ждали ее денег в громадном магазине Фланкона, запертые в стальном сейфе. Жемчужи-

ны эти, величиной в белую сливу, блестяли, как луна. Стоили они, по словам Джесси, сущие пустяки. «Я назову их, – сказала Джесси взбешенной и утомленной Еве, – назову их „все мое несу с собой“, а так как слов много, то сокращу, составлю им имя из начальных букв: „ве-ме-не-с“. Веменес. Почти как испанское».

– Веменес, тебе телеграмма, – вздохнула Ева, приготавливаясь к расплате и передавая телеграмму Джесси.

Джесси прочла ее про себя, глубоко задумалась, изменилась в лице и, сведя брови, стала смотреть на Еву в упор.

– Я прочту вслух, – сказала Джесси. – Слушай: «Подал в отставку и жду приезда». Ева, ты должна понимать, что означают эти слова!

– А мне все равно, – ответила та, стараясь быть бесстыдно веселой, хотя покраснела и выглядела довольно жалко.

– Ты низкая мошенница! – вскричала Джесси, не зная, плакать или смеяться от этой, так нежно и горячо ударившей ее, неожиданности. – На кого же я тогда могу положиться?! Ведь это предательство!

– Ты права. Я беззащитна, – сказала Ева. – Мне сказать нечего. Я молчу.

– О, господи! – вздохнула Джесси, расстроенная равно как смущением подруги, так и ее угловатым вмешательством. – Простить тебя, что ли?! Ты что ему написала?

– Не больше того, что есть. Неужели тебе жаль жемчужин?

– Представь: да!

– Это похоже на тебя.

– Ну, ты не смеешь так говорить!

Но ссоры не произошло, потому что пришел Готорн, с самого начала принимавший деятельное участие в конспирациях Джесси.

Узнав, что случилось, он стал наставлять юную женщину именно так, как это хотелось ей услышать.

– Я безусловно сочувствую вашему мужу, – говорил Готорн. – Надо правильно взглянуть на него. Он представляет собой редкое ископаемое. – отпечаток раковины в куске фосфорита, – чистый, твердый человек. Он человек деятельный. Дым его жертвы равен блеску наших неосуществленных жемчужин. Ему просто надо помочь. Мой старый школьный товарищ Гракх Батеридж устраивает конный завод, а так как вы говорили, что ваш муж хорошо знает лошадей и любит их, я считаю, что, при его согласии, место управляющего заводом будет оставлено ему. Этим все и решится.

– Благодарю вас, – сказала Джесси. – Я виновата.

– В чем вы виноваты, дружок?

– Не знаю. – Она вытерла проступившие в глазах слезы. – Чувствую, что виновата. А может быть – нет.

– Наверное, не виноваты ни в чем. Однако я слышу шаги; это идет ваш покупатель с нотариусом.

Голландец был неприятно поражен, когда Джесси, едва ответив его приветствию, поспешно сказала:

– Дом больше не продается. Я его не продаю. Я раздумала.

– Так, – сказал толстый, черноволосый человек, садясь и плавно осматривая присутствующих поверх скрывающего нос платка. Посморкавшись, он шумно задышал и взглянул на нотариуса, оживленная улыбка которого приняла официальный оттенок. «Настало время шутить», – подумал Ван-Гук и сказал:

– «Сердце красавицы – как ветерок полей!?»

– Вы должны меня извинить, – твердо заявила Джесси, уже оправясь, – я сговаривалась серьезно, но обстоятельства, незадолго до вашего появления, изменили мое решение. Что я могу сделать?!

– Цена, предложенная мной, была, сознаюсь, несколько низка. – Ван-Гук стал часто дышать. – Я предлагаю вам высказаться в смысле ваших желаний.

– Она совершенно серьезно отказывается продавать дом, – сдержанно вмешался Готорн. – Дом остается в ее руках.

Голландец, сильно и зло покраснев, пристально всмотрелся в Готорна и неожиданно встал. Слегка качнувшись, что означало сухой общий поклон, Ван-Гук и, вместе с ним нотариус, вышли, сопровождаемые общим молчанием.

– Он обиделся, – сказала Джесси тихо, – действительно, вышло это не совсем красиво.

– Ничего особенного, – возразил Готорн, – уверяю вас, что этот прожженный делец рассердился не на меня и не на вас, но только на «внезапное обстоятельство». Ван-Гук привык

ездить по гладким рельсам. «Неожиданное обстоятельство» для него есть неприличие, срам. Но вас, Джесси, он будет теперь глубоко уважать, – вы оказали неодолимое сопротивление, а он к этому не привык.

Итак, голландец остался без дома, Джесси – без ожерелья, а Детрей – без службы.

На другой день вечером Джесси приехала в Покет. Описание встречи ее с мужем не произвело бы того впечатления, какое могло быть, если бы читатель был очевидцем встречи, и мы оставляем эту возможность не тронутой. Тем подтверждается все более укрепляющееся в Европе мнение, что читатель есть главное лицо в литературе, а писатель – второстепенное. Против такой идеи нечего возразить, она помогает пищеварению.

На лисском кладбище, несколько сторонясь от других могил, стоит высокая мраморная плита, уже обвитая дикими розами, в тени двух деревьев. Она ограждена черной решеткой с позолоченными железными листьями. Кроме имени «Моргиана Тренган», на плите этой нет никакой надписи. Но это имя есть, в то же время, единственная возможная сентенция.

Вскоре после смерти Моргианы на ее могилу явилась деревенская девушка. Она странно держала голову, как будто движение головой причиняло боль в шее, и положила к плите полевые цветы, помня с горячей благодарностью те десять фунтов, которые получила она от умершей в возмеще-

ние удара камнем.

Вот и все; немного – или много? Как кому нравится.

20 апреля 1928 года.

Феодосия.